

Николай Березовиков

Таёжная
заповедь

УДК 821 (574)
ББК 84 (5Каз-Рус)
Б48

Березовиков Н.Н.

Таёжная заповедь / Николай Николаевич Березовиков. - Алматы, 2024. - 168 с.

Николай Николаевич Березовиков (1956–2022) – крупный казахстанский учёный, орнитолог и зоолог, опубликовавший более 800 научных работ. Неутомимый и увлечённый исследователь - он был и одарённым краеведом, и популяризатором зоологических знаний.

Литературное творчество – отдельная грань таланта Николая Николаевича: заметки, очерки о разнообразии птиц и поведении животных, истории о приключениях и испытаниях охотников, егерей, научных работников публиковались во многих газетах и журналах. Живой язык, передающий колорит местного диалекта, тонкое знание повадок птиц и зверей, искусно и очень точно описанные ландшафты сразу погружают читателя в мир повествования.

К сожалению, при жизни Н.Н. Березовикову не удалось издать сборники своих произведений. Представленные вашему вниманию две книги выпускаются его друзьями и сыном. Книга «Таёжная заповедь» была подготовлена самим автором ещё в 2009 году, её структура выдержана в авторском варианте. Книга «Рясный дождь» – сборник воспоминаний, размышлений и рассказов, которые были ранее опубликованы в тех или иных изданиях в разные годы.

Обе книги пронизаны уважением к людям, которые в суровых и экстремальных условиях проявляют мужество, взаимопомощь и заботу о тех, кто оказался также во власти природной стихии. Но звучит и горечь об уходящих временах, когда традиции бережного отношения к природе неуклонно соблюдались.

Книги будут интересны краеведам, научным работникам, всем любителям природы, которым небезразлична судьба родного края.

УДК 821 (574)
ББК 84 (5Каз-Рус)

ISBN 978-601-80473-1-2

**ПРОЩАЙ,
ЗИМОВЬЕ**

(рассказы)

Прощай, зимовье

Зимовье — дом родной для алтайского промыслового охотника, в котором он проводит чуть ли не половину своей жизни. Поэтому для настоящего охотника — это понятие святое, связанное с соблюдением целого ряда традиций и поверий. В давние времена наши предки рубили себе охотничьи избы в глухих местах тайги, но обязательно у речек, ключей и озер. Устраивались в них основательно, добротнo, сооружая рядом лабазы для хранения провизии, имущества и пушнины. Некоторые постепенно пристраивали рядом сени или навесы. Каждый год, с наступлением Покрова дня, уходили в тайгу артели охотников и, добравшись до своих заветных избышек, обжились и вели промысел соболя, белки, колонка, горностая и другого таежного зверья.

Избушки со снаряжением и охотничьи участки с длинными путиками из мастерски налаженных «пастей» и «кулём» передавались порой от отца к сыну как дорогое наследство. Как и накопленный семейный охотничий опыт и навыки, которые ценились дороже золота. Поэтому в казахстанской части Алтая на протяжении двухсот лет сложились целые охотничьи династии: Рахмановы, Коробейниковы, Анфилофьевы, Ионины, Самойловы, Паутовы, Лысовы, Лаптевы...

Именно охотники из числа староверов-кержаков в восемнадцатом и девятнадцатом веках были первопроходцами самых глухих мест алтайского Беловодья в бассейнах Становой, Бело-порожной, Черной и Белой Убы, Ульбы, Тургусуна, Хамира, Черновой, Белой и Черной Берели, Катуня, Бухтармы, Кабы и Курчума. Прокладывали первые тропы «в Камень» и «вершили» труднодоступные «переломы» — перевалы, схватываясь в «катунских белках» с калмыками и урянхайцами, постепенно вытесняя их в китайские и монгольские пределы.

Это был отважный, жизнестойкий и необычайно выносливый народ — «алтайские каменьщики», заселившие и освоившие Бухтарминский край, создав здесь уникальный очаг русской староверческой культуры. До сих пор в некоторых семьях ходят легенды, как их прадеды, налегке, на лыжах, по двое-трое суток без передышек, могли гнать по глубокому

снегу марала и выбившегося их сил зверя вязали, чтобы доставить живьем для маральника. Яркие образы таких охотников оставил в своих записках писатель Валерьян Правдухин, посетивший в двадцатые годы прошлого столетия тургусунские заимки.

Именно после них, на месте этих избушек, больше напоминавших скиты, впоследствии возникали первые заимки и алтайские деревеньки с пасаками, маральими «садами», огородами и полями. Именно они в этих краях заложили основы охотничьего промысла, мараловодства и пчеловодства, основанные на многовековом народном опыте.

Каждое зимовье обычно носило фамилию своего хозяина. Проходили времена, а место, где когда-то стояло охотничье зимовье, так и продолжало называться по имени его первого строителя и жильца. Сколько урочищ по горной алтайской тайге получило имена таких первопроходцев — не счесть.

По неписанным правилам зимовье никогда не закрывается на замок, как и до недавних пор большинство домов в отдаленных алтайских деревнях, где люди друг друга хорошо знают. Вместо запора уходящий по делам хозяин обычно подпирает дверь своего жилья обычной палкой. И нет большего греха односельчанину войти в такую дверь...

Любой путник во все времена мог остановиться и переночевать в таежной избушке, будь она пустующей, будь жилой, но с отсутствующим хозяином. Соблюдай только негласные таежные заповеди. Голодный человек с чистой совестью может поесть с хозяйского стола — это за грех не считается. Но не более того. Имущества хозяйского касаться нельзя. Тем более, что-то забрать с собой. Нет большего преступления в тайге — совершить кражу из зимовья, особенно пушнину, капканы и оружие. В старые времена «варнаки» и «пакостники» наказывались за это строго и жестоко. Чаще всего такие люди уже никогда не возвращались из тайги. Поэтому поговорка «закон — тайга, медведь — прокурор», особенно в охотничьей среде, имеет очень большой смысл.

Издавна, святой обязанностью любого человека, переночевавшего и прожившего несколько дней во временно пустующем охотничьем зимовье, было оставить жилье в порядке,

убрать после себя весь мусор и подмести пол. Сжег дрова — будь добр заготовь и обязательно оставь такой же запас. Пользовался печкой — очисти ее после себя от золы и положи внутрь сухие дрова с лучинками, чтобы после тебя, уставший путник мог без задержек зажечь огонь и согреться. Он обязательно вспомнит добрым словом тебя и сам после этого сделает также. Оставь, если можешь, лишние спички, соль, свечку, лекарство, нитки с иголкой, карандаш — все это после тебя пригодится таежнику. Никогда не забывай, что, оставляя сухари, крупу, банку консервов, чай, сахар, ты можешь спасти жизнь другому человеку. Таких случаев множество. Попавший в беду человек всегда, из последних сил, стремится добраться до ближайшей охотничьей избушки. В тайге и горах это всегда последний шанс на спасение.

Потомственные промысловики всегда стремились создать в избушках при минимальных удобствах максимальный уют. Для человека, целый день находящегося на морозе или ветре, высшим счастьем является вернуться в теплую и чистую избу, где как дома, можно раздеться и отдохнуть по-человечески. Поэтому на смену дедовским тесным, дымным, как бани, избушкам с маленькими окошками в семидесятые годы стали строиться добротные избы с хорошей внутренней отделкой, большими светлыми окнами с занавесками и печками, сваренными из хорошего металла. Как что-то совершенно новое в избушках начали появляться транзисторы, а по вечерам под завывание пурги стала звучать музыка и международные новости...

Время неумолимо стало вторгаться в глухие уголки тайги и гор. Уже в семидесятые и восьмидесятые годы прошедшего столетия в тайге все чаще и чаще стали появляться туристы и другие искатели приключений. После их посещений многие зимовья стали приходить в запустение и негодность. Беда одна — стали приходить люди с другой, подчас варварской, моралью, не признающей местных традиций.

Промысловик Анатолий Коробейников с горечью рассказывал однажды о случае, происшедшем с ним на Южно-Алтайском хребте. Со своим напарником в конце лета в верховьях Кабы они восстановили две охотничьи избушки, планируя

вести в них осенне-зимний промысел не один сезон, а много лет. Отремонтировали двери, столы, нары, вставили стекла в окнах, завезли и установили железные печки, оставили даже небольшой запас продуктов, в основном крупы, муки и соли, чтобы не таскать потом все это на себе. Заготовили порядочно дров, сложив их в поленницу под навесом.

В начале ноября приехали на свой участок. Пока устраивались на нижней избушке, пошли обычные в это время большие снега. Навалило выше колен. Обставив капканами первый участок, решили идти на вторую избушку в кедрачах, почти у верхней границы леса. Первым отправился в путь более крепкий Анатолий — предстояло пробивать лыжню по глубокому снегу. Пошел налегке. Взял с собой только хлеб, сахар и заварку к чаю. Остальную провизию через день по готовой лыжне должен был доставить напарник. Капканы, завезенные еще осенью, они припрятали поблизости в лесу, уложив в муравейник, чтобы отбить запах человека.

Целый день, не жалея сил, прокладывал путь. Расстояние от избушки до избушки составляло порядка двадцати километров. Вечером, как всегда в горах, разгулялся верховой ветер. К зимовью подходил уже в темноте, вымотавшийся до предела. Ватник, одетый поверх рубахи, был мокрый от пота — хоть отжимай. Первое что увидел — пустое окно, вывернутое вместе с рамой. Под навесом не было поленницы с дровами, исчезла снятая с петель новая дверь. Но самое главное — внутри избы, забитой снегом, отсутствовала печь. Исчезли нары, стол, посуда и продукты с полок. Пусто, словно Мамай прошел.

Анатолию даже в голову не могло прийти, что подобное можно совершить с подготовленным на зиму зимовьем. Известны были случаи, когда избушки сгорали во время пожаров. Бывало, воровали капканы, оружие, бинокли. Когда в последние годы в обиход вошли небольшие, но мастерски сваренные на заказ печки, стали иногда их похищать. Охотники, покидая на лето избушки, вынуждены были припрятывать их где-нибудь поблизости в лесу. Но, чтобы взять и вывезти из избы все подчистую, вплоть до чурок и наколотых дров, такого, он не знал. Подобного даже придумать трудно было. И, главное, не у дороги где-нибудь, а в горах, в совершенно безлюдном месте.

Это уже было настоящее варварство, которому не могло быть никакого оправдания и прощения.

Эта ночь была самой страшной в жизни Анатолия. Он с трудом дождался рассвета, коротая время у небольшого костерка. Когда рассвело, сразу же отправился в обратный путь. Добравшись до нижней избушки, свалился в сильном жару. Товарищ помог выбраться до лесовозной дороги и на первой же попутной машине уехал он домой, а затем в больницу. Целый месяц пролежал с двусторонним воспалением легких, пропустив самое важное время промыслового сезона и лишившись основной доли годового заработка. Выбирался, правда, потом к своему напарнику, но после пережитого, охота этой зимой уже не заладилась.

Занимаясь выяснением обстоятельств ограбления, Анатолий узнал, что той самой осенью на джайляу, в районе их зимовья, до первых снегов стояли бухтарминские табунщики с лошадьми. Скорее всего, они и вывезли все имущество и материалы из избушки на обустройство своего стана. Обращался в милицию, но ехать и разбираться с тружениками сельского хозяйства в соседнем районе никому из следователей не хотелось. А не пойманный — не вор. Такова, увы, правда, нашей жизни.

Много изменилось за последние два десятилетия в жизни и психологии охотника. Уходят из жизни последние потомственные профессионалы-промысловики, забываются традиции, уходит в забвение большой и колоритный мир алтайского промыслового охотника, для которого охота была призванием и смыслом существования. Уходит целая эпоха.

В девяностые годы, после «оптимизации» и развала охотничьего дела, в казахстанском Алтае была ликвидирована одна из эффективных систем ведения охотничьего промысла, основанная на опыте многих поколений промысловиков. Забывается профессия охотника-промысловика и приходит время «новых охотников» с психологией браконьеров. Исчезают на таежных тропах избушки. Одни из них разваливаются от времени, другие сгорают, остальные все еще подвергаются нашествиям «любителей природы». Остаются лишь в памяти людской названия от избушек и слава о былом богатстве этих мест...

Чарым

После зимнего промысла Семен Андреевич целый месяц занимался накопившимися хозяйственными делами и сдавать пушнину в заготконтору выехал с большим запозданием — только в десятых числах апреля. Из своей таежной дереvушки до районного центра добирался на попутных лесовозах двое суток и порядком намучился в дороге. На груженном тяжеленными лесинами КРАЗе медленно спустились с заснеженного перевала. В широкой долине Бухтармы по-весеннему стояла теплынь, зеленели луга, а на реке шумело половодье. Стало жарко, пришлось снять меховую куртку и шапку.

— Что-то, батя, ты к нам к нам совсем по-зимнему собрался, — кивнув на валенки в резиновых калошах, рассмеялся молодой водитель лесовоза.

— Да я всего лишь на денек. Сделаю дела и обратно в горы, — отмахнулся Семен.

Шофер высадил его на окраине поселка. Взвалив на спину мешок с пушминой, добирался дальше пешком, вышагивая в валенках через лужи и грязь. Остановился и заночевал у знакомого охотника Григория. Весь следующий день провел в заготконторе, сдавал пушнину, оформлял разные казенные бумаги, получал деньги в сберкассе. Под вечер, выполняя заказы родни, прошелся по магазинам. Покупок набралось полный рюкзак. Заглянул по пути на узел связи, дозвонился по телефону домой и сообщил, что завтра пешком выходит через ближний перевал.

За ужином, как водится, среди охотников, выпил с другом за окончание соболиного сезона и допоздна беседовали о житебытье. Когда укладывались спать, хозяин поинтересовался:

— С кем собираешься ехать завтра?

— Пойду пешком, через перевал. Так быстрее будет.

— Зря, — возразил Григорий, — наши охотники уже с неделю в горы не ходят, даже на глухариные тока. Сам видишь, весна ранняя, чарым совсем гиблым стал. Только по ночам да по утрам с трудом держит человека. Ходить по нему — горе мыкать.

— Ничего, доберусь, не впервой, — остался при своем мнении Семен Андреевич.

Вышел в путь в темноте, до первых петухов. Темными переулками, сопровождаемый лаем собак, выбрался на окраину поселка и вдоль линии телеграфных столбов направился к темнеющему в нескольких километрах хребту. Телефонная линия тянулась через перевал от райцентра до самой деревушки, где жил Семен Андреевич. Расстояние — без малого полсотни километров. А это для привычного ходока — не расстояние. И, главное, вдоль нее стояли избушки, в которых можно ночевать и дневать. Чарым его сильно не беспокоил, так как решил идти в ночное время, когда снежный наст всегда крепок. Двое суток и будет дома.

Остались позади березняки, потянулся листвяжник и темнеющий по склонам пихтач. Когда поднялось солнце, Семен уже одолел половину подъёма.

Чарым был крепким, твердым и идти по нему было легко, как по асфальту. Воздух наполнял аромат талого снега и хвои, а проталины, уже появившиеся на солнечных местах вокруг стволов деревьев, чарующе пахли лесной прелью. В распадах стоял звон голосов токующих косачей, в пихтачах пересвистывались рябчики и, перебивая друг друга, кричали кедровки.

Остановившаяся передохнуть, он подолгу всматривался в далекие контуры знакомых деревень, над которыми вился и поднимался вверх дымок печей. Но особенно притягательной была темнеющая в голубой дымке пойма Бухтармы, на которой в детстве и школьные годы проводил целые дни, таская на перекатах хариусов, а по осени, по глубокими заводям, на жерлицы с мясной приманкой выуживал тяжеленных тайменей.

К полудню солнце совсем прогрело горы. Стало жарко. Даже куртку снял. До зимовья — верхней избушки под самым перевалом, оставалось полчаса хода. Семен собирался в ней дневать и в предвкушении отдыха и горячего чая ускорил шаг. Прошел с сотню шагов и вдруг провалился по самый пояс. Сбросив рюкзак, выбрался на крепкий наст и принялся вытряхивать из валенок снег. Попытался идти дальше, но чарым уже не держал его вес. Провалившись еще несколько раз, с трудом добрался до пихтача и стал устраиваться на отдых.

Вытоптал в глубоком снегу полянку, наломал хвойных веток, устроил лежанку. Затем долго возился с костром, растопил в котелке снег и вскипятил воду. Долго чаевничал, дождавшись, когда просохнет намокшая одежда. Прилег на пихтовые ветки и крепко уснул. К случившемуся, с присущей алтайским мужикам рассудительностью, отнесся спокойно, без лишних эмоций. С кем не бывает. А отдохнуть вполне можно и на свежем воздухе. Охотнику в лесу под любой елкой постель найдется.

Когда стало вечереть, похолодало, подул ветер. Вершины хребта стало затягивать низко плывущими тучами. Семен Андреевич наломал побольше веток, распалил костер и, когда он разгорелся, уложил сверху толстые сучья, выломанные из соседней коряжины. Охотник топтался у огня по ограниченном кругу, закрывая лицо то от дыма, то от летящих в разные стороны красных искр.

Ветер крепчал, захлестывая порывами пламя. Семен терпеливо ждал полночь, когда по его расчетам должен окрепнуть чарым. С надеждой вслушивался в гудящую от надвигающейся бури тайгу, пытаясь на слух уловить хотя бы какую-нибудь перемену в погоде. После утомительного ожидания вышел только во втором часу ночи. Вскоре миновал верхнее зимовье, но задерживаться около него не стал. Осталось позади верхолесье. Дальше телеграфная линия уходила прямо вверх, на самый водораздел. Как назло, теперь пришлось идти против сильного встречного ветра. Передвигался от одного столба к другому. Добравшись до очередного столба, приходилось все дольше и дольше отсиживаться около него.

Одолев очередной пролет, повалился, обхватив руками столб и, поняв, что дальше идти у него уже просто нет сил. Закрываясь от секущей лицо снежной крупы и с тоской вглядываясь в кресты столбов, уходящих в темень водораздела и, вслушиваясь в погибельный гул проводов, старик уже в который раз пожалел, что отправился в этот путь. «И годы уже не те, и силенки прежней нет, куда же меня несет?». Если летом здесь была хорошо протоптанная тропа, то теперь подъем на этот обледенелый крутяк стал непреодолимым препятствием. А сам перевал, где ураганный ветер наверняка валит с ног, ему одолеть не удастся.

— Все, надо возвращаться к зимовью и переждать бурю, — решил он.

Спускался медленно. Кое-как доплелся до зимовья, забрался под заснеженный навес, оттолкнул в сторону бревно, которым была придавлена входная дверь и вошел во внутрь избушки. После ветра здесь было непривычно тихо и спокойно. Добравшись в темноте до нар, скинул рюкзак, прилег и забылся от усталости. Как был в куртке, валенках и шапке, так и уснул. А в горной тайге свирепой рососомахой продолжала буйствовать буря.

Проснувшись утром, первым делом выбрался наружу из избушки и не поверил своим глазам. После кошмарной ночи в лесу стояла теплынь и изумительная тишь, нарушаемая лишь песнями синичек. Слепительное, режущее глаза, солнце, на голубом небе ни единого облачка. Прошелся до ручья, умылся студеной водой. Из-под заснеженного берега с криком вылетела и уселась на обледенелые камни черно-белая пичуга — оляпка. Покачивая коротеньким хвостом, прощebetала песенку и, прыгнув вниз, погружая в воду головку, побежала, выискивая корм.

Вернулся в зимовье и хозяйским взглядом осмотрел все углы. Судя по посуде на столе и печке, зимой здесь жило не менее двух охотников, а по оставленному мусору и наведенному бардаку можно безошибочно было говорить, что промышляла здесь неопытная молодежь. Еще снаружи он обратил внимание, что печная труба ничем не прикрыта. Бывалые охотники, уходя надолго зимой, обычно закрывают ее пустым ведром, чтобы не забило снегом.

Первым делом открыл дверцу печки и выругался. Так и есть, половина печки забита обледенелой золой и углями. Отыскав старенький совок, старательно очистил ее и поддувало. Собрал вокруг все щепки, палки и оставшиеся полешки. Вскоре печь задымила, но, когда огонь разгорелся, «заработала» в полную силу. Семен подобрал с пола и сжег весь ненужный мусор, выкидал под навес все накопившиеся под нарами и вдоль стен бутылки и банки. Подмел веником пол. Протер оконные стек-

ло, посудную полку, а стол застелил свежей газетой. Внутри зимовья стало сразу уютно и весело. Притащив из ручья ведро воды, поставил на печку котелок и довольный прилег отдохнуть на нары.

Это зимовье, приземистое, но широкое, было рассчитано на проживание целой бригады из четырех охотников. Почти половину избы, от стены до стены, занимали нары. Семену оно было хорошо знакомо. В шестьдесят восьмом году он со своим напарником провел здесь несколько осенних и зимних месяцев — белковал и соболевал на окрестных таежных склонах. В следующие годы еще несколько раз приходилось здесь ночевать и пережидать столь частую в алтайских горах непогоду. Немало, видать, за это время в зимовье побывало другого, как промыслового, так случайного народа. Изба давно уже не знала хозяйской руки и пришла в сильное запустение. В отличие от людей его возраста, привыкших бережно относиться к таежному жилью, нынешнее поколение охотников вызывало у старика постоянное раздражение. Пришел в готовое оборудованное зимовье, пожил как гость месяц-другой и ушел, оставив после себя кучи мусора, грязи и поломок.

— Хуже росوماхи всякой, — видя все это, в сердцах ругался он.

Когда вскипела вода в котелке, старик заварил чай, достал хлеб и банку с консервами. Обед получился на славу. Снова выбрался из избушки наружу и проверил крепость чарыма в тени и на солнечном месте. Было уже двенадцать часов дня и снежный наст был ломким как стекло.

Присев на сухую колодину и, греясь на солнышке, старый охотник снова предался воспоминаниям. Славные охотничьи места в этих краях, богатые дичью. По таежным склонам водятся марал, лось, косуля, медведь, рысь, росوماха, барсук. В кедрачах есть соболь, колонок и белка. На горных лугах еще сохранились большие колонии сурков, а в скалах по самым верхам держатся тэки — сибирские козероги. Для знающего охотника — настоящий рай. Эх, и потаёжничал в этих горах в молодые годы Семен!

Взгляд остановился на скалах, окруженных темным пихтачом. Тоже знакомое, памятное место. Как-то зимой вышел он из этой избушки и отправился проверять капканы. Завернул на всякий случай к этим скалам, в надежде отыскать там, среди камней, соболя. Вместо него обнаружил совсем свежий следок кабарги и принялся ее тропить. Крадучись, стараясь не шуметь. Обошел вокруг скал, замкнув круг, и увидел, что на его лыжне, идущая следом кабарга оставила свои следы. Сделал второй, третий круг. Все повторилось, как и в первый раз. Какие только уловки не применял охотник, чтобы обмануть зверя. И засады устраивал, и неожиданно поворачивал и шел в обратном направлении. Все было напрасным. Только после очередного круга на тропе добавлялось количество следов зверя-невидимки.

Полдня потратил тогда увлекшийся троплением охотник, но так и не увидел кабаргу. Обладая отличным слухом, она всегда шла впереди, предугадывая все хитрости человека и, оставаясь при этом совсем невидимой. Отчаявшись и выбившись из сил, вернулся он в тот день обратно в зимовье. Так и не разобрался он тогда в этих хитростях кабарги.

Хорошо отдохнувший и выспавшийся Семен Андреевич вышел в полночь. Чарым уже достаточно окреп, а яркая луна освещала путь. Не спеша, опираясь на захваченный с собой посох-палку, выбрался на водораздел. Здесь снегу было совсем мало, часто попадались выдувы с сухой травой и камни. В одном месте, словно белые призраки, в разные стороны разбежались и взлетели тундряные куропатки, напугав своими жутковатыми криками старика.

Без передышек одолел верхотуру. Столбы телефонной линии стали уходить вниз по забитому снегом распадку. Спуск был более похож на каток, поэтому, опираясь на палку, пришлось замедлять движение и местами даже скатываться вниз. Дальнейший путь лежал днищем ущелья и по нему спокойно и без лишних приключений добрался к утру до развилки. Вот и знакомый поворот. Отсюда было уже рукой подать до зимовья, виднеющегося на пригорке ниже по ущелью. Однако путь

преградила уже вскрывшаяся речка. Она хотя и была шириной всего лишь с десятков метров, но, по горному, шумная и бурная, была сейчас непреодолимой преградой. Сколько помнил себя Семен, переходить в брод через нее, даже в летнее время, было очень опасно. Правда, выше по крутому склону, имелся обход тропинкой, однако сейчас она была скрыта под слоем слежавшегося снега. Преодолеть его можно, но с большим трудом. Умывшись холодной водой и, отдышавшись, Семен приступил к штурму склона. Вырубая ножом ступеньки, он, не спеша, преодолел крутяк и, спустя час, уже шел вверх по берегу этой речки. Через километр появилась новая развилка, где из скалистых отщелков вытекало сразу три ручья, которые, сливаясь, образовывали эту речку. Здесь Семен и знал подходящее для переправы место. Перепрыгивая с валуна на валун, одолел почти весь поток, но на одном из последних обледенелых камней потерял равновесие и упал в воду. Выбрался на берег, сбросил с себя рюкзак и долго ругался. Стоило ли столько осторожничать, беречься, чтобы на последнем метре свалиться и намочнуть почти по пояс. Пришлось раздеваться, отжимать мокрые брюки и носки, ждать пока вытечет вода из набухших от влаги валенок. Потерял за этим занятием много времени. Солнце уже давно прогрело ущелье, ярко слепило и жгло лицо.

Оделся и стал двигаться вниз вдоль речного берега. Когда добрался до развилки, сразу двинулся напрямик к избушке по чарыму. Первую сотню метров прошел нормально, но дальше разогретый солнцем снежный наст стал рушиться под ним. Провалившись раз, затем другой, дальше Семен пошел напролом. Наваливаясь на снег то грудью, то коленями и руками, продавливал наст собственным весом и метр за метром рушил его перед собой.

Выбившийся из сил, злой и мокрый все же одолел последний километр и, очутившись под навесом избушки, скинул со спины рюкзак. Отлежавшись на нарах, быстренько растопил печку и поставил котелок с водой. Всю мокрую одежду — штаны, рубаху, носки развесил на одной из сухих веток лиственницы с солнечной стороны. Оставшись в нижнем белье, отдыхал и сушился у раскрасневшейся печки. Долго, растягивая

удовольствие, чаевничал, доев остатки продуктов. Остался лишь последний кулек с конфетами, который взял с собой в качестве гостинца для внучат. Однако наличие еды его уже особо не волновало. До ближайшей дороги оставалось пять километров, а по ней еще десяток верст до дома. Самое страшное было позади. Этой ночью Семен Андреевич намеревался обязательно попасть домой.

Набив до отказа печку смолистыми поленьями, наглухо захлопнул дверцу и, пристроив рядом валенки для просушки, Семен Андреевич завалился на нары, подложив под голову куртку и блаженно задремал. Однако отдых прервал сильный гул, который прошел по ущелью. Обувшись, налегке выскочил наружу. С противоположного, почти отвесного склона, пригладив как траву густой осинник, сошла мощная лавина. Семен с тоской глянул на гору, у подножия которой стояло зимовье. Уже который год, останавливаясь здесь зимой, он мысленно ругал тех мужиков, которые умудрились поставить избушку на лавиноопасном участке. И хотя находилась она на небольшом бугре в окружении нескольких крепких лиственниц, сойди здесь лавина, непременно снесет или разрушит ее как спичечный коробок. Правда, пока все обходилось благополучно.

Вернулся обратно в зимовье, в котором стало жарко, как в бане. Сухие листвяжные дрова разгорелись с такой силой, что бока железной печки раскалились до малинового цвета. Снял с себя нижнее белье, развесил на проволоке, натянутой для этой цели поперек избы. Оставшись в одних трусах, довольный растянулся на нарах и опять крепко уснул.

Очнулся от страшного грохота в полной темноте. Избушка содрогалась, словно по ней проехал гусеничный трактор. Раскачивались стены, сыпалась земля с потолка, со скрежетом «въехала» внутрь жестяная труба и яркими брызгами в разные стороны из печки разлетелись угли.

— Лавина! — в ужасе сообразил старый охотник.

Натянув на себя куртку, отыскал валенки, обулся и бросился к двери, но она не открывалась. Локтем выдавил стекло в окне, но и оно было завалено плотным, как бетон снегом. Под нарами от углей загорелся мусор. С трудом удалось его загасить. Из ведра выплеснул в печку остатки воды. Почувствовал, что спертый воздух наполнился угарным дымом.

Тяжело закашлявшись от удушья, упал к двери, пытаюсь вдохнуть хотя бы глоток свежего воздуха. Напрасно. Нашупав и вывернув из-под печки валун, принялся бить им в дверь. Две крайние доски с трудом отошли, образовав небольшую щель. Вдохнув немного воздуха, поднял камень, ударил в дверь и потерял сознание...

Еще первая, сошедшая в этот день лавина, снесла один из телеграфных столбов и в деревне сразу же прервалась телефонная связь с районным центром. Отключилась она и с десятком других таежных деревень и пограничных застав. Связисты быстро определили примерное место разрыва линии и туда экстренно была отправлена бригада из четырех местных ремонтников на устранение «ЧП». Выехали вечером на двух снегоходах «Буран», к каждому из которых были прицеплены санки с необходимым в таких случаях инструментом и снаряжением. Уже в последний момент к ним подбежала пожилая женщина.

— Ребятки, вы там моего Семена гляньте. Он как раз вдоль линии через перевал пошел. Третий день уже нет.

— Привезем деда, загулял видать, — успел крикнуть один из отъезжающих ребят.

Двигаясь вдоль линии столбов, связисты добрались до места схода лавины и сразу же обнаружили место разрыва проводов. Восстановив до утра временную связь, поехали на ночевку в избушку и увидели, что она вся завалена второй лавиной. Осветив все вокруг фарами снегоходов, разглядели, что огромные пласты и глыбы снежной массы, с огромной скоростью сошедшие с крутого склона, хаотично загромодили вокруг все пространство.

На одной из лиственниц заметили одежду Семена Андреевича.

— Мужики, завалило его в самой избе, надо спасать, может, еще успеем.

Лопатами и топорами принялись рыть ход, но спрессованный, как камень, снег с трудом поддавался. Пригодилась захваченная с собой бензопила и с ее помощью через час проби-

ли путь до самого входа. Избушку от разрушения спасли три старые лиственницы, стоявшие выше на горке и, принявшие первый удар лавины. Старый охотник лежал без чувств у самой двери.

— Живой еще, но сильно угорел, — осмотрев его, крикнул один из связистов, забравшийся внутрь избушки, как в подземелье.

Вытащили его на свежий воздух и, укутав в полушубок, уложили его в сани. Сами разожгли костер и принялись готовить ужин.

Медленно и тяжело возвращался к жизни Семен Андреевич. Несколько раз открывал глаза, но все кругом плыло и качалось, как в шаманском танце. К утру кое-как отдышался на свежем воздухе, пришел в себя. Осмотрелся и на первых порах ничего понять не мог. Кругом высокие деревья, горит большой костер, около него молча сидят мужики. А сам он лежит в длинном, как гробу, ящике. Даже страшно стало. Вгляделся в лица, кажется, знакомые, деревенские ребята. Подал голос. У костра все засуетились, сбежались, окружили заботой и вниманием. Видя, что старик себя уже хорошо чувствует, один из шутников напомнил про штаны на лиственнице и про каких-то девок, вызвав среди мужиков взрыв смеха. Улыбался и сам Семен Андреевич.

Удивительная все же особенность у наших людей. Пережив минуты смертельной опасности, они, словно снимая с себя стресс и отводя новую беду, находят смешные моменты в случившемся и от души смеются над собой и друг над другом. Иногда — сквозь слезы.

После кружки горячего чая стало легко и хорошо. Выходило солнце, наполняя жизнью тайгу и горы.

— Эх, братцы, — сказал старый охотник, — ну до чего же хорошо на белом свете. Однако я еще задержусь и поживу немного. Не оборвалась пока моя охотничья тропа.

Снежный человек

По заведенной годами традиции на медвежью охоту выехали затемно, пока деревня еще спала. А когда рассвело, охотники были уже далеко в горах.

Размеренным шагом идут подмороженной тропой навьюченные кони. Солнце уже взошло. Пожелтевшая лиственничная тайга залита изумительной позолотой и наполнена звонкой осенней тишиной, чуткой к каждому звуку, как сторожкий зверь. И отдаленный раскатистый рев марала, несколько раз доносившийся из глухого распадка, и заунывный крик черного дятла — желны и даже робкий голосок кузнечика, удивительным образом пережившего ночные заморозки, все это отдается в серебряной тиши октябрьского утра.

Перестоявший иван-чай, густо растущий вдоль тропы, шуршит, звенит, как жестяной и пылит белым пухом. Кони временами мотают головами, всхрапывают, отфыркиваются от

него и, брякая удилами, раздражают охотников, привыкших к неслышной езде.

Охотников двое — пожилой чернобородый Матвей и его младший сын Павел, единственный в большой семье, унаследовавший природную кержацкую тягу к зверовой охоте и скитаниям по горной тайге.

Который раз с недобрим предчувствием Матвей всматривается в мутноватую, затянутую свинцовой дымкой даль, верную предвестницу снеговой погоды.

— Слышь, Пашка, — поделился отец, — морочает что-то, как бы снег не напортил охоту? Жаль, что не выехали денька на два-три раньше!

— Да ну, бать, теплынь-то какая, — отмахнулся Пашка от вечных отцовских причуд в предсказывании погоды.

— В горах, всякое может быть, ты на небо лучше глянь!

— А чего смотреть-то, я же прогноз по радио на всю неделю слушал. Нормальную погоду обещали, без осадков.

— Ну и бестолочь же ты, Пашка, — разозлился отец и, стегнув коня, обогнал сына и молча поехал вперед.

Павел примолк. Он верил в другую примету, что в начале охоты не стоит ругаться и ссориться, иначе навлечешь неизменные промахи из ружья.

В полдень поднялись на перевал, с которого открывался хороший вид на Медвежий белок — конечную цель их поездки. Склоны хребта, рассеченные распадками, покрывала кедровая тайга, выше которой, по водоразделам, были альпийские луга. Куполообразные вершины венчали заснеженные гольцы. Эти горы — самые лучше медвежьи места. И хотя они в полусотне километров от дома, Матвей из года в год старается выбираться на охоту именно сюда.

Чтобы лишний раз не развьючивать лошадей, обедали всухомятку, не разводя костра. А когда кони отдохнули и попаслись на зеленой низинке у ручья, двинулись дальше в путь. Спустившись вниз, пересекли широкую заболоченную долину и по слабо заметной тропе, набитой маралами вдоль каменистого русла ручья, поднялись на Медвежий белок. У вершины ущелья, на поляне около скал и приземистых лиственниц, остановились. Место тихое, скрытное, с небольшим родничком. Матвей уже не раз пользовался им в прежние годы.

Свалив в кучу вещи, расседлали коней и, навязав их на арканы, пустили пастись. До темноты оставалось еще несколько часов. Матвей оставил Пашку ставить палатку и готовить ужин, а сам отправился осматривать ближайшие склоны, чтобы выбрать место для утренней охоты.

После утомительной верховой езды пройтись налегке с ружьем было одно удовольствие. Шел неторопливо по склону, усеянному глыбняком, и внимательно высматривал следы присутствия медведей. Кругом пышными подушками зеленели заросли можжевельника. Под ногами шуршал не удивившийся летом черничник. Высокотравье, побитое ранними заморозками, давно полегло. Лишь высокие дудки маральего корня с уже пожухлыми листьями еще противостояли ночным холодам. На глаза попался копеечник, именуемый алтайскими жителями медвежьим корнем. Прозвали его так не случайно. Осенью, когда отходит малина и кислица, медведи прут из тайги на горные луга копать его корневища. По местным поверьям, перед тем как залечь в берлогу, они, таким образом, желудок очищают. Используя эту медвежью привычку жировать на корнях, охотники промышляют их, скрадывая во время утренней и вечерней кормежки.

Вот и сейчас Матвей раз за разом натыкался то на старые, то на совсем свежие копанины. Срывая лапой и отбрасывая в сторону дерновину, зверь оголял и обжевывал корневища, оставляя после себя измочаленные до белизны верхушки. Матвей уже давно заметил, что особой избирательностью медведей пользуются верхние, видимо, наиболее целебные части, этих растений. Поэтому для заварки чая он всегда брал только верхушки, в отличие от других мужиков, которые по долгу мучаются, выдирая весь корень.

Чем дальше шел Матвей, тем чаще попадались копанины и он уже заметил большую, сильно изрытую поляну, к которой следовало бы наведаться ранним утром. Медведь наверняка должен будет выйти сюда на кормежку.

Через час охотник вышел к глубокому ущелью. Дальше, в полнеба, возвышалась каменистая вершина Яманьего шиша

— самая высокая точка Медвежьего белка. Оглядевшись, Матвей присел на валун и принялся осматривать противоположный склон в бинокль. В одном месте, там, где кончались последние лиственницы, на краю курумника заметил крупного медведя.

— Ух и медведище! — восторгался он, рассматривая темно-бурого великана. Матвея охватило радостное волнение, свойственное даже самым выдержанным медвежатникам. Прикинул — до зверя далековато. Если обойти распадок, то до наступления темноты не успеть, а вот если напрямик, через ущелье, то еще можно уложиться до заката. Но это потребует много сил, так как нужно спуститься вниз по крутяку и вскарабкаться по скалистому склону вверх. Такова уж особенность медвежьих охот в горах.

Ничто уже не могло удержать Матвея. Не раз уже рисковал он в таких ситуациях и чаще всего бывал удачлив.

Напоследок еще раз осмотрел в бинокль предстоящий маршрут, наметил ориентиры, по которым будет подниматься вверх и скрадывать зверя. Охотник отметил и другое — медведь увлеченно копается, значит, голоден и не скоро закончит кормежку. Беспокоила погода. Гольцы с каждым часом все сильнее и сильнее затягивало мрачной пеленой.

Спуск был необычайно крутой. Цепляясь за кусты и камни Матвей спустился до середины склона. Ниже был пихтач, осыпи и буреломник. С трудом пробившись через последние завалы, выбрался на дно ущелья и присел отдышаться на камнях у ручья. Подул холодный ветер. Небо потемнело, завихрились снежинки. Матвей приподнялся и увидел, что ущелье, словно лавина, стремительно заполняет снежная пелена.

— Вот и поохотился, язви тебя в душу, — выругался он со злостью, — ведь с утра знал, что будет снег и все же пошел старый дурень, — и он с тоской глянул на крутой склон, по которому предстояло возвращаться обратно.

Возвращение больше походило на бегство. Когда он вскарабкался вверх, совсем стемнело. Округа потонула в непроходимой снежной мгле. Порывистый ветер хлестал сырým снегом. Закрывая лицо руками, Матвей двинулся в сторону стоянки. Еще на подъеме, огибая скальники, он сильно укло-

нился вниз и теперь шел мало знакомым склоном, у самого верхолесья.

Ветер набирал силу. Все погрузилось в снежную круговерть. Идти становилось труднее. Судя по времени, он должен был выйти уже к стоянке. За долгие годы охотничьих скитаний в горах Матвей привык интуитивно возвращаться к нужному месту. Поэтому шел уверенно, ожидая, что вот-вот выйдет к палатке у знакомых скал. Прошло еще полчаса. Нет скал, нет стоянки.

— А вдруг сбился и прошел мимо палатки? — непонятное чувство тревоги совсем одолело его.

Он прошелся вверх, затем вниз, сделал несколько кругов. Местность была совершенно незнакомой.

— Все. Заблудился! — в отчаянии признался сам себе Матвей и остановился. Он мучительно думал, как выйти из этого нелегкого положения. Несколько раз выстрелил, в надежде, что Пашка услышит и отзовется. Звуки выстрелов глушили порывы ветра и они, даже рядом, казались глухими хлопками.

Долго еще вслепую брел вперед Матвей. Оказавшись в глубокой лощине, поднялся вверх. Стал искать скалы, в которых можно укрыться от снега и ветра. Выбившись из сил, к своему несчастью, забрался в заснеженную осыпь, потом продирался через кустарник, падал, вставал, но упорно шел. Отчаяние росло. Неожиданно уткнулся в скальник. Отыскав затишье под большими наклонными плитами, обессиленный повалился и на время забылся. Одежда вымокла, и Матвей почувствовал, что мерзнет.

— Нужно разводить костер, обсушиться и переждать эту проклятую непогоду!

Он долго выискивал по щелям сухую траву, мох, ветки, пока не наткнулся на стожок сеноставок. Выгреб из него целую охапку травы. Набрал для костра растопки, насухо вытер руки. Из внутреннего кармана достал спички. Они отсырели и долго не загорались. Наконец вспыхнул огонек, язычок пламени пополз по сушняку. Матвей подбрасывал еще и еще сухой травы, пытаясь оживить спасительный костерок. Но, как назло, хлестнул снегом шальной порыв ветра. Костер задымил и погас. Изведя все до последней спички, Матвей в сердцах отшвырнул коробок.

— Что делать? Что же делать? — судорожно билась мысль. В легкой куртке из шинельного сукна да промокших насквозь кирзовых сапогах ночевать в такой холод без огня — верная погибель. Ему вдруг припомнился случай с молодым геологом, которого в гольцах однажды захватила такая же пурга и он, перемучившись всю ночь в холодных камнях, остался на всю жизнь неподвижным калекой и весь остаток жизни сожалел, что не замерз тогда в горах.

Нужно было искать хоть какой-нибудь выход. Сколько раз приходилось попадать ему в передряги, пережидать морозные ночи у костра, но такого не случалось. Вспомнил, что люди, оставшиеся без спичек, умудрялись развести огонь, стреляя холостыми зарядами. Снова Матвей ползал среди камней, скреб и собирал в щелях сухой лишайник и мох. Вынул пули из двух патронов, зарядил ружье и поднес к сложенному сушняку. Прогремел выстрел. Мох и листья разбросало по сторонам. Еще выстрелил, но огня не получалось. И снова в ушах гудел ветер и хлестал снег.

— Все! Остается замерзнуть или вытерпеть эту страшную ночь. Матвей очистил землю от снега в небольшом затишке под камнями, наломал побольше веток уложил их в кучу. Пытаясь хоть как-то согреться, долго приседал, разминал ноги. Обессилев, повалился на хворост. Сжавшись в комок и спрятав ладони рук между ног, старался сохранить остатки тепла. Клонило ко сну. Вспоминался дом, жена, дети, но какими-то отрывками, отдельными кадрами...

Затем впал в сонное забытие. Сколько спал, не помнит. Очнувшись от тупой боли. Оказывается, острый сучок уперся в левый бок, под самое сердце. С трудом перевернулся на спину, освободившись от напорошенного сверху снега. Тело одеревенело, стало совсем бесчувственным, особенно ноги. Руки свело от холода. Организм уже охладел до такой степени, что еще час неподвижности и все — конец!

Снегопад уже прекратился, приморозило. На востоке светлела полоска неба.

— Эх, Матвей, Матвей, кажется, ты отохотился, — иногда мелькала прощальная мысль, — закончился, наверное, твой долгий охотничий путик. И где — в самых любимых местах, на Медвежьем белке!

Согнутый в три погибели, ибо разогнуться не было уже сил, он топтался на одном месте, пытаясь разогреть тело. Время шло. Казалось, уже целую вечность он двигался в своей нелепой позе и боролся со смертью. Когда рассвело — не заметил. Очнувшись, он с тупым безразличием глянул на открывшееся безмолвие заснеженных гор. Внизу, среди снега, чернели углы скал и редкие деревья. Оглядев правый склон, он чуть не вскрикнул. Там выделялась приметная, запомнившаяся ему давно своим силуэтом скала. Не раз он видел ее с противоположного склона, когда устраивался на ночевку. С надеждой перевел взгляд в другую сторону. Так и есть. Там темнели четыре скалы и лиственницы. Даже показалось, что у их подножия кони стоят. Это была его стоянка! Метров четыреста-пятьсот крутого склона отделяло его от них. Плутая в метельной темноте, он наверняка проходил в нескольких десятках метров от стана.

— Спасение! — Матвей попробовал встать, распрямиться во весь рост, но не смог. Тело перестало слушаться его. Охотник понял, что самому до палатки ему не добраться. Оставалась последняя надежда — ружье. Упершись спиной в скалу, он с трудом вытащил из смерзшегося кармана два оставшихся патрона. Последними усилиями зарядил ружье, взвел курки и нажал на спуск. Раскатисто прокатилось по ущелью эхо выстрела. С надеждой прислушался. В ответ грохнуло два выстрела.

— Пашка! Это Пашка! — обрадовался он и разглядел черную фигурку сына, стоящего на заснеженном склоне. Матвей снова нажал на спусковой крючок ружья. Гулкий выстрел последним патроном стал спасительным ориентиром. Видно было, как Пашка сразу же направился вверх к скалам. Матвей попытался крикнуть, но не смог. Голос совсем пропал.

Пришел Павел, разгоряченный быстрой ходьбой, запыхавшийся. Он заглянул под навес скалы и увидел залепленного снегом и окоченевшего отца.

— Батя, живой!

— Замерзаю, — просипел Матвей, — помоги.

Кое-как доволлок Пашка отца до палатки, уложил на спальник, стащил с него заледеневшую одежду. Достал из сумки солдатскую фляжку, тайком взятую с собой. Налил почти полную кружку разведенного спирта и заставил отца выпить его до дна. Снял с него оставшееся нижнее белье и, натирая спиртом, принялся с силой массажировать остывшее тело. Работал долго, пока оно не покраснелось. Затем укутал отца в меховой спальник.

Выбравшись наружу, Павел развел костер. Когда чайник вскипел, разбудил отца.

— Бать, давай чайку горячего и подкрепись немного. Пашка расстелил перед ним полотенце, разложил на нем хлеб, нарезанное мелкими ломтиками мясо и сало.

— Темно шибко, ты бы палатку приоткрыл, — попросил отец.

Пашка откинул полог, повернулся и только сейчас, при солнечном свете, увидел, что отец за прошедшую ночь стал совершенно седым.

— Ты чего выпучился? — перехватив испуганный взгляд, спросил отец.

— Бать, да ты того, совсем белым стал!

Матвей зачем-то пощупал пальцами бороду, волосы на голове и лишь тогда до него дошел смысл сказанных слов.

— Совсем белый, говоришь?

— Абсолютно!

— Ладно, — вздохнул отец, — уж лучше седым быть, чем мертвым.

— Что случилось с тобой, бать? Как ты в этих камнях оказался?

— Заблудился я! Сбился, потерялся в темноте. Метелило так, что белого света не видно.

— Почему не стрелял?

— Да стрелял я. Половину патронов извел. И костер развести пытался. Как выдержал — не знаю. Под утро замерзал уже, последние минуты доживал. Если бы не ты, сынок, то все, конец!

Помолчали. Пашка добавил по кружкам чаю.

— Знаешь, бать, на кого ты был похож, когда я тебя под скалой увидел?

— На кого?

— На снежного человека!

— Хорошо хоть не на пингвина, — отмахнулся Матвей.

Посмеялись. Допили чай. От сытости Матвея потянуло на сон.

— Отдохни, — посоветовал Пашка, — я тоже часок усну, а то всю ночь глаз не сомкнул. Он развернул свой спальник и прилег рядом.

— Знаешь, Пашка, — в полудреме заговорил отец, — по правде сказать, я ведь вчера медведя встретил и из-за него задержался. Такого великана еще не видел. Теперь если его не найду, всю оставшуюся жизнь себе не прощу. Может, сходим, глянем?

— Какой медведь? — возмутился Пашка, — там же снегу по колено намело! Дай бог, чтобы тепло пришло и обтаяло хотя бы немного. Найдем мы твоего великана, обязательно найдем!

Матвей закрыл глаза и ему стало тепло и хорошо. От того, что рядом заботливый и надежный сын Пашка, который не задумываясь пойдет следом за ним в огонь, воду и любые горы. От того, что выжил он в эту страшную ночь и, значит, будут у него впереди еще охоты. Еще какие охоты!

Шашки

Промысловик Маркел Лазарев гостей не ждал. Их просто не могло быть в этой части гористой тайги вдали от дорог и деревень. За два месяца одинокого житья в зимовье он не видел ни одного человека. Правда, его обширный охотничий участок граничил еще с двумя другими участками, но охотникам, каждый день занятым промыслом, было не до дальних хождений друг к другу в гости.

Этим вечером, вернувшись после проверки капканов, Маркел растопил печку в зимовье и с ведерком отправился на речку за водой. Случайно глянул вниз и увидел, что в сторону избышки по склону поднимаются четверо охотников с собаками.

Все они оказались старыми знакомыми — районный охотовед и промысловики из заготконторы. Дневной переход на лыжах по снегу-свежаку окончательно вымотал их и подходили они на пределе сил. Ватники на спинах и плечах у них были насквозь промокшими. Поочередно, вместо приветствия, хлопнув Маркела по плечу, сипло дыша, они, скинув рюкзаки и лыжи, устало привалились к стене избушки. Рядом прилегли не менее уставшие собаки. Маркел сразу же обратил внимание, что вооружены они не привычными дробовыми ружьями, а карабинами. Значит, что-то случилось в этих краях.

Отдышавшись, мужики прошли в натопленное зимовье и повалились на нары. Только через полчаса послышались их голоса, а под потолком повис табачный дым.

Вскоре, стеснившись за небольшим столиком у окна, ужинали. Маркел принялся за расспросы о последних новостях.

— Плохие новости, совсем плохие, — отодвинув кружку с чаем, сказал охотовед, — с тем к тебе и пришли. Недавно на четвертом зимовье шатун убил Ивана Трифонова. Скараулил его прямо около избушки. Ну, вот, значит, мы и мотаемся уже шестой день от зимовья к зимовью, чтобы проверить, живы ли в них охотники. Дальше трифоновской избушки отстреляли молодого медведя, доходягу совсем, но это оказался не тот. Ивана задрал здоровенный зверюга. Подержался несколько дней около зимовья и в твою сторону подался вдоль реки, да запугал нас, и собаки со следа сбились, когда прошел большой снег. Или еще не добрался до твоих мест или стороной ушел, на верхние избушки. Вот и порешили мы, что, если не застанем его около тебя, проверим остальные зимовки и охотников в них. Вот же беда, ведь с шестьдесят первого года такой напасти не было!

Затем лежа на нарах вспоминали Ивана Трифонова и тот страшный шестьдесят первый год. Тогда в сибирской тайге был сильный неурожай, частые пожары и многие медведи не залегли в берлоги. Сколько переполохов и бед было тогда в таежных деревнях, куда наведывались оголодавшие звери. Пришлось организовывать рейдовые бригады по уничтожению шатунов, срочно выводить промысловиков из тайги. И люди пострадали. В тот год только у них в районе погибло четыре

охотника. И смерти, в общем-то, были нелепые, оттого что промысловики, пренебрегая опасностью, зачастую выходили на путики без оружия или с мелкокалиберными винтовками. Двух братьев Колмогоровых шатуны задрали во время проверки капканов, Степана Черкашина прямо около избушки, а старика Сизова шатун гнал по лесу километра два и настиг у самых дверей зимовья — охотник не успел скинуть лыж...

Утром, после чаепития, промысловики собрались идти дальше. Шатуна — людоеда, во избежание новых бед, нужно было срочно искать.

— «Если на верхних избушках все нормально, вернемся дня через три-четыре», — сказал охотовед, прощаясь, — и смотри Маркел, будь настороже. Без оружия ни шагу. Если объявится шатун, лучше отсидись в избушке, пока мы не вернемся. А мы уж постараемся обязательно его отыскать и уничтожить.

Проводив охотников, Маркел отобрал поновее патроны с «жаканами» и, еще раз почаявничав, отправился по путику на проверку капканов.

День прошел спокойно и под вечер, довольный уловом, возвращался он в свой таежный дом. Не доходя до избушки увидел, что склон увала, по которому утром поднялись на лыжах охотники, пересекает глубокий наброд.

— Вот тебе и новость. Неужели шатун и вправду объявился? — кольнула недобрая догадка. Вначале показалось, что это прошел лось, но потом, здраво рассудив, Маркел решил, что это все же медвежий след. Лоси, державшиеся здесь с осени, из-за глубоких снегов откочевали вниз по реке и среди зимы вряд ли могли вернуться сюда обратно.

Через десяток минут он убедился в этом воочию. Медведь приходил к зимовью, обошел вокруг него, долго топтался у дверей под навесом, съел висевший на стене прикорм, приготовленный для соболей, обглодал с запасных лыж лосиный камус и, порывшись на помойке, ушел напрямик в гору.

На следующее утро Маркел внимательно осмотрел окрестности. Следов возвращения зверя не было видно. Подождал до полудня, но кругом было тихо. Это его и успокоило. Появилась надежда, что медведь был проходной и ушел дальше.

Маркел решил все же сходить на ближайший путик в ке-

драче, а когда вернутся из рейда охотники, вместе с ними выбраться на несколько дней в деревню. Сын уже должен возвратиться из армии, да и в баньке пора отмыгаться, попариться, новогодний праздник встретить в семейном кругу.

Однако пришлось спешно вернуться. Оказывается, шатун уже прошел по лыжне, съедая в капканах приманку и попавшую добычу. На душе стало тревожно. Медведь наверняка задержится на его участке и спокойного житья теперь не даст. Обчистит все капканы и тогда уж точно попытается разграбить зимовье. А это не сулило ничего хорошего. Шатун — смерть ходячая!

Какое-то необъяснимое чувство близкой опасности гнало Маркела под защиту крепких стен. Медведя около избушки не оказалось, но за лесистым отрогом, в кедровнике, простуженными голосами тревожно перекликались в роны. Вероятно, они видели зверя.

Ночь спал беспокойно, часто просыпался, прислушивался к ночным звукам. Все чудилось, что кто-то рядом ходит. Но снаружи было тихо. Проснулся поздно, когда уже давно рассвело. Открыл дверь и, тотчас, охваченный страхом, с силой захлопнул ее. Оказывается, поблизости под навесом стоял медведь и, заслышав скрип двери, свирепо оглянулся на человека. Вид его был страшен — лучше не видеть! Маркел схватил ружье и навскидку выстрелил дуплетом в дверь. Пули легко прошили листовые доски. Охваченный нервным ознобом, долго и чутко прислушивался. Зверя не было слышно — наверняка ушел!

Весь день пролежал на нарах, пытаюсь уловить на слух каждый шорох. Невдалеке «крукал» ворон. Перекусив всухомятку и накрывшись полушубком, молча отлеживался. Осаду теперь придется выдерживать не менее двух суток, пока не вернутся охотники из рейда.

Такого страха на охоте Маркел еще ни разу не испытывал, хотя попадал во всякие передряги. А тут страшная боязнь навалилась на него как тяжелая болезнь.

В тот день, когда от Маркела ушли промысловики с охотоведом, вернулся после службы в армии его младший сын Алешка. А на следующее утро, уговорив мать, ушел на лыжах за отцом на зимовье, решив помочь ему выбраться домой. Вдвоем это будет сделать легче и веселей. Но главное, после двухлетней разлуки, ему сильно хотелось повидать отца.

Алешка хорошо знал окрестную тайгу и, сокращая путь, добрался до отцовского зимовья через двое суток, переночевав в пути у знакомых охотников. Подходил уже в темноте, обратив внимание, что нет света в окошке и дыма из трубы. Правда, лыжи стояли у стены, значит, отец уже вернулся.

— Наверное, умотался за день в тайге и пораньше лег спать, — решил он.

Счастливый от предстоящей встречи с отцом, он скинул рюкзак и, воткнув ружье прикладом в снег, снял лыжи и устало потянулся. В этот момент, услышав сзади шум, он оглянулся и увидел, что по лыжне к избушке бежит крупный зверь.

— Медведь, — ужаснулся он.

Схватив ружье, он прицелился в приближающегося зверя и выстрелил, в последний миг вспомнив, что оно заряжено дробовым патроном, так как в пути пришлось охотиться за рябчиками. Алешка закричал, бросился к двери, дернул за скобу, но она оказалась запертой изнутри...

Маркел сквозь тревожную полудрему услышал чьи-то шаги и навел ствол ружья на дверь, выжидая момент, чтобы выстрелить. Дважды он пытался нажать на спусковой крючок, но по непонятной причине воздерживался. Все остальное произошло как в кошмарном сне: снаружи раздался выстрел, послышался шум, истошные крики человека.

Дальше он действовал подсознательно. Соскочил с нар, ударом ноги распахнул дверь и почти в упор выстрелил из обоих стволов в набежавшего зверя. Медведь с разбегу ударился в дверной косяк и медленно осел. Маркел шарахнулся назад, упал, больно ударившись головой. Вскочив, он торопливо забрался в дальний угол нар. Поверженный шатун, глухо рыча, попытался приподняться на передние лапы. Торопливо перезарядив ружье, Маркел выстрелил еще раз, после чего зверь,

дернувшись, завалился набок и затих.

Маркел устало откинулся на стену и почувствовал, что его трясет в нервном ознобе.

— Папка, ты живой? — донесся снаружи голос.

— Кто там? — крикнул Маркел.

— Да это я, Алешка!

— Откуда ты взялся здесь? — не веря себе, переспросил он.

— Из армии вернулся и к тебе сразу пришел. А тут эта зверюга...

— Что же ты, шельмец, у двери молча копался, когда пришел. Кто так делает. Я ведь тебя чуть не застрелил, — вернувшись к реальности происходящего, строго выкрикнул Маркел.

— Так и ты тоже молчал.

— Ладно, проходи, чего стоишь там.

— Боюсь.

— А ты не бойся, все страшное уже позади.

— Все равно как-то не по себе. Я тут такого натерпелся...

— Погоди немного, я сейчас.

Вдвоем кое-как оттащили от дверей огромную медвежью тушу. Маркел вытер снегом руки и, взглядываясь при отсветах луны в лицо повзрослевшего сына, подошел и крепко обнял его.

— «Ну что ж, сынок, с возвращением тебя и боевым крещением заодно», — сказал он и обнял его, — охотником-то будешь теперь?

— Буду, батя, обязательно буду. Как ты!

На приваде

Вертолет, сделав круг над лесистым ущельем Курчума, мягко опустился на широкую поляну. Открылась дверь и спешно началась разгрузка вещей. Спустя несколько минут над лугом взметнулась белая метель из пуха иван-чая, МИ-8 поднялся и со стрекотанием исчез за скалами. Сразу наступила непривычная тишина, нарушаемая лишь отдаленным шумом реки.

— Ну вот, добрались!

Охотников двое — братья Петр и Илья на попутном вертолете снегомерной партии прилетели из Усть-Каменогорска на промысел белки и соболя в верховья Курчума. Они уже провели здесь один сезон прошедшей осенью и зимой, места понравились и в этом году, не задумываясь, вновь отправились в этот глухой уголок Южного Алтая.

Тут же прямо на тюках, мешках и ящиках молча перекурили, отходя после долгой вертолетной болтанки и оглушающего гула двигателя.

— Теперь пойдём, глянем, что с нашим зимовьем, — предложил старший Петр.

Взвалив на спины по мешку с вещами, отправились к виднеющейся в сотне метров охотничьей избе, расположенной на берегу бурного Курчума. Подходили к ней с тайной надеждой, что за прошедшую весну и лето, к ней не наведались случайные люди и не устроили погром. Хотя она и была устроена в глухом месте, в стороне от скотопрогонных троп и бродов, но, однако была известна местным жителям, знавшим сюда проходы. Осмотр жилья успокоил — все было в целостности и сохранности, лишь подворье заросло бурьяном.

Зимовье было хотя и старое, но построенное добротно. Стояло в полусотне метров от речки, в закутке среди ельника и было совсем незаметно со стороны. Приземистое, оно, тем не менее, было просторным, светлым, с широкими нарами, печкой и большим окном. Единственный недостаток — протекающая крыша, но охотники в этот раз захватили с собой большой рулон целлофана и были готовы в ближайшие дни перекрыть потолок.

Спустя час они уже перетаскали все вещи, разложили все по местам, а на печке закипел чайник. За обедом обсудили дальнейший план. Остаток дня решили посвятить приведению жилья в порядок. На следующее утро, пока стоит хорошая погода запланировали выход на охоту, чтобы начать заготовку мяса на ближайший месяц. Еще в городе, они приобрели лицензии на добычу марала и медведя, поэтому теперь предстояло обойти соседние распадки, осмотреться и, при первой возможности, добыть зверя. Медведя нужно было взять обязательно, так его шкуру обещали вертолетчику за услуги по доставке до зимовья и обратно в город.

Следующий день, после ночного заморозка, был сухой и солнечный. Петр отправился вверх по реке в кедрачи, а Илья — в соседние отроги Курчумского хребта. Спустя час после выхода Илья уже поднялся на ближайшую гриву, покрытую редким лиственничным лесом.

Когда добрался до опушки пихтача, остановился. Земля во многих местах была взрыхлена, камни перевернуты. Всюду виднелись маральи следы. Здесь во время гона в порыве страсти азартничал рогач, изломав рогами весь подрост пихточек, а на более крупных деревьях содрал со стволов кору. Километром далее наткнулся на набитые по склону тропы, ведущие к ручью. Илья прошелся по ним и на небольшой полянке среди тальников нашел истоптанный участок вокруг большой лужи. Находка особенно обрадовала его. Это была купалка — место, куда регулярно ходят маралы, а самцы валяются в грязи. Значит, есть надежда подкараулить здесь оленя.

Весь день Илья бродил по таежной пади, примечая и запоминая все, что может пригодиться охотнику. Нашел несколько медвежьих следов недельной давности. В одном месте косолапый разворошил большой муравейник, кое-где рыл корни.

После заката солнца отправился в обратный путь. Обходом территории был доволен. Здесь держалось более десятка маралов и не менее трех медведей.

Начало смеркаться. В распадке замирали звуки осеннего дня. Неожиданно из леса донесся отрывистый рев марала. Илья замер на месте, с тайной надеждой вслушиваясь в звонкую тишь. Рев повторился — вызывающий, протяжный, как звук горна. Совсем далеко, с соседнего отрога, ему отозвался другой рогач. Была уже середина октября, гон у маралов закончился, самцы образовали свои небольшие гаремы из нескольких маралух, но по утрам и вечерам они еще продолжали делать короткую переключку, словно предупреждая соседей о занятой ими территории.

После второго марального зова Илью охватило волнение. Появилась надежда, что самец обязательно отзовется на голос соперника. А как это сделать в таких случаях он хорошо знал. Этому его обучил отец — бывалый таежник.

Илья разрядил свою двустволку двенадцатого калибра, развернул ружье стволом к себе и, приложившись губами к выходному отверстию дула, набрал полную грудь воздуха и выдохнул. Тишину нарушил протяжный с хриплым переливом звук, похожий на голос марала во время гона. Охотник опустил ружье и замер в ожидании. Не может рогач не ответить на вызов вторгнувшегося чужака. Так и есть! Сверху донесся ответный, более решительный, чем прежний рев. Помедлив с минуту, опять поднес ружейный ствол к губам. В этот раз выдохнул со всей силой, чтобы придать звуку мощь. Получилось удачно. И вновь дерзкий, вызывающий ответ. Теперь охотник был уверен, что марал точно определил место его нахождения и принял вызов. Торопливо зарядил ружье пулевыми патронами и, прислонившись спиной к стволу лиственницы, замер в ожидании.

Прошло несколько минут. Разъяренный рогач вылетел на поляну как ураган и замер, втягивая ноздрями воздух и ища взглядом соперника. После выстрела он сделал несколько прыжков в сторону и завалился набок. Когда Илья приблизился, мощный самец с великолепной короной рогов был уже мертв. Судя по отросткам на них, ему было лет шесть-семь.

Быстро темнело. Предстояла долгая работа по разделке туши. Илья собрал вокруг ветки и сучья, развел большой костер и начал снимать шкуру.

Добыть зверя — полдела. Это самое увлекательное и романтическое в охоте. А дальше всегда предстоит тяжелая и рутинная работа. Нужно снять шкуру, разделать тушу. Затем мясо, уложенное в мешки, требуется перетащить на себе в ближайший ручей, привалив камнями. Первые сутки после добычи такой способ хранения в холодной воде заменяет холодильник. Затем, если нет лошади, два-три дня охотник занимается тем, что вытаскивает добычу частями, в рюкзаке, к себе в зимовье. А если добыл зверя далеко, в десяти-пятнадцати километрах от дома, да еще в самых крутяках, то такая переноска отнимает много сил и времени. Заготовив мясо, охотник уже со спокойной душой приступает к основной своей работе — промыслу. Ежедневное хождение на лыжах по глубоким снегам, буреломной тайге и горам, выматывает любого, даже самого выносливого человека. На каше и супчиках долго не протянешь,

поэтому сытная мясная пища — залог успешной охоты и настоящие таежники с серьезностью относятся к предварительной заготовке дичи и созданию необходимого запаса мяса на месяц-другой. Остальное добывается по ходу дела — где глухарь подвернется, где рябчик...

Спустя час Илья уже снял шкуру, выбросил в сторону внутренности и приступил к разделке туши. Отделяя шейный позвонок, неловко воспользовался ножом и обломил лезвие под самую ручку. Запасного ножа не было, поэтому пришлось сворачивать дальнейшую работу. Завернув тушу в шкуру, придавил ее камнями и ветками, для отпугивания зверей положил сверху две стреляные гильзы. С собой в рюкзаке захватил большой кусок мяса и печень. Последнюю, наиболее питательную и сытную часть добычи, охотники обычно используют во время трудоемкой переноски мяса. Загасил костер и отправился домой.

Добрался к зимовью в полночь. Петр, обеспокоенный долгим отсутствием брата, встретил его с радостью и, узнав про успешную охоту, напоил горячим чаем, а сам, несмотря на поздний час, приступил к приготовлению куырдака.

На следующее утро, выспавшиеся и хорошо отдохнувшие братья, захватив с собой топор, рюкзаки и мешки, отправились к месту, где остался марал. Когда подходили, сразу же обратили внимание на кружившееся воронье, уже успевших обнаружить добычу. Увиденное привело охотников в уныние. Маралья туша, растерзанная и разорванная на части, валялась по всей поляне, испачканная землей и хвоей. Кругом были видны медвежьи следы. Приходили сюда два зверя — один здоровенный, другой поменьше, наверное, трехлеток.

Илья пожалел, что не остался на ночь у добычи, но старший Петр успокоил его.

— Что ж поделаешь. Бог дал — медведь взял. Зато привада получилась хорошая. Тут мы его и подкараулим сегодня.

Обратно с собой захватили большие ветвистые рога и вдвоем с трудом доволокли их до зимовья. Решили использовать в качестве подарка вертолетчику, в ближайший из его прилетов.

Отдохнув остаток дня в избушке, вечером, на закате солнца, отправились на ночную охоту, взяв с собой полушубки и шапки. Илья еще ни разу не охотился на приваде и надеялся на опыт старшего брата.

У маральей туши опять застали множество ворон, поднявших шум при их появлении. Стараясь не оставлять лишних следов осмотрели со стороны район будущей засады. Кругом редкие лиственницы — подходящих мест для скрадка мало. Петр выбрал для засидки раскидистую лиственницу рядом с привадой. Илья помог ему забраться на дерево и вскоре он устроился на толстой боковой ветви, усевшись на нее как в седло и прислонившись спиной к стволу. Для долгого ожидания не совсем подходящее место, но другого не было. Места для Ильи рядом не оказалось. Петр уже хотел предложить ему вернуться обратно в зимовье, но тот заупрямился. Представлялась такая редкая возможность поучаствовать в охоте на приваде, и он не хотел ее упускать. Тогда Петр показал ему на выворотень лиственницы, лежащий в метрах пятидесяти выше.

— Укройся под ним, может, медведь выйдет на тебя. Стреляй только наверняка. Иди, устраивайся. Свистну раз — конец охоте, два раза — иди ко мне на помощь.

Под поваленным бурей стволом дерева действительно нашлась подходящая пустота. Собрав валявшиеся вокруг ветки и полегшую траву, прикрыл ими вход и забрался внутрь. Устроив лежанку, приготовился к ожиданию. Рядом уложил ружье и два запасных патрона. Прямо внизу, в полусотне метров, была хорошо видна привада и толстая лиственница, на которой укрылся брат, но его не было видно — сидел с другой стороны ствола.

Быстро стемнело. Уже давно с карканьем разлетелись вороны и в лесу наступила мертвая тишина. Потянул низовой ветерок. Через час взошла полная луна и от деревьев легли тени. Потянулось время томительного ожидания. Укутавшись в полушубок, Илья согрелся и пытался дремать, однако мысли о предстоящей охоте не давали уснуть. Время от времени всматривался вперед, но ничего, кроме темных силуэтов деревьев,

не было видно. Даже возникала мысль, что напрасно сегодня пришли, зверь может и не появиться в эту ночь, наверняка учуяв их. Илья понимал, что стрелять ему вряд ли придется. Слишком далеко находится он от самой привады и право первого выстрела, конечно же, достанется Петру.

Вдруг хрустнула ветка. Охотник вздрогнул, приподнял голову и впереди, в метрах двух или трех перед укрытием увидел медведя. Зверь стоял и смотрел в сторону привады. Ветер дул с его стороны, и он похоже не чувствовал близости человека. Илья замер от неожиданности, закрыл глаза и затаил дыхание. Когда взглянул снова, то увидел, что зверь вразвалку направился, а затем бросился вскачь в сторону привады. Только теперь заметил, что там, около маральей туши, стоит другой медведь, размером поменьше. Подбежавший сразу же набросился на него. Лес огласил страшный рев дерущихся зверей. Вскоре меньший из них отбежал в сторону и остановился. Второй бросился к нему, и опять они сцепились. Вырвавшись, он побежал вверх, но разъяренный преследователь с рычанием бросился следом, хватая его за бока. Перед самым выворотнем он настиг его, сбил с ног и с яростью вцепился в загривок. С истошным воплем поверженный вывернулся из-под соперника и во весь мах, большими скачками, помчался в сторону. Победитель, пробежав следом с десятков метров, остановился, глухо рыкнул и отправился в сторону привады. Право сильного на пиршество отвоевано. Таков закон тайги.

Илья лежал ни жив, ни мертв, пытаясь унять дрожь во всем теле. Первое, что хотелось сделать — вскочить и бежать не глядя, однако ноги словно отнялись, особенно после того, как яростная схватка произошла рядом с укрытием. Про лежавшее рядом ружье он вспомнил лишь после того, когда зверь ушел.

Раскатисто грохнул выстрел, затем второй. Наступила тишина. Послышался протяжный свист.

— Илюха, — донесся злой крик Петра, — иди скорее, помоги,

Илья выбрался из скрадка. Боязливо посматривая по сторонам, направился к приваде, около которой увидел темную тушу неподвижно лежащего медведя. Петр ругался на лиственнице, пытаясь спуститься вниз.

— Ноги отсидел, подняться не могу. Ты, что там, спишь что ли? Помогай, давай.

Илья принял у него ружье, патронташ и полушубок, помог спуститься на землю.

— Ног не чую, — охая и приседая, продолжал жаловаться брат, — не место, а пытку на дыбе выбрал. Будь не ладна такая охота.

Когда размялся и пришел в себя, пошли осматривать добычу. Медведь был мертв и лежал, разбросав в стороны могучие лапы.

— Матерый зверь, — восхищенно покачал головой старший брат, довольный и гордый добычей.

Разожгли костер, присели и закурили.

— Вначале пришел небольшой медведь, — начал рассказывать Петр. — Стрелять по нему ветка мешала, пока выжидал, чтобы прицелиться, появился и напал на него этот, здоровенный. Сцепились и подрались крепко, но он утнал в сторону мал го и опять вернулся. Обошел всю приваду и встал ко мне боком — лучше не придумаешь. Двумя пулями его и свалил. Попытался подняться — не могу, все тело занемело. Застрял в развилке — не ухватишься, не встанешь, хоть плачь.

Глянув на молчавшего все время младшего брата, Петр прервал разговор и спросил:

— А ты чего это, хмурый такой?

— Да, так, — отмахнулся Илья.

— Нет, ты говори, что за секреты еще. Я же не мог видеть, что у меня там за спиной происходит.

— Понимаешь, появился он как привидение прямо около меня. Испугался я так, что про ружье и про все на свете забыл, — и он пересказал все пережитое.

Петр слушал, хмурился, мысленно сожалея, что допустил подобное. Главное теперь успокоить и поддержать парня, чтобы не надломился в нем стерженок и вера в себя.

— Илюшка! Брось ты. С кем из охотников такое не бывало. Я тоже пуганый-перепуганный. Батя меня прямо из-под медведя вытащил один раз... вообще с мокрыми штанами. Говорил мне: «Раз-другой испугаешься, следующий раз умнее будешь». Так ведь.

— Так-то оно так, братка, но страшно было?

— Забудь, выбрось из головы. Давай-ка лучше костер распалим, чаю согреем, а потом делом займемся. Работы у нас с тобой до утра.

Вскоре вскипела вода в котелке и охотники, устроившись на полушубках, брошенных на землю, пили горячий чай, вспоминали что-то и уже подшучивали друг над другом. А вокруг стояла таежная тишь и звездная алтайская ночь.

Соболька

— Распроклятый радикулит, всю душу вымотал уже!

Семен попробовал распрямить тело, но боль острым шилом пронзила поясницу. Затаив дыхание, долго и молча отлеживался. И так который раз за день, со счета собьешься. Не распрямишься, не разогнешься, а уж вставать и думать нечего. Зимовье со вчерашнего дня не топлено, двери и окна обмерзли, дохнешь, зубы стынут.

И надо же было так случиться. Три дня назад выбирался с верхней избушки, что за водоразделом хребта, в кедрачах. Белковать уже закончил, пора было спускаться вниз, домой. Обычно на нижнее зимовье успевал к первым снегам уйти да на этот раз запоздал. Зима опередила. На перевале снегопад захватил. Промокший и продрогший с трудом доплелся до избушки.

Утром собрался дальше идти. Уже перед уходом решил дров наколоть, чтобы запас у печки оставить. Но стоило сделать несколько взмахов топором, как сильная боль в пояснице словно сломала его. Долго отлеживался, а затем на коленях заполз в зимовье.

И вот уже вторые сутки невыносимого лежания. Таежная жизнь приучила Семена к выносливости и терпению, но вот такая неподвижность становилась уже просто нестерпимой. А лежать надо, хоть день, хоть неделю, пока боль не пройдет, иначе верная гибель в дороге.

Семен, укутавшись поплотнее в спальник, уже который раз осмотрел избушку, добротню срубленную отцом лет тридцать

назад. Ему здесь знакомо все, вплоть до последней трещинки в закопченных стенах. С закрытыми глазами он может отыскать в ней все, что потребуется. Да и как не знать, когда два десятка лет из года в год он проводит здесь на промысле всю осень и зиму. Избушек на участке у Семена четыре, а между ними по двадцать-двадцать пять километров. С осени сюда на конях завозится провизия, готовятся дрова, с таким расчетом, чтобы на одного-двух человек хватило всего на зиму. Избушки небольшие, но теплые. Своего рода сибирские баньки по-черному. И обстановка в них немудреная: столик у маленького окна, железная печка, обложенная речными гольшами, и нары из колотых кедровых стволов. Да еще полки с продуктами, посудой и инвентарем.

Под боком, свернувшись в пушистый калачик, греет спину Соболька. Хорошая собака Соболька! Умная, чутыстая лайка. Таких у него еще не было. Правда, из многих зверовых собак в прежние годы была одна хорошая бельчатница — Соболькина мать. Все на охоте делала она, кажется, исправно. И белку отыщет, и облает её, но стоит только той упасть после выстрела, тогда поспевай. Опоздаешь, съест добычу. А сытая или пакостливая собака на охоте не помощница, а нервотрепка одна! И когда у нее появились щенята, Семен облюбывал одного из них и не ошибся в выборе. На первой же охоте повзрослевший лайчонок вывел Семена по следу на соболя, затаившегося на листвяжине и ставшего неожиданной добычей охотника. Через год-два Семен убедился, что о более надежном друге и помощнике в отшельнической жизни промысловика и мечтать нельзя. С тех пор и промышляют они вдвоем.

Умницей она была поразительной. Умрет с голода, но не тронет без разрешения со стола хлеб и другие съестные припасы. Отыскивала белок, сбитых выстрелом с дерева и, присаживаясь рядом, ждала хозяина, иногда поторапливая его нетерпеливым лаем. Ни одной не испортила, уверенная, что по завершению охоты всегда получит законную часть добычи. Самое интересное, что в отличие от других собак, она всегда обходила стороной установленные капканы, несмотря на соблазнительно пахнущий прикорм. Удивляло Семена, что во время переездов с места на место, она охотно ездил в конных

санях, в люльке мотоцикла, в кабине машины, а при переправах через бурные горные речки на конях предпочитала переезжать сидя в седле на коленях хозяина. Дважды отличилась и во время стычек с медведями, самоотверженно задерживая и осаживая зверя под выстрел охотника.

Молчать надоедает. Временами, когда боль отпускает, Семен, чтобы отвлечься, пробует напевать любимые песни или начинает рассуждать вслух, обращаясь к лайке. Соболька в такие моменты сразу поднимает голову и, наострив уши, с любопытством наблюдает за хозяином.

— Эх, Соболька, сколько годков мы с тобой вдвоем провели. Сколько намолчались, сколько наговорились. Вот ты хоть и с полуслова меня понимаешь, а немтырь-немтырём. А мне речи человеческой хочется слышать. Страшно охота!

Соболька даже взвизгнула от подковырки и обиженно улеглась, уткнув нос в пушистый хвост. Ей уже давно было не до разговоров. В животе и без того громко урчало. Два дня впроголодь живут. А Семен, вдруг скорчившись от резанувшей в спину боли, вжал голову в плечи и закрыл глаза. Радикулит опять начал донимать.

Лишь вечером приступы боли утихли, и Семен поднялся. Осторожничая лишний раз шагнуть и нагнуться, засветил керосиновую лампу и долго ворчал, проклиная больную поясницу, не утихающий снегопад и отсыревшие спички. Достал из-под нар наколотых дров, накрошил ножом лучинок и тотчас смолистые полешки вспыхнули в печке ярким огнем. Даже на душе немного отлегло.

Вскоре стало тепло, а из котелка потянулся знакомый аромат охотничьей похлебки. Соболька, бросив рыться под нарами в поисках неуловимого мышонка, смачно глотая слюну, крутилась около Семена, стараясь подхалимски заглянуть ему в глаза. Подобревший старик ворчал на лайку, обещая оставить ее голодной. Но ужинали вместе. Вареву поделил по-братски, даже лишний кусок ей уступил. А сам наслаждался горячим чагыровым чаем. Потом весь вечер молчали, довольные долгожданной сытостью и теплом. Пододвинув поближе к печке чурбак, Семен грел спину и дремал. Соболька, свернувшись в клубок, спала у его ног.

Проснулся чуть свет, но еще долго лежал в полудреме, раздумывая выходить или нет. Боль в пояснице еще с вечера утихла. Если здраво рассудить, стоило отлежаться денек — другой, прогреться толком, чтобы идти наверняка. Но с другой стороны нужно было поскорее выбираться отсюда. Уже четвертый день идут обложные снегопады, и кто его знает, на сколько времени растянется непогодь. Забьет снегом ущелья, пешком потом не пробьешься, а лыжи лишь на нижнем зимовье есть. Да и проку от них сейчас, когда снег еще сырой. Решил все же идти до следующей избушки. Там виднее будет.

Шли в тот день долго и трудно, то и дело спотыкаясь о невидимые валуны и колодины. Снегу навалило выше колен. Липкого, тяжелого, как трясина. Под вечер подошли к последнему перевалу. До избушки оставалось километра два. Семен устал

и весь взмок. Ватник и рюкзак тоже промокли, словно их подержали в воде. Да и лайка тоже была мало похожей на прежнюю неутомимую Собольку. Все реже и реже она вырывалась вперед, все чаще понуро плелась позади.

Подъем был настоящей пыткой. Не шли, а будто брели вверх по речке. Уже у самой вершины вначале неприятно кольнуло, а затем так резануло в пояснице, что Семен без памяти ткнулся в снег. Лежал долго, пока не начали зябнуть руки. Холод стал пробирать до костей. С трудом поднявшись, поплелся к избушке.

В протопленном зимовье так и просидел половину ночи. Казалось, уже поджарился у раскаленной печки, но всего продолжало трясти в страшном ознобе. Забылся крепким сном только на рассвете. Днем сушились и приходили в себя.

На следующее утро тронулись дальше. Обедали на нижнем зимовье, а оттуда, уже на лыжах, промысловик направился к лесовозной дороге. До наступления ночи он намеревался добраться домой.

По пути несколько раз пересекали следы россомахи. Неутомимый выносливый зверь то спускался в ущелья, то крутяками вновь уходил вверх. Один раз даже мельком заметили ее на заснеженной вершине.

До дороги оставалось немного, когда, завернув за очередной поворот ущелья, Семен услышал тревожные крики кедровок и совсем рядом в россыпи увидел россомаху. Пока стаскивал с себя ружье, Соболька рванулась к зверю. Выстрелил уже издали, впустую. Лайка помчалась следом за россомахой и скрылась за поворотом. Семен поспешил за ними, но вскоре потерял из виду. Следы вывели на дорогу и уводили дальше в ельник.

Старик остановился у деревянного моста через речку. Вечерело. Потянул студёный ветер с поземкой. Долго звал Собольку, стрелял вверх, но она не отзывалась. Когда уже совсем стемнело, вдали послышался гул мотора и замигали фары машины. Вскоре подошел лесовоз. Семен еще долго упрашивал водителя подождать немного, но лайка не возвращалась.

— Да вернется твоя собака, дед, — не выдержал шофер, — по следу дорогой придет, деревня-то рядом.

Его слова были настолько убедительны, что уставший Семен согласился, в чем потом не раз каялся. Соболька не вернулась ни ночью, ни на следующий день. Семен забеспокоился. Послал сына объехать все окрестные деревни и фермы. Вернулся он через два дня. Оказывается, что хорошо всем знакомую лайку никто не видел. Несколько дней спустя все в округе объехал Семен сам. Собольки нигде не было.

На ноябрьский праздник в его доме собралась родня и знакомые мужики. Как всегда, шла неторопливая беседа об охоте и предстоящем зимнем промысле. Сочувствовали Семену по поводу пропавшей лайки. Кто-то предположил, что она, потеряв след хозяина на дороге, могла вернуться по лыжне обратно к охотничьей избушке. А поздним вечером, когда разошлись гости, старый охотник, вспомнив про этот разговор, решил с утра отправиться на нижнее зимовье.

Несмотря на хваткий мороз вышел рано. Торопился в этот раз. Подходя к зимовью, с надеждой стал поглядывать вперед. И вдруг оттуда, из-за снежных наметов, вырвался пушистый комок. Лайка чуть не сбила Семена с ног, лаяла и прыгала ему на грудь.

— Оголодала совсем, шерсть да кости, — жалел ее Семен, — ну ладно, не серчай, дождалась-таки. Прости старого.

Дошли до избушки, около которой Соболька провела двенадцать голодных суток ожидания. В поисках хоть чего-нибудь съестного она изрыла вокруг снег и обшарила окрестный лес.

В зимовье прожили двое суток. В лес выходили редко, ноги размять, да зверье посмотреть. Больше в избушке сидели. Семен чем мог, откармливал Собольку, чтобы у нее сил хватило на обратный путь. Хоть и скуповат он был всю жизнь на ласки, в этот раз наласкал ее за все упущенное и с запасом на будущее. А сам был как никогда счастлив.

На третий день, утром собрались выходить. Семен распахнул настежь дверь и прикрыл глаза от яркого света. Тайга была зачарованной и зовущей. Запела подстывшая лыжня и звонким эхом прокатился по ущелью волнующий Соболькин лай.

— Пошли, Соболька, мы еще потаёжничаем с тобой!

Сашко и Дик

Алексей Герасименко жил с сынишкой на пасеке в Талом ключе. Вот уже как два года назад у него умерла жена, но жениться другой раз не торопился и самостоятельно воспитывал сына. Работал в колхозе пасечником. С весны до осени возился с пчелами, огородом, скотом, а зимой, когда появлялось свободное время, промышлял лисиц и волков, которых осталось еще много в этих краях с военных лет.

Сашко, как обычно звал он сынишку на свой лад, уже учился в шестом классе. Поначалу, пока мальчишка был маленьким, пришлось оставлять его в деревне у родственников, а теперь он сам пешком или на коне добирался до школы и почти каждый вечер возвращался на пасеку.

Алексей с малых лет не слишком баловал Сашко и вырос он весь в отца — крепкоруким, немногословным и работающим. И плотничать научился, и сено косить, и корову, если надо, мог подоить. И главное — была у него тяга к охоте, что особенно нравилось Алексею. Учился Сашко, несмотря на всю семейную неустроенность, неплохо.

Хозяйство Алексей держал небольшое: лошадь, корову с телятами, овец и с десяток куриц, но оно отнимало у него слишком много времени и вынуждало быть привязанным к дому. Поэтому помощь сына, помогавшего ему в хозяйственных делах, давала возможность охотиться и приносить дополнительный заработок. Только вот в последнее время никак не мог обзавестись он толковой охотничьей собакой. Все как-то не везло ему в выборе, а обзаводиться простой дворнягой ему не хотелось. Правда, была у него до этого неплохая зверовая собака Белка, но она бесследно исчезла зимой. Знакомые пастухи недавно рассказывали, что будто бы видели ее в паре с крупным волком. Алексей не поверил этим слухам, хотя на его памяти было несколько случаев, когда собаки сбегали от хозяев и образовывали пары с волками.

Как-то весной у него потерялась корова с теленком и в ее поисках он забрался в вершину одного из логов, заросшего черемухой. В самом глухом месте, на полянке под скалой, обнаружил волчье логовище и рядом четверых волчат. Увидев

человека, они тотчас скрылись в норе. Алексей успел заметить, что двое из них были белогрудыми, точь-в-точь, как его исчезнувшая Белка. Завалив отверстие в логовище камнями, вернулся домой. Под вечер, захватив с собой лопату, вместе с сыном возвратился к норе, вход в которую оказался уже разрытым. Когда раскопали, то внутри обнаружили лишь одного диковатого волчонка, который отчаянно кусался и пытался вырваться. Алексей с трудом вытащил его наружу и передал сыну.

— Папка, да ты посмотри, он же белогрудый, — удивился Сашко, — на Белку нашу похожий. А где же другие, ты ведь говорил, что их тут четверо было.

— Волчица видать успела перетаскать в другое место.

Сашко вдруг вскрикнул. Волчонок цапнул его за руку, оставив на коже красноватые царапины.

— Знаешь, пап, давай его домой возьмем, я его вместо собаки воспитаю, — предложил Сашко.

— Бери, сынок!

Пока возвращались домой, придумали ему имя. Назвали Диком.

Вскоре у Сашко наступили летние каникулы, и он подолгу возился со своим воспитанником. К осени он уже подрос, перестал дичиться, и они совсем сдружились. Дик стал рослым, бегал размашисто, по-волчьи. И хвост, не знавший собачьего «калачика», держал тоже по-волчьи, между ног. Серая шерсть к зиме стала густой, с просветлениями на боках. А на груди, несмотря на внешние перемены, оставалось неизменное белое пятно.

Когда у Сашко начались занятия, Дик ежедневно провожал его до школы. В деревню заходить побаивался, так как собаки его недолюбливали и при случае давали хорошего трепака. По вечерам он постоянно поджидал Сашко на сопке перед деревней.

Прошло два года. Сашко заканчивал восьмилетку и собирался ехать в город, чтобы поступать в училище. Предстоящее расставание все сильнее тяготило отца.

В тот февральский вечер сын вернулся позднее прежнего. Алексей сидел у печки и ремонтировал рамки для ульев. Руки его приятно пахли воском.

— Дик теперь по деревне без боязни ходит, — поделился за ужином впечатлениями Сашко, — только глянет на какую собачонку, она хвост поджимает и прячется. С овчарым кобелем недавно схлестнулся, чуть не порвал его, еле разняли. Короче, первым парнем на деревне стал!

— Силу в нем почувствовали, вот и боятся.

— Пап, а волки во время гона и вправду опасные?

— Да как тебе сказать. В общем, осторожность теряют, драки из-за волчиц бывают до крови. Ну, а человека сторонятся.

Ночью вьюжило. Гудели провода, скрипела ставня. Сашко не слышал, когда поднялся отец. Он лишь во сне почувствовал, как потеплело в избе от затопленной печки и как Алексей, гремя чугунками и кастрюлями, готовил завтрак.

— Сашко, вставай, — скомандовал он.

— Сегодня же воскресенье, — перевернувшись на другой бок пробурчал он.

— Воскресенье для лентяев бывает, а у нас дел много.

Сашко был легок на подъем. Одевшись, он выбежал на крыльцо. После ночной бури было тихо и по-весеннему тепло. В тальничках цинькали овсянки и стрекотали сороки. За заметенным под самую крышу омшаником в проруби журчала речушка. А из-за вершины горы, на склоне которой чернел крушинник, поднявшееся солнце, набирая силу, прогревало тенистое ущелье.

— Какая теплынь, — обрадовался Сашко, — Дик, ты где?

Через сугроб, из-за сеновала, тотчас перемахнул Дик и Сашко схватив его в охапку, повалился в снег. Они долго барахтались, возились и Сашко, уставший, взмокший, наконец выгнавший из себя остатки сна, раскинув руки, растянулся на снегу.

— Все, Дик, кончай, сдаюсь.

Уперев ему в грудь передние лапы и наклонив набок голову, смотрел на него его верный дружище. Казалось, он улыбался, а в глазах бродили шальные огоньки.

За столом отец был немногословен. Сашко уже привык к этому и, по-своему, понимал его.

— Вот, сегодня, какие дела предстоят. Я поеду на дальнюю колхозную кошару, там волки баранов подрали, а ты, Сашко,

сходишь вниз по Талому ключу, капканы проверишь и тот, что стоит у старой ветлы, снимешь. Понял. Я его потом переставлю в другое место. Вернешься домой, по хозяйству уберись и печку протопи. Я, наверное, поздно вернусь. Ружьишко мое на всякий случай прихвати. И Дик, тоже, пускай с тобой идет.

Вскоре после отъезда отца, скатившись на лыжах с горки к речке, Сашко отправился вдоль Талого ключа. Дик бежал сторонкой, то и дело принохиваясь к следам зайцев и горностаев.

Интересным был все-таки этот Талый ключ! Быстрая, неглубокая речушка, стекающая с белка — крутобокого алтайского хребта, даже в студеные зимы никогда не замерзала полностью. Летом Сашко таскал на удочку на перекатах серебрястых хариузков, а сейчас, на одной из полыней, он увидел множество следов выдры. На взгорке, в березняке, кормилась стая косачей.

Старую сухую ветлу на излучине речки Сашко заметил издалека. Отец в последнее время все чаще и чаще доверял ему проверку капканов, и он в точности знал расположение каждого из них. В одном месте увидел цепочку крупных свежих следов.

— Волки прошли! Если бы они были вчерашними, их замело бы за ночь снегом.

Двое волков, крупный и мелкий шли друг за другом, а третий — сторонкой. Наверное, это была своего рода свадебная процессия: двое самцов добились расположения самки. Дик обнюхал следы и шерсть у него встала дыбом на загривке. Он было направился по следам, но Сашко окриком заставил его вернуться.

Вскоре подошли к заваленной снегом приваде — туше теленка, задранного хищниками еще осенью. Прислонив к ветле ружье, он скинул лыжи и, обтоптав вокруг снег, принялся раскапывать капкан. Им оказался старый кованый капкан, но крепкий и надежный — медведя удержит. В продаже уже давно появилось много хороших капканов новых типов, но Алексей, по старинке, продолжал пользоваться самодельными, дедовскими, которые считал более добычливыми.

Вдруг зарычал Дик. Сашко замер и, почувствовал, как по спине пробежал холодок. Обернувшись, увидел, что в метрах

тридцати на поляну вышли два волка и остановились, а следом появился третий. Сашко успел заметить, что на груди у самого крупного из них белеет пятно.

— Ружье, — мелькнула мысль. Сашко попятился к ветле и тотчас вскрикнул от боли. Дужки капкана с силой хлестнули по валенку ниже колена. Рывком попытался дотянуться до ружья. Схватил за ремень, потянул, но оно упало и, выскользнув из рук, медленно скатилось по снежному намету под берег. Попытался дотянуться, но цепь была короткой.

— Дик, — закричал он, — ко мне.

Он был уверен, волки не нападут первыми, но агрессивное поведение Дика становилось непредсказуемым. Он рычал, готовый в любую секунду броситься в схватку. Рычали и волки. Наклонив головы набок и, прижав хвосты, двое из них ходили из стороны в сторону. Волчица стояла в сторонке.

— Дик, назад, кому говорю, назад, — заорал Сашко, но крик словно подтолкнул того, и он рванул в сторону волков.

— Вернись, — срывающимся голосом опять закричал Сашко. Он со злостью схватил дужки капкана, попытался их разжать, но не смог. Проковыляв до дерева и, царапая в кровь руки, стал торопливо развязывать проволоку, скрепляющую цепь вокруг ствола. Работал судорожно, быстро. Наконец она соскользнула с дерева.

А на поляне шла отчаянная грызня. Сашко скатился под берег и схватил ружье.

— Дик! — и он выстрелил вверх. Выбрался на берег. Проклятый капкан мешал идти, цеплялся за кусты. Отыскав в кармане патроны с картечью, дважды выпалил вверх по поляне и увидел, что от дерущегося клубка отделился один из волков и, припадая на заднюю ногу, побежал в сторону. Низинкой уходила волчица, не принимавшая участия в драке. На изрытом снегу, забрызганном кровью и усеянном клочками шерсти, лежал мертвый волк. Тот самый, с белой отметиной на груди. Рядом с ним зализывал рану на боку Дик.

— Живой! — обрадовался Сашко.

Увидев бредущего по снегу Сашко, Дик устало поднялся, осмотрелся и, пошатываясь, пошел навстречу своему другу, защищая которого, он выиграл эту смертельную схватку.

Пасечники

(Алтайская быль)

Дарья Романовна проснулась в полночь и долго всматривалась в темную крестовину окна. Чудилось, что кто-то ходит по пасеке около дома. Старухе стало страшно. Она растолкала спящего рядом деда и шепотом объяснила случившееся.

Прокопий Митрич нехотя спустился с кровати, прошлепал босиком к окошку и прильнул к стеклу. На освещенной лунной пасеке среди ульев он сразу же разглядел темную фигуру крупного животного.

— Корова, что ли забралась? — подумал он, но «корова» вдруг встала на задние ноги, выпрямилась во весь громадный рост, повела мордой из стороны в сторону, опустилась и вразвалку направилась в сторону дома.

— Медведь! — в ужасе сообразил старик, попятился назад, но, запнувшись о лавку с ведрами, с грохотом упал. Испуганно вскрикнула бабка Дарья.

— Тише ты, — прошипел он, — медведь там.

Митрич прополз к печке, отыскал на ощупь под шестком топор и вернулся к окну. Крепко сжимая в руках топориче и готовый рубиться насмерть, он долго ждал, когда зверь начнет ломиться в дом. Прошло полчаса, но снаружи было тихо. Дед осторожно выглянул в окошко — на пасеке никого не было.

Остаток ночи он так и не сомкнул глаз, а утром, обойдя пасеку, нашел три опрокинутых улья, в двух из которых медведь выел медовые соты. Оставшиеся без жилья пчелы сиротливо ползали по росной траве и поломанным рамкам.

— Самые лучшие улья порушил, змей косматый, — сокрушался пасечник, жалея, что не успел вовремя откачать из них мед.

Целый день провозился Прокопий Митрич, приводя пчелиное хозяйство в порядок, а на следующее утро у него совсем опустились руки. Еще два улья оказались разграбленными. При этом появился медведь так тихо, что хозяева так ничего и не слышали.

— Ну все, раз повадился зверюга, теперь не отстанет. Изведет пчел, за скотину примется, — невесело подумал старик. —

Вот же гадство, хотя бы собачонка в хозяйстве была. Тявкнула бы раз-другой, чтобы знать дала, когда эта беда появится.

Он сходил в кладовку и вынес ружье, которым не пользовался с десяток лет. Оно уже изрядно заржавело, затвор, давно не знавший смазки, с трудом открывался. В сумке, где хранились боеприпасы, обнаружил лишь позеленевшие от времени гильзы и капсюли, да с горсть мелкой дроби.

— Так и есть, ребятня зимой на каникулах расстреляла все запасы по зайцам и рябчикам, — вспомнив про приезды из города внуков, понял старик.

Митрич в расстройстве присел на завалинку и закурил. Подошла бабка Дарья, присела рядом, тяжело вздохнула.

— Слушай, Прокопий, — предложила она, — съезди бы ты в деревню да пригласил кого-нибудь из охотников.

— Да где же ты сейчас охотников найдешь, — отмахнулся старик, — бывалые померли уже, а от молодежи толку никакого. Они все теперь охотники до девок, водки да танцев.

— А вот Карп Семенович сказывали, охотничал на медведей.

— Да ну его, куркуля, разве он согласится.

— А ты съезди все-таки, поговори, угости хорошенько, — не унималась старуха.

Последнее предложение Прокопию Митричу сильно понравилось, так как введенный железной рукой Дарьи Романовны «сухой закон» сильно нервировал старика и вынуждал пускаться на различные хитрости, чтобы снять стресс. Потеребив для серьезности разговора бородку, он согласно кивнул.

— Ладно, собирай в дорогу, а я пойду лошадь запрягу.

Прихватив уздечку, Митрич вышел на выгон. Крутобокая рыжая кобыла, которую дед за стервозный характер прозвал Шельмой, увидев хозяина, замотала головой и долго не позволяла ему накинуть на голову узду. Старик извелся, пока поймал и запряг ее в телегу.

Собравшись, Прокопий Митрич пригладил перед зеркалом бороду и одел военную фуражку, доставшуюся ему на память от сына, служившего срочную в танковых войсках. Бабка Дарья вручила ему деньги и хозяйственную сумку.

— купишь бутылку водки для угощения, а на остальное — пшена цыплятам.

— Маловато что-то для серьезного разговора, — хитровато намекнул он.

— Хватит для начала, привезешь Карпа, медовухой угощу, — успокоила она.

Кобыла ходко бежала по накатанной полевой дороге. Митрич, удобно устроившись в телеге, покуривал и размышлял о житье-бытье. Далеко позади на широкой луговине среди живописных березняков и ельников осталась пасека, на которой он проработал уже двадцать восемь лет. Рядом под самые облака возвышались лесистые бухтарминские горы.

Потянулись сенокосы. Заметив первые стожки и косарей, дед с тоской подумал, что и ему пора уже заняться заготовкой сена.

— Ничего, скоро сыновья в отпуск приедут, подсобят. Тут бы, кстати, и медвежатина была. Да и за шкуру, говорят, любой городской начальник, не задумываясь, тысячу рублей отвалит. Убытки за разбитые улья можно покрыть.

В житейских раздумьях дед не заметил, как доехал до деревни. Шельма, по привычке, первым делом сама завернула к магазину. Прокопий Митрич купил бутылку «Столичной», потолкался среди женщин, судачивших о последних деревенских новостях и, наконец, набравшись смелости, вместо пшена купил вторую бутылку.

— Ничего, как-нибудь оправдаюсь, скажу, что пшено закончилось, а нового еще не подвезли, — прикинул он, что для предстоящего серьезного разговора нужно быть с запасом спиртного. После этого решения дед почувствовал, что он сразу же приобрел необходимую для мужика смелость и уверенность.

Пропылив на телеге до конца одной из улиц, остановился у богатой усадьбы с большим домом под оцинкованной крышей, фруктовым садом и новенькими «Жигулями» у ворот.

Распаренный после бани Карп Семенович, одетый в одну майку и спортивное трико, сидя на чистеньком крыльце, читал газету. Старику, как и Прокопию Митричу, было семьдесят два года, но в отличие от своего сухонького сверстника, был он по-сибирски кряжист и крепок. Да и выглядел на лет

пятнадцать моложе своего возраста. Работал также в колхозе пасечником. За степенность, грамотность, пристрастие выписывать и читать много газет и журналов, пользовался он в деревне большим уважением.

Поздоровались. Митрич присел рядом и, как водится среди мужиков, прежде чем начать разговор, полез в карман за сигаретами. Хозяин предложил синенькую, с откидной крышечкой, пачку «Космоса».

— Нет, я уж лучше своих, термоядерных, — доставая пачку «Астры», отказался гость, — крепкий табак люблю.

— А я вот на фильтр перешел.

— А раньше-то, помнишь, какой самосад ядреный курили. Свернешь, бывало, самокрутку в палец толщиной, закуришь, как пропершит внутри, так полдня сытый ходишь!

— Да, было время, — согласно кивнул хозяин, прикидывая с какой это целью наведалься к нему Прокопий, раньше обходивший его дом за версту.

Митрич уже было хотел перевести разговор в нужном ему направлении, но в сенях послышались шаги и на крыльце появилась моложавая хозяйка в ярком халате.

— Здравсьте, Марья Фатеевна, — одергивая пиджак, подскочил от неожиданности Митрич, которому пышнотелая молодуха показалась настоящей царевной.

Справившись о здоровье гостя и его Дарьи Романовны, хозяйка пригласила на чай с пирогами, но старик, придумав кучу срочных дел, вежливо отказался, посчитав нужным переговорить с Карпом один на один.

— Ну, как хотите, — сказала она и как-то недобро обвела его взглядом с ног до головы и важно ушла в дом.

— Чего это она на меня так глянула? — всполошился старик, осматривая себя и ахнул: из кармана штанов предательски выглядывало горлышко бутылки.

— Вот же гадство, узрела, однако? — спросил он притихшего хозяина. Тот согласно и даже несколько осуждающе кивнул.

— Семеныч, у меня к тебе срочное дело, где бы нам потолковать, но только с глазу на глаз, — торопливо и вполголоса заговорил Митрич и для убедительности похлопал по выпуклости кармана. Карп Семенович помялся, оглянулся на сени и кивнул ему на баню в глубине сада.

Водку пили в предбаннике из закопченного ковшика и закусывали захваченным с грядки перезрелым огурцом. Прокопий Митрич подробно рассказал о событиях последних дней и принялся уговаривать хозяина съездить на ночку, чтобы скараулить медведя.

— Не поможешь, изведет змей пасеку и разорит под корень, — заключил он свою просьбу.

Карпу Семеновичу и без уговоров предложение сразу же показалось заманчивым и прибыльным. Место дальше, никто не увидит и не узнает, а медведь, судя по всему не пуганый. Если побывал на пасеке дважды, отведал меду, то наверняка появится и в третий раз. Опыт в таких охотах был у старика большой, но для солидности он молчал и делал многозначительный вид, что пока не решился на это опасное дело.

— Ладно, — сказал он, когда допили бутылку, — схожу с Марьей переговорю.

Вернулся он не скоро, но довольный и готовый к отъезду.

— В общем, Марья согласна, — сообщил он свое решение, — только просит, чтобы я шкуру забрал.

— Бог с ней, со шкурой, бери, лишь бы пасека и пчелы целыми остались, — махнул рукой Митрич, мысленно пожалев уплывшую из рук верную тысячу рублей. Он помог запрячь в бричку вороного коня и уложить вещи. Карп Семенович принес для себя вертикальную двустволку недавнего выпуска, а для Митрича — старенькую одностволку-«ижевку».

Доехали весело. Останавливались дважды у родников, распив оставшуюся бутылку. Дома распрягли лошадей, вывели подальше на луг, спутали и пустили пастись. Митрич показал гостю следы медвежьего разбоя и Карп Семенович опытным взглядом определил, что оба раза зверь забирался на пасеку через плетень под раскидистым кустом черемухи. Выбрали сразу и место для засады на тесовой крыше сеновала. Заранее перенесли туда тулупы, ружья и патронташи.

Уже вечерело. Дарья Романовна накрыла богатый стол, поставила большой чайник крепчайшей медовухи и, как никогда, была приветлива и весела. После второй кружки медового напитка Карпа Семеновича потянуло на воспоминания. Рассказав два случая из своих медвежьих охот, он призадумался и вздохнул.

— А началось у меня с медведями давно, в молодости, когда еще в парнях ходил. Жил я тогда с родителями в соседней деревне, а дружил со сверстницей своей, Настей, красавицей, каких теперь и не встретишь. Завьялова Ивана помните, так вот, это его старшая дочка. Осенью, после уборки урожая, хотели свадьбу сыграть. Если бы не один случай.

Время летнее было, сенокос в разгаре. Работали в бригаде, сено метали. Как-то отобедали, мужики по шалашам залегли жару переждать, а бабы с девками в лес за малиной пошли. Смотрю, Настя с подружкой своей отстала и в крайний лесок свернула. Дело, понятно, молодое. Дай, думаю, шутку с девчатами сыграю. Прокрался в лесок, осмотрелся, слышу, копошатся они в густой малине. Подобрался туда, встаю во весь рост и взревел по-медвежьи. А из малины, вместо девок, медведище поднимается, да как рывкнет на меня. Я бежать. Орал так сильно, что всех перепугал. Запнулся о колодину и со всего маха ударился о пень, после чего первое время заговаривался и заикался. Потом уже меня бабки заговорами вылечили и святой водой отпоили. А Настюха с того случая отвернулась от меня, разговаривать перестала, а осенью выскочила замуж за заезжего киномеханика. Вот так бывает!

Старики помолчали, выкурили по сигарете и пригубили медового напитка.

— А со мной прошлым летом тоже история приключилась, на подобии твоей, — не выдержал Прокопий Митрич. — Потерялась, значит, у нас корова с телятами. Два дня искал, все кругом объездил. Возвращаюсь домой, гляжу, а она пасется на горе под самой вершиной. И оба теленка с ней. Даже издали видно было, что один темный, а другой светленький. И какой черт, думаю, занес ее под самые небеса. Деваться некуда, стал я подниматься вверх. А склон, гадство, крутящий, камень на

камне и шипишник с карагайником густые. Вымотался, пока добрался до вершины, злой до свирепости. Выскакиваю с палкой на поляну, а там медведуха с медвежатами. С одним темным, а другим светлым. Увидела меня, пышкнула и чуть было не бросилась навстречу. Я в кусты и бежать вниз. Как спустился по крутяку не помню, но быстро. Одежду в лохмотья изорвал, а сам весь в занозах от шипишника. Прибегаю на пасеку, а корова ходит около дома и мычит.

Уже стемнело. Дарья Романовна зажгла керосиновую лампу. Карп Семенович, глянув на часы, стал собираться. Прокопий Митрич достал с печки длиннющий, как клинок, нож, которым по осени режут скот. Обернул его тряпкой и засунул за голенище.

— Ставни закроешь, лампу погаси, и сама сиди как мышка-норушка, — строго предупредил он притихшую хозяйку.

Видя, что старуха послушно со всем соглашается, дед совсем осмелел и, уходя, прихватил с собой чайник с медовухой.

Устроились на сеновале хорошо. Особенно сильно нравилось место засады Карпу Семеновичу. Ночь была лунная, тихая, вся пасека как на ладони.

— Медведя, знаешь, куда лучше пульей бить? — спросил он на всякий случай Митрича.

— Как всегда, в лоб, между глаз, — тоном бывалого медвежатника, не задумываясь, ответил тот.

-- С ума выжил, — возмутился Карп Семенович, — запомни: самый убойный выстрел под переднюю лопатку.

— Пусть будет по-твоему, — согласился Митрич.

Улеглись на тулупы, удобнее пристроили ружья и патроны. Выкурили по последней сигарете и стали ждать. Первым уснул Прокопий Митрич, а спустя некоторое время и Карп Семенович. Медовуха действовала как снотворное.

Очнулся Карп Семенович в полночь. Под черемуховым кустом кто-то стоял и как будто бы чесал бока о плетень. Время от времени в тени куста появлялась голова.

— Чует, наверное, нас, как бы не ушел, — начали одолевать сомнения охотника.

Старик пощупал по карманам очки, но не нашел. Оказывается, в доме на столе забыл. Решил первым выстрелом бить по

башке, а вторым, пониже, в грудь. Как и было заранее условлено, толкнул Митрича, но в ответ услышал лишь посапывание. Что есть силы пихнул его локтем еще раз. Дед чуть не подпрыгнул спросонья, уставился в недоумении на напарника и, наконец, сообразив, где находится, потянулся за ружьем.

Карп Семенович целился старательно и долго. Грянули подряд два раскатистых выстрела, затем грохнул еще один. Митричу на какой-то миг почудилось, что у плетня видел он две головы, но он об этом промолчал, сочтя, что у него просто двоит в глазах после медовухи и сна.

Старики подскочили, вслушиваясь в наступившую тишину. Из-за изгороди донесся сдавленный храп. Карп Семенович перезарядил ружье и выстрелил на звук дуплетом. Митрич тоже пальнул туда же из своей одностволки. За плетнем все стихло.

— Ну, что Карпуша, пойдем шкуру снимать, завалили зверюгу, — расхрабрился Прокопий Митрич. И он выхватил из-за голенища свой длиннющий нож.

— Угомонись, — остановил его опытный напарник, — нельзя в темноте да без собак подходить. А вдруг подранок. Давай, лучше, до утра подождем.

Старики допили остатки медовухи из чайника и довольные состоявшейся охотой, развалились на тулупах, покуривая сигареты.

Рассвело по-летнему быстро. Спустившись по лестнице с сеновала и держа ружья наизготовку, охотники подкрались к изгороди. Глянули и ужаснулись. Вместо медведя под плетнем вповалку лежали кобыла и вороной жеребец. Оба были сражены меткими выстрелами в головы.

— Не может быть, — застонал Прокопий Митрич.

— Пить не надо было, — рассудительно подвел итог охоте Карп Семенович.

Старики присели на лежавшие колодки ульев и загоревали. Каждому из них даже страшно было подумать, какие объяснения с женами предстоят им дома. Посовещавшись, решили быстренько разделать убитых лошадей, мясо продать в деревне, а на вырученные деньги купить новых коней, чтобы восстановить казенных. Иначе не избежать крупных неприятностей с колхозным начальством.

Полдня провозились старики, свежую добычу. Прокопий Митрич сходил к косарям на ближайший полевой стан и договорился с трактористом за магарыч отвезти мясо в деревню.

Торговали у магазина. Пора была сенокосная и свежатину раскупали охотно. Довольные быстрой торговлей, купили и распили бутылочку портвейна. Жить стало веселее. И все бы, наверное, закончилось в этот день благополучно для стариков. Но не зря говорят, что беда не ходит одна. И вскоре она появилась в лице участкового инспектора Пахомова, мужика справедливого, но зловредного. Подъехав на своем неизменном мотоцикле «Урал», милиционер добродушно поздоровался, участливо справился о здоровье и делах на пасеке, а потом, между прочим, поинтересовался:

— Говорят, вы тут лосятиной торгуете?

— Да какая это лосятина, — возмутился Карп Семенович, — это же первосортная конина.

— А откуда она у вас? Ворованная, что ли?

Старики растерялись. К такому обороту событий они не были готовы. Пришлось сознаваться и рассказывать все как произошло.

— В общем так, граждане пасечники, — подвел итог строгий участковый, — нарушили вы закон сразу по трем статьям. Во-первых, браконьерская охота на медведя, во-вторых — убийство двух казенных лошадей в корыстных целях, ну а в-третьих — спекуляция мясом. И грозит вам за это уголовное дело и тюрьма на старости лет. Мясо я изымаю как вещественное доказательство, а вас задерживаю. Пройдете в сельсовет, составим протокол и там решим дальнейшую вашу судьбу.

Такого позора, как путь от магазина до сельсовета, старики не испытывали за свою долгую жизнь. После утомительного допроса и написания объяснительных, когда они уже мысленно смирились с неизбежной тюрьмой, участковый инспектор, просмотрев бумаги и созвонившись с каким-то начальством, неожиданно заявил:

— Учитывая, что вы оба ранее не были судимы, всю жизнь добросовестно трудились в колхозе, имеете звания «Ветера-

нов труда», а во всем случившемся чистосердечно раскаиваетесь и готовы восстановить за собственные средства утраченных лошадей, принято решение не заводить на вас уголовное дело и ограничиться общественным порицанием. Завтра поедете на конеферму, приобретете новых лошадей и вечером предъявите их мне. Пишите расписки и можете быть пока свободны.

Старики, еще не веря в случившееся чудо, вышли на улицу и ноги сами привели их в магазин. Купив водки и сигарет, отправились на речку и провели там всю ночь, боясь показываться в деревне. О чем они там говорили, никто не знает. Утром же, сняв со сберкнижек деньги, съездили на конную ферму и купили лошадей.

Домой Прокопий Митрич вернулся вечером. Дарья Романовна встретила его у ворот, не зная, плакать вначале или ругаться.

— Смотри, бабка, какую Сивку-Бурку купил, загляденье, — стараясь быть бодрым, сказал Митрич. — Выгодно взял, даже деньги остались.

И он протянул ей полную горсть мятых трехрублевок.

Гогольский кулшук

Сашка Мальков — молодой слесарь одного из ремонтно-механических цехов Гурьева в эту пятницу постарался выполнить дневную норму до обеда. Совсем не из желания прослыть ударником, а по личной просьбе самого Афанасия Петровича. Дело в том, что наступала середина октября и на Каспии уже валом пошла сибирская утка и казара. А такое событие пропустить никак нельзя. Охотничья традиция — святое дело.

Афанасий Петрович был лучшим другом его отца. Долгие годы они вместе отмечали праздники, ездили на рыбалку и охоту. С детских лет брали с собой и Сашку, прирастив его к полевой жизни. Когда он вернулся из армии, отец тяжело заболел и, после операции, вскоре умер. Фронтные ранения добились его в мирной жизни. После похорон Петрович подошел к Сашке и сказал: «Теперь будешь моим напарником на

охоте, в память о твоём отце». С тех пор, несмотря на большую разницу в возрасте, они дружат и охотятся всегда вместе. Порой Сашке даже начинало казаться, что Афанасий Петрович, своим вниманием и опекой, стал заменять ему рано потерянного отца.

Петрович, будучи инвалидом войны, был уже давно на пенсии, хотя и продолжал подрабатывать. Несмотря на возраст и хромоту, был он ещё мужиком крепким, подвижным и азартным. Имелся у него собственный «Москвич», благодаря которому были они независимы от других охотников, могли выезжать в любое время, когда и куда захотят. Был у них третий постоянный спутник — спаниелька Найда, умница и неизменная помощница на охотах. Она, как и автомобиль, была предметом особой гордости Афанасия Петровича, и он даже внес ее в свой охотничий билет.

— Была бы возможность, в паспорт вписал бы, в графу «Семейное положение», заслужила, — говаривал он иногда.

Как условились с вечера, Сашка ждал к полудню появления Петровича с новостями от знакомых охотников, которые должны были вернуться с Каспия. Едва он закончил работу и убрал инструменты в ящики, как из дальнего угла цеха кто-то крикнул: «Мальков, на проходную». Сашка вытер насухо руки и отправился к выходу.

Петрович, прихрамывая, озабоченно ходил из угла в угол прихожей. Увидев Сашку, он, схватив его под руку, потащил в сторону и вполголоса, как великую тайну, сообщил радостные вести.

— Приехали мужики. На самом Гог льском, говорят, были. С вечера шилохвость пошла, валом, как саранча. Тыщи! Стреляли, говорят, без остановки, пока патроны не кончились. По полсотни каждый взял. Сейчас снаряжаются и опять поедут. Ты понял, Санька, торопиться надо. Там такая охота вечером будет!

Старик суетливо вытащил из кармана сигареты, сунул ему одну, нервно, изломав подряд две спички, прикурил.

— Ты готов, отпросился уже?

— Да я только что работу закончил, не успел еще.

— Так чего же стоишь, покуриваешь. Беги скорее, что мо-

жешь выдумывай, сынок, но отпросись!

Спорить с Петровичем бесполезно. Бросив закуренную сигарету, Сашка побежал к проходной.

Отыскав мастера смены, не став кривить душой, рассказал все как есть, попросив отпустить, так как всю работу досрочно уже сделал. Зная добросовестность Сашки и давнее его увлечение охотой, тот согласно кивнул.

— Поезжай, раз так. Отработаешь потом. Ни пуха — ни пера!

Сашка чуть не бегом выскочил из его коморки.

— Пару уток на шулюм привези, — крикнул ему вслед мастер.

— Спасибо Сергеич, обязательно привезу.

Сборы прошли быстро и в неизбежной суете. Не обошлось и без недоразумений. Когда проехали уже большую часть города, Сашка вспомнил, что забыл взятую накануне в охотобщиестве путевку и взмолился вернуться домой.

— Даже и не проси, назад перед охотой не поеду, — отрезал Петрович, — сам знаешь почему.

— А вдруг егерь или инспекция?

— Обойдется. Вряд ли кто из инспекторов сейчас сунется на Гог льский, пока туда не повалили охотники. Не бойся, прорвемся!

Заехав по пути в знакомый магазин, купили две булки хлеба, колбасы, водки, консервов и сигарет.

— Ну, с Богом! — традиционно вслух сказал Афанасий Петрович на выезде из города, дал газу и довольный погнал машину, игнорируя указатели ограничения скорости. Примостившись на излюбленном месте, на заднем сиденье дремала Найда.

Вскоре взяли курс прямо на юг от Гурьева, на знаменитый среди старожилгов Гог льский култук — большой камышистый полуостров на Каспии. Полсотни километров проехали незаметно. Миновали небольшой поселок Гог льск, затем совхозную ферму и дальше разбитой полевой дорогой по полупустынной местности с неизменными солончаками и чия-

ми, минуя редкие чабанские зимовки, направились в сторону моря. Сашка эти места совсем не знал, а Петрович, бывавший здесь давно, напрягая память, ехал почти наугад. Сбились в одном месте, уехали в сторону, но повезло. Повстречали на счастье колесный трактор, тянущий телегу с большим возом сена. Пропыленный парнишка-казах, сидевший за рулем, растолковал как лучше проехать к охотничьему становищу на ближайшем мысе.

— Утка уже третий день летит во всю, — пожелал им хорошей охоты доброжелательный тракторист.

Минут через двадцать были на месте. Афанасий Петрович, узнав свою давнюю стоянку, остановился и, выбравшись из машины, устало и довольно потянулся.

— Ну вот, Саня, и добрались. Это и есть Гог льский култук. Благословенные места для охотников и рыбаков. Было время, когда-то с батей твоим, ох и поохотились мы здесь на гусей. Как поохотились!

Уже вечерело. В стороне, за стеной тростников шумел Каспий. Низко, нескончаемой вереницей, плыли темные тучи. С моря дул холодный ветер.

— Одеваемся, Санек, снаряжаемся и на перелет. Времени мало осталось, — распорядился старик.

Мимо, поднимая клубы пыли, промчались красные «Жигули», полные охотников. Видя, что место уже занято, они поехали дальше, искать свободный участок берега.

— Конкуренты, язви вас в душу, — проворчал им вслед Петрович, — явно метили на мое место. Опоздай на пять минут — самим бы пришлось мотаться по разным углам.

Сборы не заняли много времени. Когда были готовы, перенесли в багажник самое ценное. Закрыв машину на ключ, старик свистнул Найду и повел Сашку через широкую прогалину к морю. Туда тянулась глубокая автомобильная колея, заполненная болотной водой.

— Тут иногда рыбаки бывают, — пояснил Петрович.

Минут через пять вышли на большую поляну, на краю которой под полусухой жигидой был устроен старый рыбацкий шалаш, сооруженный из жердей и вязаных тростниковых щитов. Рядом было старое кострище, таган, несколько сидушек

из старых ведер. На берег, служивший когда-то причалом, выходил небольшой прокос. Там всюду валялись обрывки сетей и поплавки из пенопласта.

Прошли немного берегом по тропе среди редкого тростника и остановились около залома, сооруженного в виде полукруга из вязанок тростника, высотой почти в рост человека. На утоптанной полянке лежало множество стреляных бумажных гильз, мятых пачек сигарет и несколько пустых консервных банок и бутылок из-под водки.

— Здесь первый скрадок, — показал Петрович, — ты, Санек, располагайся и готовься, а я чуток дальше пройду, к другой засидке. Когда устроюсь, вернусь, подскажу куда и как стрелять.

Оставшись один, Сашка скинул с плеч ружье и рюкзак, вытащил запасной патронташ, разложил все в углу скрадка и, закурив, прошел вперед, чтобы осмотреться. Дальше на юг, до самого горизонта, простиралось море, окрашенное слабым розовым цветом закатного солнца. На берег одна за другой с шумом шли большие темные волны, оставляя по кромке полосы белой мыльной пены. Над водой летали редкие чайки, а вдали, одна за другой вереницей, тянули на ночевку бакланы.

Вскоре появился Петрович, в сопровождении собаки.

— Ну что, готов к бою? — поинтересовался он.

— Конечно.

— Нет, вижу, еще не готов, сынок — осмотрев стоянку, хитровато намекнул старик, — что нужно Афанасию Петровичу после трудной дороги и для твердости руки на охоте?

— Ай, да я совсем забыл, — сообразил Сашка и бросился за рюкзаком. Вытащив из него «Перцовку», он расстелил газету, разложил на нее закуску, распечатал ножом бутылку и разлил по кружкам.

— Вот это другой расклад, — беря кружку в руку, сказал довольный Петрович, — ну давай, с полем, сынок! Чтобы жилось, пелось и стрелялось!

Чокнулись. Старик выпил, молодецки вытер тыльной стороной ладони прокуренные усы и, взяв предложенный ломтик хлеба с салом, нюхнул его и надкусил.

— Хорошо-то как, Саня, — вздохнул он, набрав полную

грудь свежего морского воздуха, — как хорошо жить! Не поверишь, я ведь молодею на несколько лет после каждой охоты. Если бы не это приволье, давно бы крикнул. Я ведь в жизни, Сашок, такое прошел, ни приведи господи другому. Как-нибудь, при случае, расскажу...

Петрович присел, потрепал кудлатую голову собачонки, смотревшей на него умными и выразительными глазами, какие бывают только у спаниелей. Угостил ее большим кусочком хлеба. Когда она управилась с ним, предложил второй.

— Ешь, Найда, ешь, родная, скоро тебе будет много работы. Поднявшись, Петрович вытер руки и предложил.

— Эх, давай еще по одной и на этом пока все.

Взяли предусмотрительно налитые Сашкой кружки, чокнулись и молча выпили. Перекурили. Афанасий Петрович вкратце объяснил особенности охоты на этом месте, понимая, что лишних поучений делать не следует, так как Сашка уже далеко не новичок.

— Только смотри, не азартничай, как в прошлый раз. Спокойно, расчетливо бей, на выбор, так чтобы падала рядом, а то потом в темноте трудно будет искать. Видишь, ветер к ночи крепчает, вся утка низом пойдет.

Петрович вдруг завертел головой. Над станом, не пугаясь людей, со свистом прошли первые табунки быстрокрылой шилохвosti.

— Язви тебя в душу, — засуетился вдруг он, — заболтался я. Пошла родная. Ладно, Сашка, побежал я.

— Найда, за мной, — скомандовал он и, прихрамывая, скрылся в тростнике.

Сашка, укрывшись за тростниковой стенкой скрадка, приготовил двустволку и, как всегда, взял два запасных патрона в ладонь левой руки, чтобы не терять времени на перезарядку после первых выстрелов.

Смеркалось. Ветер усиливался, с шумом раскачивая и пригибая морские камыши. Ждать долго не пришлось. Один за другим пошли утиные табуны, вначале десятками, затем сотнями. Сашка не спешил, ждал основного вала. Со стороны терпеливого в этих делах Петровича тоже не было поспешных выстрелов. Да и Сашка, уважая старика, право первого вы-

стрела всегда уступал ему. И, наконец, пошла основная утка. Тысячами, непрерывным потоком, закрывая небо. И главное, низко, стелясь над водой и тростниками.

Гулко хлопнул в стороне стариковский дуплет. Сашка тоже поймал на мушку стремительно идущий на него большой табун шилохвосток, раз за разом выстрелил, с восторгом заметив, как, теряя перья, две утки упали прямо перед скрадком. Быстро перезарядив ружье, тотчас же ударил по следующему табуну, из которого, кувыряясь, вывалилась еще одна птица.

Сашку охватил необыкновенный волнующий азарт. Он стрелял, перезаряжал, опять стрелял, уже не соображая. Он лишь инстинктивно отмечал для себя: попал или промахнулся в цель. Разгоряченный, скинул мешавший бушлат и шапку.

Сколько продолжалась стрельба — не заметил. Стал приходить в себя, когда второй патронташ опустел. Он в растерянности ощупал карманы и все вокруг — патроны кончились. С тоской глянул на небо — шилохвость все шла и шла на запад.

В стороне — дразня и зля — время от времени звучали гулкие хлопки одиночных выстрелов экономного Петровича. Устало опустившись на землю, Сашка закурил, откинулся на спину, рассеянно глядя в лунное небо с редкими звездами, которое продолжали рассекать утиные табуны. Такого лёта и такого волнующего чувства ему в жизни испытывать еще не приходилось.

Вскоре стихли выстрелы, наступило необычное затишье.

— Санька, иди ко мне. Фонарихвати, — раздался из темноты крик старика.

Сашка, вытащив из рюкзака фонарики, освещая себе путь, отправился по тропе вперед и вскоре уткнулся в скрадок Афанасия Петровича, задумчиво сидевшего на корточках, опершись на ружье.

— Что с тобой?

— Сердце захолонуло, погоди, отдышусь.

Поднявшись через некоторое время, старик сразу начал делиться своими впечатлениями.

— Первый десяток свалил хорошо. Потом разволновался, как пацан прямо, и начал «пускать пуделей». Понимаешь, налетает табун, бьешь в середину, думаешь, вот, сейчас, целая

куча повалится на тебя. Ан, нет. Ни одной. Бьешь в другой. Тоже самое. Понимаешь, что надо выцеливать, а руки делают совсем другое. Переволновался я.

Старик вздохнул и как-то виновато глянул на своего напарника.

— Ну, а у тебя-то как?

— То же самое, как и у тебя, но навалял порядком. Патронов жалко мало взял.

— Ты, это, паря, зря, — не удержался Петрович, — меру надо знать. Сколько раз говорил — два патронташа на охоту норма. Настрелялся и без того от души. Зачем тебе столько уток, голодный что ли?

— Ладно, Петрович, — успокоил его Сашка, уже десятки раз слышавший стариковскую мораль, — погорячился я.

Молча перекурили и пошли собирать уток. Освещая фонариками землю, обшарили окрестности обоих скрадков. С помощью чутьистой Найды отыскивали почти всех птиц. Сложили добычу в две кучи и пересчитали. Афанасий Петрович настрелял двадцать восемь, а Сашка — тридцать шесть шилохвостей. Каждый при этом использовал ровно по сорок пять патронов. По заведенной давно традиции добычу по-братски уравнили, чтобы не было никому обидно.

— У меня наверняка осталось там еще с десятков, — уязвленный в душе большой разницей в счете, вдруг заявил неугомонный старик, — может, сходим, еще поищем.

— Нам бы это все дотащить, — остановил его Сашка.

— Резонно, — сразу согласился он.

Сложили добычу в мешки и, взвалив на спины, с трудом добрались до машины. Пока шли, погода совсем испортилась. С моря подул шквалистый ветер.

— Кажется, шторм начинается, сильный шторм, — задумчиво сказал Афанасий Петрович, — надо сваливать отсюда.

Он сел в машину и попытался завести двигатель, но не смог. Сашка достал рукоятку, долго заводил вручную, но бесполезно. Двигжок молчал, как мертвый.

— Санька, я ведь подфарники оставил включенными, когда уходили, — догадался старик, — аккумулятор сел.

— Что будем делать теперь?

— Переночуем в машине, а утречком, как появятся охотники, попросим кого-нибудь помочь, чтобы завестись.

Расстроенные и уставшие, сели в салон, долго и молча курили, всматриваясь в темень окон, прислушиваясь к ветру и нарастающему гулу со стороны Каспия. Мимо, как ошалелые, освещая дорогу фарами, промчались друг за другом «Жигули», а затем мотоциклист на «Урале».

— Чего это они удирают оттуда, инспекция приехала, что ли? — заинтересовался Петрович.

— Эх, зря не тормознули их, чтобы помогли завестись, — с опозданием сообразил Сашка.

— Бог с ними, Санька, пускай едут. Доставай харчи, надо перекусить, — предложил Петрович, — переспим как-нибудь в машине, не впервой. Куда же ехать, на ночь глядя. Утро вечера мудренее.

Устроили на сиденье стол, разложили закуску, разлили «Перцовку» по кружкам.

— С полем, — предложил тост в порядке старшинства Петрович, — славная охота была!

Выпили, закусили. Затем повторили. От крепкого напитка вскоре согрелись, повеселели, неприятности с машиной сразу забылись. За пересказом виденного вечернего перелета вновь пережили волнующие и счастливые минуты минувшей охоты. Спать устроились на сиденьях. Крепко выпивший Петрович уснул, прижимая к себе Найду. А в это время на Гог льском култуке на море во всю свирепствовал шторм.

— Санька, проснись, беда, — раздался утром голос старика.

Сашка, спавший на переднем сиденье, приподнялся, протер рукавом запотевшее лобовое стекло, глянул в него. Снаружи стояла непроницаемая пелена тумана.

— Ты на пол лучше глянь, — подсказал Петрович.

Глянув вниз, Сашка с ужасом увидел, что салон полон воды. Приоткрыл дверь — кругом тоже плескалась вода.

— Что такое, дядя Афоня?

— Моряна это. С моря ночью штормом нагнало воду, и она затопила весь култук.

Сашка, родившийся в Гурьеве, был наслышан о страшных последствиях наводнений на каспийском побережье, вызываемых моряной, но сам впервые столкнулся с этим явлением.

— Что делать?

— Выбираться надо срочно, на сухое место, к жилью.

— Далеко?

— Километров пятнадцать, однако.

Сашка вдруг понял, что допустил большую глупость, одев на охоту резиновые сапоги с короткими голенищами. Предусмотрительный Петрович был в высоких болотных сапогах.

Начали собираться. Уложили в рюкзак котелок, кружки, ложки и оставшиеся продукты: буханку хлеба, половину «палки» колбасы, две банки кильки в томатном соусе, луковицу, конфеты. В бардачке, к радости обоих, нашли два дробовых патрона. В свободный мешок с собой отложили десяток уток, остальные оставили в холодке на капоте машины. Захватили с собой, на случай дождя и ветра, брезентовый плащ и тент. Петрович, долго рывшийся под задним сиденьем, вдруг радостно вскрикнул и, выбравшись наружу, подал Сашке две бутылки водки, завернутые в тряпку.

— Святой запас, две недели от бабки прятал. Купил с пенсии на охоту и заметь, даже не прикоснулся.

Когда собрались уходить Афанасий Петрович, еще раз обошел машину и закрыл на ключ. Видно было, что бросать ее ему тяжело.

— Эх, лишь бы никто не тронул, — вздохнул старик.

Двинулись в путь. Сашка кроме рюкзака и ружья нес на себе мешок с утками, Петрович пристроил на плечах Найду. Воды было почти по колено. Туман по-прежнему стоял густой — видимости никакой.

— Самое главное запомни это направление, — попросил старик своего напарника, — будем его придерживать — выйдем прямо к чабанскому жилью. Собьемся — заблудимся, кирдык нам тогда.

Километра три брели по мелководью на дорожной колее. Неожиданно в тумане показался силуэт легковой машины, которой оказались брошенные «Жигули».

— Видать, сломались, бросили и пешком ушли, — прикинул Петрович.

В салоне на сиденье лежали две булки хлеба, завернутые в газету. Сашка взял их и стал укладывать в снятый рюкзак. Петрович, видя это, забрал одну из них и положил обратно в машину.

— Знаешь, Сань, может быть, еще кто-нибудь заплутал, доберется, хоть голодать не будет. А у нас еды и так хватает.

— Резонно, — согласился Санька, вставив в разговор любимое стариковское словечко.

— Как ты говоришь? — переспросил вдруг Петрович, удивленно взглянув на парня.

— Разумно, говорю, делаем.

После вынужденной передышки двинулись дальше. Вскоре потеряли дорогу и угодили в низину с глубокой водой и вязким солончаковым дном. Сашка брел уже в сапогах полных холодной воды. Петрович, споткнувшись в одном месте, тоже зачерпнул воды в свои болотники. Через полчаса увидели в тумане скирду. Усталые и продрогшие добрались до нее. Сашка забрался на вершину, разворошил ее и отвалил вниз один угол стога. Утоптали сено и, вскоре, рядом с ним образовалась большая, сравнительно сухая площадка для костра. В самой скирде вырыли глубокую и просторную нору, где можно было отдыхать и укрываться от непогоды.

Разожгли костер, долго грелись и сушились, подбрасывая большие охапки сена из сухого молодого тростника. Вскоре вспомнили, что с утра ничего не ели. Перебрались в свою «берлогу», расстелили дождевик, выложили продукты и выпили для сугрева по сто грамм. Обсудили свое непростое положение. Решили переночевать, а на следующий день идти, не останавливаясь, до ближайшего жилья.

— Видишь, ветра сегодня почти нет, может быть, вода к утру схлынет, — предположил старик.

Эту ночь провели в стогу неплохо, только под утро сильно замерзли. Когда поднялись, удивлению их не было предела. Оказывается, ночью ударил мороз и воду, нагнанную моряной, схватило прочным ледком. Правда, веса человека он не выдерживал, прогибался и сразу ломался. Далеко по нему пешком не уйдешь, только ноги искалечишь.

— Что ни день, то новая беда. Придется теперь ждать морозов, пока лед не окрепнет.

Весь день жгли костер, ошипывали и палили взятых с собой уток. Вечером выпили оставшуюся бутылку водки и, разогретые спиртным, курили и долго сидели у огня. Старик, впервые за годы совместных охот, стал вспоминать про войну, как при штурме одной из высот poleg почти весь его батальон, как потом немцы танками раскатали в окопах бойцов, оставшихся без огневой поддержки. Как чудом остался жив и выбирался в расположение полка, где из-за самодурства начальства и особистов попал под трибунал. Как несколько дней ждал расстрела в холодном сарае. Как расстрел был заменен на штрафбат и, как опять, уже в числе смертников, штурмовал ту самую высоту, на которой poleg родной батальон. Как попал там под обстрел и с перебитой ногой, истекая кровью, валялся в грязи почти сутки. Много еще чего рассказал Афанасий Петрович в этот холодный вечер о своей непростой жизни. А когда с моря подул холодный пронизывающий ветерок, ушли спать.

— Горим, — не своим голосом заорал под утро старик.

Санька вскочил и почувствовал, что задыхается от едкого дыма, заполнившего их лежбище. Через лаз было видно, что окрестности озаряют яркие всполохи огня. Захватив все вещи и оружие, спешно выбрались наружу.

Скирда полыхала как бензохранилище. Перебравшись в дальний угол, куда пламя уже не доставало, долго и молча, отмахиваясь от дыма и пепла, стояли, наблюдая за пожарищем.

— Видать ветром раздуло костер, — подвел итог ночному происшествию Петрович, — хорошо хоть сами не сгорели в нашей конуре.

Когда рассвело, от большой скирды осталось одно дымящееся пепелище. Старик осторожно пробрался к месту, где дневали и жгли костер, долго копался там, раскидывая ногами пепел. Пришел, держа остатки обгоревшего мешка из-под дичи.

— Сгорели утки, остались мы теперь без еды.

Задерживаться дальше на этом месте не было смысла и решили пробиваться к следующей скирде, которая виднелась почти в километре. Захватив с собой Найду, осторожно ломая лед и обходя глубокие места, двинулись в путь. Добирались

более часа, но дошли благополучно, даже не набрав в сапоги воды. Устроились даже лучше, чем на прежнем месте, так как лаз вглубь стога был с подветренной стороны. Костер договорились теперь гасить старательно, заливая, по возможности, водой.

Потянулись дни ожидания. Один, другой, третий. Морозов не было, лед по-прежнему был тонкий. Продукты закончились. Доели последнюю рыбную консерву.

Вечером, когда уже стемнело, Сашка, услышав треск льда, выбрался наружу и прислушался. Оказывается, к стогу, с другой стороны, выбрались кабаны, тоже спасающиеся от моряны. Выскочившая из «берлоги» Найда, учуяв их, залаяла. С глухим уханьем, взламывая лед, напуганные звери ломанулись в сторону от людей. Ночью вновь лаяла Найда, вглядываясь в темноту. По проложенному пути с шумом прошел еще один табун кабанов.

Утром, осмотрев их следы и уже схваченную ледком кабанью дорогу, Санька развел костер, вытащил из патронов пыжи, высыпал в консервную банку свинцовую дробь и принялся разогревать ее на огне.

— Чего задумал? — поинтересовался Петрович, выбравшись из стога и отряхивавший с себя растительный мусор.

— Попытаюсь пули вылить. Кабаны мимо прут, может, выйдут на выстрел.

— Хорошая задумка, — поддержал его старик.

Больше часа пришлось ждать, когда расплавится дробь. Полученный свинец, скользкий, как ртуть, разделил на две части, вылил в ложки и остудил на льду. Получились две удлиненные дольки. Пришлось долго возиться с ними, придавая нужную форму подручными средствами. Наконец, довольный, вставил их в гильзы, наглухо забив пыжом.

— Голь на выдумки хитра, — одобрительно сказал Петрович, видя, как его умелый напарник зарядил двумя пулевыми патронами ружье.

— Не голь, а профессиональный слесарь, — с гордостью уточнил Санька.

— Эх, теперь бы только дождаться, чтобы вышли на верный выстрел.

Афанасий Петрович, лежа на боку, задумчиво шевеля губами, сгибал и разгибал пальцы. Наконец, убедившись в бессмысленности собственных расчетов, махнул рукой.

— Который день сегодня? — обратился он к товарищу.

— Не помню, сам уже со счета сбился, может шестой, может седьмой уже, — безразлично ответил Санька и поднялся.

Уже давно мучившийся желанием закурить, он ушел и молча бродил вдоль стога, что-то выбирая в сене. Набрал полную пригоршню сухих листьев, растер их в ладонях.

— Документы дай на минутку, — попросил он, вернувшись.

— Зачем?

— Глянуть надо.

Старик нехотя покопался во внутреннем кармане и протянул ему их. Сашка вытащил из охотничьего билета сложенную вчетверо путевку. Вернув обратно документы, на глазах удивленного Петровича, разорвал надвое лист и подал ему одну половинку.

— Ты, что наделал, — возмутился старик, — а вдруг инспекция.

— Сам же говорил, откуда ей здесь быть.

Из собранной растительной шелухи сделали самокрутки и довольные этой затеей закурили.

— Не самосад, конечно, но задиристо, — закашлявшись и, вытирая слезы, проговорил Петрович.

Весь оставшийся день Санька оставался у стога, с надеждой вслушиваясь в мертвую тишину. Вечером, не разжигая огня, пораньше отправил Петровича спать. Найду, привязанную к ружейному ремню, заставил его забрать с собой. Сам пристроился под скирдой, в том месте, где накануне проходили кабаны. Всю ночь терпеливо просидел Сашка в засаде, промерз до костей, но зверей так и не дождался. Вернулся к Петровичу, упал рядом и, прижавшись к нему спиной, попытался согреться.

— Ну что, Сань? — спросонья поинтересовался старик.

— Напрасно, зря только мерз, — пробурчал Санька и замолк.

Отлеживались долго, потом пошли разводить костер. Томительно долго тянулось время до вечера. Когда начало темнеть, Сашка достал рюкзак, порылся в нем.

— Все, что осталось, — тряхнув пустым коробком, добавил, — еще две последние спички.

Распалили костер и долго молча сидели.

— Все, завтра выходим. Двое суток уже без еды, ослабнем совсем. Ждать бесполезно. Тяжело, но надо пробиваться, иначе погибель.

Вечером подул пронизывающий ветер. Было невыносимо тоскливо, одиноко и голодно. Позвали к себе Найду, но она не появилась. Загасив огонь, охотники молча вернулись в свою «берлогу», забили наглухо вход сеном, улеглись, прижались друг к другу спинами, накрылись плащом и замолкли. Каждый мысленно представлял себе завтрашний ледовый поход.

Спали долго, чтобы набраться сил. Когда выбрались наружу, вокруг вновь стояло мертвое туманное безмолвие. Ночью приморозило, пушистый иней покрыл всю скирду и лед. Последними спичками развели огонь и не жалея сена, устроили огромное кострище, чтобы перед выходом хорошо прогреться. Санька наломал кусков льда и, растопил его в котелке, дождавшись, когда вскипит вода, бросил в нее пучок полыни. Мутный, отдающий сильной горечью напиток разлили по кружкам и, не спеша, небольшими глотками, выпили. Горячая вода согрела желудок и на время приглушила чувство голода.

— И за что на нас бог послал такие муки? — ворчал Петрович.

— Подфарники надо выключать, а не бога поминать, — съязвил ему в тон Санька.

Старик даже крикнул, но смолчал.

Стали готовиться к выходу. Лишние вещи бросили, взяли только самое необходимое. Петрович, обнаружив отсутствие Найды, долго звал ее — кричал, свистел. Затем пошел искать, но вскоре вернулся.

— На стог забралась, закопалась в сено и не показывается. Бойтся.

Спаниелька действительно вскоре показалась на стогу, однако, несмотря на уговоры, подойти не решалась.

— Санька, ты мою просьбу про направление не забыл? — уточнил старик.

— Помню, — и он движением руки показал предстоящий путь.

— Ну, с Богом!

Сашка сделал первые шаги вперед. Лед с хрустом проломился, расплескав вокруг мутную воду. Не спеша, продавливая своим весом лед, двинулись вперед. Найда, нерешительно, но все же пошла следом по льду, подбадриваемая словами хозяина.

Первые сотни метров, на удивление, идти было не трудно. Уровень воды поначалу был невысокий. Стараясь не набрать ее в сапоги, Сашка шел осторожно, выверяя каждый шаг. Вскоре скрылись в тумане контуры скирды, ставшей на несколько дней им спасительным приютом.

Спустя час начались понижения и Санька сразу же набрал полные сапоги воды, затем в двух местах проваливался в ямины почти по пояс. Далее лед впереди себя пришлось проламывать ударами приклада. Афанасий Петрович, время от времени подтягивая повыше голенища сапог и, поругиваясь, брел позади. Не легче приходилось и Найде. Ноги у нее постоянно расползались по скользкому льду и, скуля, она почти ползла по нему следом.

Прошел час, другой, третий. Ходьба превратилась в муку. Петрович начал выбиваться из сил. Он уже давно набрал полные сапоги ледяной воды и, теперь, они превратились в слишком тяжелый для него груз. Старик стал сильно уставать, чаще останавливаться, чтобы отдышаться. К тому же хромяя нога от напряжения и ледяной воды совсем перестала слушаться. Не лучше было состояние и у Саньки. Ноги так окоченели, что стали бесчувственными. Отчаянно ругаясь, он продолжал ломать и откидывать в разные стороны лед, прокладывая путь. Разбил в кровь руки, но продолжал медленно и упорно пробиваться вперед, понимая, что теперь у них двоих остается последняя надежда на его молодость, силу и выносливость.

Уже потеряли счет пройденного времени. Сильно стал беспокоить выбившийся из сил Афанасий Петрович, замедляя набранный темп хода. Наступил, наконец, критический момент, когда обессилевший старик, хватаясь руками за скользкие края пролома, повалился в воду. Санька бросился к нему, схватил его за грудки, рывком поднял и поставил на ноги.

— Держись, не расслабляйся дед.

— Все! Больше не могу, Саня, — прошептал он, — брось меня, не дойду я. Выбирайся сам. Ты молодой, у тебя жена, дети. Им никак нельзя без тебя. А я не жилец, отохотился.

— Дядя Афоня, перестань, — что есть силы заорал на него Санька и этот порыв сразу удвоил его силы, — запомни, я никогда не брошу тебя. Никогда! Или вместе дойдем, или останемся здесь.

Санька взвалил его на спину и, крепко ухватив руками, рванул вперед, с яростью ломая лед коленями ног. Через несколько сотен метров стал сам выбиваться из сил. Отдышавшись, шаг за шагом, продолжал упрямо двигаться дальше. Когда старик немного приходил в себя, Санька уговаривал и умолял его крепче держаться за лямки полупустого рюкзака на спине и почти волоком тащил его следом за собой. Опираясь рукой на стариковское ружье, продолжал ломать лед прикладом своей двустволки.

Двигались медленно, с черепашьей скоростью. Вскоре Санька стал замечать, что идти стало легче. Глубина воды резко уменьшилась. Теперь, не веря себе, он уже шел по льду, лишь продавливая хрустящую корку. От одной мысли, что скоро будет суша, становилось легче.

В одном месте, споткнулись и совсем обессилевшие упали. Санька кое-как поднялся на колени, пытаясь отдышаться и набраться сил. Петрович был совсем без чувств. В какой-то миг издали донесся непонятный звук, чем-то напоминающий звон колокола.

— Мерещится, наверное, — мелькнула мысль.

Но звук повторился, через минуту еще раз. В этот раз Сашка четко его расслышал. Это был металлический отзвук, когда бьют железом о железо. Звук спасения! Он чуть не закричал

от радости. Достал из внутреннего кармана два оставшихся патрона, зарядил ружье и с небольшими интервалами выстрелил. Прислушался. Стихнувшие на короткое время удары повторились и стали звучать с нарастающей частотой.

— Услышали, — закричал Санька, — услышали нас.

Он схватил и начал трясти старика. Тот пришел в себя, но, кажется, с трудом понимал смысл слов.

— Дошли, все-таки дошли, — продолжал он приводить его в чувство.

Впереди послышался хруст льда и донесли голоса людей. В тумане появились две идущие в их сторону фигуры.

— Здесь мы, — позвал из последних сил Сашка и стал махать им рукой.

Вскоре к ним подошли два парня-казаха.

— Ойбай, еле живые, — сказал один из них.

— Нашлись, ребята, молодцы, вышли, — присев рядом, радостно сказал рослый парень, — скажи, еще кто-нибудь есть там?

Сашка отрицательно покачал головой.

— Идти сможешь?

— Смогу. Старику помогите, он совсем без сил.

Ребята подхватили Петровича под руки и потащили вперед. Санька медленно поднялся, выпрямился, шагнул вперед. Перед глазами все поплыло, и он упал...

Проснулся в теплой кровати под байковым одеялом. Осмотрелся по сторонам и понял, что находится в чабанском доме. На кровати у противоположной стены лежал Афанасий Петрович. Рядом с ним на табуретке сидел старик в тубетейке и угощал его чаем из большой пиалы, оживленно что-то рассказывая.

Сашка попробовал приподняться, но застонал от боли. Оказывается, на руках у него не было живого места, а пальцы совсем не гнулись. В таком же состоянии были и ноги.

— Проснулся, жигит, — поднялся хозяин, — четыре часа спал.

Сашка наконец рассмотрел его. Это был крепкий рослый старик, с седыми усами. Чувствовалось, он был из той крепкой породы мужиков, прошедших фронт, огонь, воду и медные трубы.

— Мы тут с Афанасием уже познакомились, одногодки, оканчивается, — завел он сразу же разговор, — а тебя как звать?

— Санька.

— Александр, значит, — довольно сказал хозяин, — а меня Амантай звать. Сейчас мы с тобой чай будем пить и за жизнь говорить.

Старик ушел в кухню и Сашка сразу же обратился к Афанасию Петровичу.

— Как ты там?

— Сойдет, но застудился сильно, ломает всего.

— Меня тоже.

— Спасибо, сынок, вытащил ты меня с того света, — завел разговор Петрович.

— Не стоит, дядя Афоня. Жив, здоров и слава богу. Ты узнал, какое сегодня число?

— Амантай говорит, двадцать четвертое октября.

— Значит, мы целых восемь дней бедовали на култуке.

— Получается так.

— А Найда где?

— В сенях, наелась до отвала и спит. Лапы сбила до крови.

Держа в руках пиалу, появился хозяин и присел рядом на табуретку.

— Пей чай, — приближая к губам пиалку, заботливо сказал он, — он тебя согреет и силы даст.

Санька попытался перехватить посуду рукой, но старик остановил его.

— Руками и ногами не шевели, их гусиным жиром смазали. Пусть заживают. Я тебя сам напою.

После нескольких глотков горячего чая с молоком и маслом, Санька почувствовал, как оживает, а душа от внимания и участия наполняется теплом.

За разговорами и воспоминаниями, выпили еще несколько пиалок чаю. Афанасий Петрович, наконец, взмолился.

— Амантай, перекусить бы чего-нибудь, несколько дней не ели мы, желудок светло.

— Накормлю я вас, ребята, мясо варится, скоро готово будет, — пообещал он и ушел на кухню.

Вернулся с мясным бульоном. Когда осилили по чашке сурпы, даже в жар и пот бросило.

— Дай хоть кусочек хлеба, — не удержался Петрович.

— Афанасий, потерпи, — остановил его Амантай, — думаешь, еды мне жалко. Ты же на войне был, помнишь, что с солдатами после голодухи бывало. Поел от брюха и заворот кишок. До вечера потерпеть надо, пока желудок начнет работать.

Амантай, отвлекая их внимание от мыслей о еде, принялся рассказывать про моряну. В ту ночь, по его словам, на Каспии был сильный шторм и ураганом на всю приморскую равнину, включая Гогльский култук, нагнало большую воду, местами на десятки километров. У дома Амантая она остановилась в пятистах метрах. А вот западнее некоторые кыстау-зимовки подтопило. Пришлось спасать людей и скот. Особенно туго пришлось охотникам и рыбакам, задержавшимся на Гогльском на ночь. Выбирались они пешком, по пояс в холодной воде. Когда под утро вышли последние, они и подсказали, что на самом мысе, в синем «Москвиче», еще остались двое человек. Собрались ехать искать на лошадях, но вода замерзла. Военные спасатели попытались пробиться на вездеходе, но вернулись, попав в топкие солончаки. Вертолет использовать было тоже бессмысленно — все дни стоял густой туман. Тогда к зимовке привезли полную машину автомобильных и тракторных покрышек. Каждую ночь Амантай с сыновьями жгли их, надеясь, что на огонь могут выйти заблудившиеся люди. А еще каждый час, по очереди, они били по подвешенному на столб железному листу. Подобный «колокол» раньше местные жители успешно использовали во время стихийных бедствий. Помог он и в этот раз.

Под вечер устроили застолье. В этот раз к бульону добавили мелко нарезанное мясо, лук и был он необыкновенно вкусным. Да еще с ароматным свежее испеченным хлебом. Сразу после еды потянуло на сон. Однако спать долго не пришлось. Пришла машина с фельдшером и сразу стали готовиться к отъезду

в Гурьев. Тепло попрощались с гостеприимными хозяевами, пообещав приехать в гости как поправятся. Петрович оставил Амантаю ключи от машины, попросив его присмотреть за брошенным «Москвичом».

Утром они уже лежали в одной из палат городской больницы. У обоих были перебинтованы руки и ноги. Одинаковым был и диагноз: сильное переохлаждение организма, двустороннее воспаление легких и бронхит. Предстояло долгое и серьезное лечение.

— Знаешь, Петрович, какая польза нам осталась от охоты на Гог льском култуке? — спросил Санька.

— Никакой, кроме новых болячек, — отмахнулся он.

— Ошибаешься. Мы же курить бросили.

— А я лежу и думаю, чего это мне не хватает в жизни, — оживился старик — пятьдесят лет курил, а тут взял и по глупости бросил.

Вскоре стали приходиться счастливые родные и друзья. Афанасий Петрович и Сашка устали рассказывать о выпавших на их долю несчастьях и спасении. Когда гости ушли, они сразу же принялись обсуждать маршрут своей предстоящей поездки за зайцами по первому снегу. Охота по свежей пороше — тоже святое дело! Второе по счету, после уток и казары.

Туман

В середине октября похолодало. Несколько дней на Каспии свирепствовал шторм, а потом двое суток гуляла большая волна и стоял сырой туман. Рыбаки выходить в такую погоду на море не решались. Первым не выдержал Павел Бухтуев. Он привез на мотоцикле на причал мотор и начал готовить лодку к выезду.

Пашка работал на метеостанции, оклад был маленький и, как большинство местных жителей, он потихоньку браконьерничал, выставляя на взморье десятков сетей. Уловы были небольшие, но этого вполне хватало на пропитание семьи и даже на продажу заезжим горожанам.

У причала повстречался сосед Иван Алексеевич — по-

томственный рыбак. На море старик давно уже не выходил, хотя, по привычке, продолжал рыбачить на ближайших ериках и плесах, предпочитая ловлю карасей, окуней и щук. Вот и сейчас он подплыл на своей деревянной лодке, заглушил «Ветерок» и, кряхтя, вытащил на берег корзину с небольшим уловом.

— Ты куда это на ночь глядя, собрался? — поинтересовался он у Пашки.

— На море выскочу, сети не проверенные, а завтра гости — угостить нечем.

— Там же туманище, не видно ничего, заплутаешь ведь.

— Да ну тебя дед, — отмахнулся Пашка, — я же с завязанными глазами туда и обратно могу съездить.

— Не зарекайся, идя в море.

— Обойдется, час туда, час обратно, зато завтра с рыбой буду.

— Эх, зря ты делаешь это паря, — вздохнул старик.

Он было хотел рассказать историю про потерявшихся на море рыбаков, но Пашка уже оттолкнулся шестом с мелководья.

— погоди, Панька, — засуетился старый рыбак, — у меня тут бензину немного осталось.

Дед схватил канистру и побрел следом за ним.

— Не надо, у меня целых два бачка.

— Возьми, кому говорят, — дед решительно сунул канистру в носовой отсек лодки, — пригодится. С Богом, сынок!

Пашка завел мотор, лихо выехал через прокос тростников в залив и вскоре уже ехал вниз по пароходному руслу Урала. По реке гуляли большие темные волны. Над морем стояла белая стена тумана. С тревожным гоготанием поднялся и ушел в култуки табун диких гусей. Поскрипывая крыльями, пересекла путь пара лебедей.

Перед устьем он свернул вправо в малозаметный ерик и узкой проточкой, напрямик, через тростники, вскоре доехал до морского залива и вышел на его середину. Здесь у Пашки была своя «яма», надежно дававшая ему хорошие уловы и которую он держал в тайне от других рыбаков. Поэтому и рванул он сегодня в море, точно зная, что не будет лишних глаз, так как

остальные рыбаки и «пасущие» их инспекторы отсиживаются в теплых домах.

Отыскав притопленную связку сетей, заглушил мотор и, ухватившись за капроновый шнур, приступил к проверке снастей. Поймалось с десятков сазанов, но часть из них были уже тухлыми, пришлось выбросить. В одной из последних сетей с крупной ячейей попался осетр. Здоровенная рыбина перекрутила всю снасть и Пашка провозился целых полчаса, выпутывая ее. Однако уловом был доволен. Будет завтра чем угостить гостей и выгодно торгануть, так как во всем поселке теперь не найдешь ни одного «хвоста» на продажу.

Закончив проверку сетей, Пашка еще раз прошелся вдоль всей связки, поправляя путаные места, затем перекидал пойманную рыбу в люк носового отсека и, вытерев насухо оконеченные руки, достал сигарету и закурил. Только сейчас он заметил, что уже смеркалось, а с моря нагнало туман, сквозь который не было видно ни луны, ни звезд, ни ближайших тростников.

Передохнув, завел мотор и, сильно газанув, уверенно направил лодку в угол залива, где должен быть вход в ерик. Однако вскоре уткнулся в стену тростника. Осмотрелся. Кромка тростников в темноте и тумане казалась смутной полоской — ни одного приметного ориентира. Не придавая этому особого значения, проехал еще минут десять и, заехав в первую же попавшуюся протоку, погнал лодку вперед. Дважды на излучинах врезался в камыш, мотор глох, но уверенный в себе, Пашка продолжал путь. Главное на море — держать правильное направление. А то, что он идет к поселку — сомнений у него не было.

Судя по времени, он должен был уже выехать на Урал, но ерик казался нескончаемым. Наконец перестал мелькать с боков тростник и лодка, рассекая встречные волны, кажется, вышла на большую воду. Это должно было быть судоходное русло Урала. Пашка круто развернул «Казанку» влево и быстро пошел вверх. Ехал долго, наверное, целый час. Уже давно должен был показаться справа поселок. Сбавив ход, он приподнялся, пытаясь разглядеть береговые огни. Ничего не было видно. Проехал еще километра два и заглушил мотор. Кругом

непроницаемая темень. Прислушался, пытаюсь на слух уловить лай собак, по которому всегда легко узнавалась близость дома. Тихо. Лишь волны гулко хлещут о дюралевые бока лодки.

Завел мотор и, в поисках берега, направил лодку вправо, проехав с километр. Затем еще с полчаса гнал ее как бешеную вверх. Остановился. Долго глядывался и вслушивался, но ни одной стоящей приметы вокруг. Даже луны не видно. Обратил внимание и на то, что уже давно не попадались тростники. В раздумье закурил, засунув совсем озябшие руки подмышки, чтобы хоть как-то отогреть их.

— Заблудился, — дошло наконец до его сознания, — сильно заблудился, вглубь моря ушел. Мысленно стал восстанавливать свой прежний путь от самого залива. Начал понимать, что, попав в какой-то ерик, скорее всего по нему ушел слишком далеко в сторону Каспия. Есть там такие хитрые протоки с загогулинами, которые, покружив по затопленным тростникам, выходят обратно на море. Зная их, рыбаки иногда уходят от преследования инспекции, умышленно запутав следы в этих лабиринтах. Вот почему показалось, что так долго шел до Урала.

— Накаркал старый пень, — вспомнив Ивана Алексеевича, выругался Пашка. Потом, припомнив его слова, все же решил, что прав был старик. Ох, как прав! Не надо было столь самоуверенно выходить в море, да еще в туман. Припомнились и многочисленные рассказы и легенды, рассказанные этим бывалым дедом о рыбаках, потерявшихся в море. Пашка чаще всего воспринимал их за небылицы, придуманные им самим. Особенно такие, как водяной черт водит порой сознанием одиноких рыбаков, уводя их на верную погибель вглубь моря. Только вот сейчас ощутил он себя в роли такого рыбака.

Долго прикидывал, далеко ли ушел он в море. Приподнял бак — почти пустой, бензин чуть плескается на самом дне. Значит, сжег уже двадцать пять литров. Наверное, оторвался от берега на двадцать-тридцать километров. Потом припомнил, с какой стороны дул ветер во время проверки сетей. Оказывается, с юга, с самого моря. Теперь, чтобы выйти к берегу, надо обязательно придерживаться направления дующего ветра. Хоть какая-то надежда на спасение. Если, конечно, за эти часы он не сменился.

Выкурив подряд две сигареты, отогрев руки, сменил бак с бензином. Чувствуя, что его уже давно пробирает холод, достал из багажника и натянул на себя прорезиненный рыбацкий плащ с башлыком, отыскал в бардачке пару тряпичных рукавиц. Завел мотор и, развернув лодку так, чтобы ветер дул в спину, газуя и постепенно увеличивая обороты, рванул вперед.

— Ну, родной, не подведи, — прислушиваясь к работе «Вихря», сказал Пашка, — теперь, лишь бы бензину хватило.

Выжимая из мотора все возможное, больше часа гнал он «Казанку» вперед, лишь время от времени сверяя направление по дующему с моря ветру. Когда, наконец, мелькнули в темноте первые куртинки надводных тростников, Пашка чуть не запел от радости. Затем, как миражи, стали проплывать стороной уже большие «острова» тростника.

— Все правильно, скоро должен быть коренной берег, — сбавляя скорость, радовался он, что верно выбрал направление.

И вдруг все разом померкло в глазах. Глухой удар, рев мотора и темнота. Пашка, отброшенный с большой силой вперед, ударился в переборку носовой части, отлетел в сторону и стукнулся головой о борт.

Когда очнулся, долго не мог понять, что произошло. В голове шумело, а в глазах все плыло как после сильного сотрясения. Откинувшись спиной на борт, попытался приподняться, но тотчас взвыл от боли в левой руке и боку.

— Руку сломал, — дошло до него, — и, кажется, ребра.

Ощупал себя правой рукой и убедился в верности предположения. Она висела как плеть. Попробовал пошевелить пальцами и заскрежетал зубами от резанувшей боли. Разбитой в кровь оказалась левая сторона лица и бровь.

Насколько смог, осмотрелся по сторонам, чтобы хоть что-то понять, что произошло. Стало ясно, что врезался в сплаvinу, которую не успел заметить в темноте. Каким-то чудом лодка не перевернулась, и он сам не выпал за борт. Мотор на месте, возможно, его захлестнуло волной при ударе. Еще почувствовал, что сильно воняет бензином. Пригляделся — бачок лежит на боку. Пододвинулся ближе, установил его в нормальное положение. Оказывается, больше половины бензина вытекло. Еще одна неприятность от столкновения.

Усевшись удобнее, стал оценивать случившееся. Ситуация, конечно, критическая, но не смертельная. Судя по тому, что он уже вошел в полосу надводных тростников и сплави́н, где-то правее должен быть берег. Но сколько до него — пять или десять километров — сказать трудно. Есть надежда, что утром его начнут искать рыбаки и обязательно найдут. Лучше, конечно, добраться как-нибудь самому. Из-за упрямства, Пашка не любил демонстрировать перед другими свою слабость или беспомощность.

Скоро должно уже начать светать. Хорошо, что море не штормит. Правда, очень сыро и холодно. Стараясь не двигаться, чтобы не причинять себе боль, достал сигарету, зажигалку, закурил. Сразу полегчало.

Так продолжалось долго. Павел на время забывался, но каждый раз просыпался от ноющей боли в руке и боку, которая временами пронизывала его всего. Слегка изменив положение затекшего от неподвижности тела, вновь перекуривал, пытался дремать.

Когда начало светать, похолодало, появился иней. Рыбацкий плащ, одетый на меховую куртку, хотя и создавал некоторую теплоизоляцию, но уже не грел. Особенно мерзли ноги в резиновых сапогах.

Нужен был огонь, хотя бы небольшой согревающий душу костерок. Осмотревшись, Павел отыскал ковши́к, которым пользовался, вычерпывая из лодки накопившуюся воду. Достал первый бачок, в котором были остатки бензина. Слил их в ковш, чиркнул зажигалкой и вспыхнуло яркое, как факел, пламя.

Так, время от времени, подливая маленькими порциями бензин, пытался греться. Наконец рассвело. Над морем висел туман, но уже не такой густой, каким он был вчера. Начали летать чайки.

Пашка с трудом поднялся и осмотрелся. Ночное крушение было действительно сильным. Лодка на скорости перелетела через край сплави́ны и теперь стояла в воде среди тростника с ее обратной стороны. Каким-то чудом при ударе не сорвало мотор.

Перебравшись на заднее сиденье, осмотрел мотор. Кажется, все было на месте. Приладив шланг к полупустому бачку,

подкачал ручной помпой бензин. Достал шест измерил глубину — было более четырех метров. Значит, до берега еще далеко. С большим трудом оттолкнул лодку от сплавины.

Теперь самое главное, трудное и очень болезненное — завести мотор. С его переломами сделать это будет очень сложно. Павел приладил на диск заводной шнур, потянул его, но дернуть с силой не смог. От пронзившей его боли перехватило дыхание. Упершись в борт, долго приходил в себя. Больше часа, испытал адские муки, Пашка пытался оживить «Вихрь». Несколько раз он начинал тарахтеть, но не удавалось вовремя схватить ручку газа. Во время одной из попыток, наконец, удалось удачно дернуть шнур. Повалившись на сиденье, все же ухватил ручку и дал газу. Мотор и Пашка взревели одновременно. Такой боли и радости он еще никогда не испытывал. Лодка рванула вперед и, скрипя зубами, он направил ее на чистую воду. Кое-как примостившись на сиденье, поехал в глубь тростниковой кромки. Километров через пять болезненные ощущения стали утихать и Пашка, к своей радости, наконец, увидел песчаный островок с таловыми кустами — признак близости уральского устья. Проехал еще с десятков километров и чуть не запел от счастья. Показался знакомый остров с тальниками и остатками рыбацкого стана. С него взлетела царственно белая и грациозная цапля.

— Живем, — не верил своим глазам Пашка. Это было просто чудо, что он интуитивно вышел в нужное место.

Въехав в устье Урала, почувствовал упругое встречное движение реки, а лодка сразу пошла веселее. Правда, каждый удар о волну, отдавался болью в каждой клеточке тела. Но теперь Пашка был готов вытерпеть любую боль — до дому оставалось всего лишь два десятка километров.

Однако через пять километров радость сменилась тревогой. Мотор начал работать с перебоями, а затем, глухо чихнув, заглох.

— Ну почему мне так не везет? — чуть не закричал в отчаянии Пашка. Он достал последнюю сигарету, в сердцах отшвырнув в речные волны скомканную пачку. Закурил. И вдруг вспомнил Ивана Алексеевича — замечательного старика, силком затолкавшего ему в лодку канистру. Не веря себе, добрался на коленях до носового отсека, кое-как открыл туго закры-

тую крышку люка и вытащил зеленую канистру. И была она совсем не с остатками бензина, а наполовину наполненная им.

— Какой все-таки молодец дед, — не мог нарадоваться Пашка, — как будто чувствовал беду.

Осторожно перелив в бак бензин, уже не обращая внимания на боль, Пашка рванул заводной шнур. Мотор завелся с первого раза.

Дальше Пашка не ехал, а летел, чуть не проскочив мимо нужного свертка. Лодка, одолев последние метры прокоса, наконец, уткнулась в отмель причала. Пашка, обхватив рукой крышку мотора, устало уткнулся в него.

— Панька, живой, — раздался крик. Из-за кустов торопливо появился Иван Алексеевич с каким-то мешком на плече.

— Живой, деда, живой, спасибо тебе, век не забуду — поднимая голову, произнес Павел, не зная, обнять или расцеловать его в первую очередь.

— Эх, и досталось тебе, паря, вижу я, как после рукопашной, — подтягивая лодку к сухой кромке берега и внимательно рассматривая разбитое лицо Пашки, сказал старик. — Ехать тебя искать собрались, рыбаки сейчас бензин должны подвезти.

Вскоре у причала собрался народ. Павла перетащили и усадили в машину. Он крепился, всем своим видом стараясь не демонстрировать перед мужиками мучившую его боль. Позвал и усадил рядом с собой Ивана Алексеевича.

— Дед, про водяного черта теперь скажи, это правда или выдумал ты, — вполголоса спросил он его, когда поехали к дому.

— Не знаю, Пань, так старые люди сказывали мне, а уж сообразить они не могли, — уклончиво ответил дед, — а ты, что неужели повидался с ним?

— Кажется, да!?

— То-то и оно, Паша. Пока сам на себе этого не испытываешь, не поверишь. Не на море, а в себе этого черта искать надо. От него все беды.

— Правду говоришь, я понял все, — только теперь окончательно дошел до Павла весь короткий, но очень глубокий смысл рассказов и легенд мудрого уральского деда.

Хаврошка

Уже поздним вечером мы подплывали к бревенчатому домику бакенщика Александра Петровича. Багровый солнечный шар давно опустился за пустынные увалы. На волнах гасли последние всполохи, а на тенистых излучинах неярко замигали бакены.

Наконец катер ткнулся в берег рядом с лодкой Петровича, только что вернувшегося с объезда. Поздоровались.

— А я вас давненько приметил, — прислонив весло к обрыву, сказал Петрович, — гул мотора-то слышу, — нездешний. Ну проходите, веселее будет, а то я последние деньки один как неприкаянный. Бабка-то моя в деревню уехала да загостилась долго.

Пока мы разгружали свой нехитрый экспедиционный скарб, задымила печка под навесом и гостеприимный бакенщик готовился угостить нас своей изысканной ухой из щук.

Вскоре все собрались у костра. Вечер был тихий и теплый. Из зайсанской пустыни дул напоенный полынью и солнцем ветерок. Из-за раскидистых осокорей поднималась луна, и было слышно, как на иртышских перекатах плавилась рыба.

В разговорах о житье-бытье между делом коснулись небольшого хозяйства Петровича, так он лишь махнул рукой.

— Одно название, что хозяйство-то, а поглядеть — убыток суший. Видать, бог мне от роду хозяйской жилки не дал. Не ведется у меня ничего. Сами посудите. Поначалу, как поселился здесь, яманы куда-то потерялись, с концом, значит. Года два тому волки телку задрали, а прошлой осенью, перед зазимками уже, кабаны Хаврошку увели. Откуда думаете? Да прямо вот с этого двора...

— Какую Хаврошку-то? — заинтересовались мы, ожидая очередной интересной истории из жизни Петровича.

— Какую, какую... Нашу, понятно. Так и было дело, увели со двора, будь им сто раз неладно.

Мы примолкли, ничего толком не поняв. Петрович же, видя всеобщее к себе внимание, приладив на колене выгоревшую до белизны форменную фуражку, повздыхал и продолжил:

— Хаврошкой-то мы свинью называли. Породистая, одна-

ко, она на редкость была, справная, с норовом только. Дело, понятно, хозяйское, приплода от нее ждали, дак повадился по осени к нашему двору кабан дикий. Целыми днями, бывало, шастает поблизости, посматривает и землю роет. Видать, думаю я, Хавронья ему приглянулась. Ну вот, значит, пока я раздумывал на этот счет, кабан успел уже ее сосватать. Выглянул я раз в окошко и ахнул. Стоит этот чертыка лохматый и Хаврошку обнюхивает. Любезничает, значит. Тут мое сердце не выдержало. Схватил палку — во двор. Куда там, опоздал. Кабан, видать, слышал меня и скрылся в камышах. А Хаврошка хвост крючком и — следом за ним. Свинство настоящее! С тех пор зол на весь кабаний род, особенно на того ирода, что Хаврошку соблазнил.

— Где же она сейчас? — полюбопытствовали мы.

— Да тут с ней еще целая история была, — уже совсем заинтриговал нас бакенщик. — Осенью той холодов я ждал. Шкура-то у Хавроньи не овчинная. Померзнет, думаю, и придет сама, тогда и ответит за все. И вправду приходила, по первым снегам. Но к дому боялась что-то приближаться. Ходит, бывало, недалече, землю роет, поросячью гордость свою показывает. Мы ее и уговорами, и ласками, и угощеньями пытались домой заманить. А она лишь завидит нас — и в камыш. Потом совсем с кабанам в камыши ушла.

Всю зиму я ее не видел. Весной как-то корову ходил искать далеко от дома вниз по речке ушел. Слышу — в одном месте в заламах возня и повизгивание. Подкрался, ветки раздвигаю, а там Хаврошка лежит, жива-здоровая. И возле нее поросят-сосунков восемь штук. Ох и обрадовался я тогда! Ну, думаю, и старуху обрадую, когда все это семейство в ограду загоню. С этими мыслями хворостину выломил покрепче и туда. Хотел ведь, чтоб все по-доброму было. Руки поднять не успел ... Что было, страшно сказать. Хавронья-то, которую вырастил и выкормил, диким зверем кинулась на меня. В момент, значит, с ног сшибла, исполосатила штанину и дождевик, да самого, слава, богу, еще не покалечила. Насилу ноги я тогда унес.

А летом Хаврошка сама поросят домой привела. Забегает раз бабка, в слезах вся. «Беги, — кричит, — старый, огород спасай». Я по-быстрому туда. И что же вы думаете! Хавронья с

поросятами всю картошку перепахала и с дынями уже управ-
ляется. Я за ней, а она, завидев меня, плетень повалила — и в
камыш... Вот такие дела, выкормили, значит, на свою голову.

Года через два мы вновь навестили Александра Петровича.
Разговорились. Припомнили случай с пропавшей Хаврошкой.

— Жива-здорова, — махнул рукой Петрович, совсем недав-
но, говорят, чабаны видели с поросятами. Кабаний род весь
перепортила уже. Вы лучше гляньте вон на ту оказию, — у яс-
треба только что еле отбил. Покушения сплошные.

Неожиданно Петрович нахмурился и по-стариковски топ-
нул ногой.

— Хаврёнок, ядрена корень! Опять порог подрываешь.
Ей-богу, очередной убыток растёт!

У крыльца стоял поросенок и, подняв измаранный пяточок,
смотрел на хозяина невинными глазками.

Страшная дорожка

Наверное, у каждого человека на всю жизнь, как святое, в
памяти остаются родные места, где родился и провел детские
годы. Они всегда в воспоминаниях самые светлые, красивые и
неповторимые. Думаю, именно в этом и заключается понятие
маленькой Родины.

В моей памяти, среди солнечных картинок детства, всегда
всплывает маленькая алтайская деревушка Усть-Белая, при-
ютившаяся на берегах речки Белой, берущей свои истоки на
Тигирецком белке и впадающей в Чарыш. Все детские годы и
все самые яркие впечатления были связаны именно с этой ре-
кой, поэтому, закрывая глаза, всегда мысленно представляю
ее примечательные места и их названия: Страшн я дорожка,
Перемой, Нижний и Верхний Брод, Егоркин камень, Плита,
Каменоломня, Вятская протока, Галичье, Форпост...

Среди них многое связано с Егоркиным камнем. Этот огром-
ный гранитный валун посередине реки был для деревенской
ребятни самым любимым местом купания, когда наступала
теплая летняя пора. Здесь мы постигали первые азы плавания.

Напротив него к реке обрывалась гора с загадочным назва-

нием Каменоломня. В давние, еще царские времена, отсюда вырубали каменные плиты и вывозили их на подводах в столичные города для строительства дворцов. Две таких прямоугольных плиты по сей день сохранились у подножия Каменоломни и по ним мы изучали секреты старых мастеров. Оказывается, через определенные расстояния на камне просверливались глубокие отверстия, которые зимой заполняли водой. В сильные морозы она замерзала и через камень в нужном направлении от одного к другому отверстию пролегла трещина. Удивительно, но таким способом плитам придавались исключительно точные геометрические формы.

Под самой вершиной Каменоломни заманчиво темнеет полупещера. Сюда, осваивая навыки скалолазания и, несмотря на запреты старших, мы все же поднимались, цепляясь за трещины и, рискуя свернуть шею. Особенно нас влекли надписи, выбитые на гранитных стенках. Среди них я отыскал инициалы отца. Сразу же после первого класса, когда освоил алфавит, притащив молоток и зубило, выбил прямо под отцовскими, свои инициалы. Так делали все мои друзья, и мы особенно гордились этим.

Другим местом в горах вблизи деревни, которое нас постоянно притягивало своей таинственностью и легендами, были заброшенные демидовские рудники в местечке, называемом «Часовенка». Родители строго настроено запрещали нам туда ходить, пугая ядовитыми змеями. Мы все же совершили тайный поход и отыскали на горном склоне полуобвалившиеся штольни и выработки горных пород. Страшных змей там не нашли, но каждый принес массу впечатлений и полные карманы разноцветных камней, среди которых особенно запомнились зеленые, которые местные жители называли яшмой.

Самым загадочным для меня оставалось название «Форпост» — широкое луговое побережье реки значительно выше деревни. Сколько я ни пытался узнать у взрослых, никто так и не сумел мне объяснить значение этого слова. Лишь позднее, став уже взрослым, я вычитал в книгах, что в девятнадцатом веке в этих местах проходила знаменитая Чарышская казачья линия, а форпостами называли небольшие укрепленные посты.

Река Белая в шестидесятые годы славилась рыбой, особенно тайменями. Мне запомнился случай, когда один из местных жителей на спиннинг выловил огромную нельму — мы бежали на нее смотреть и, по сравнению с пескарями, она казалась нам акулой.

На реке в те годы практиковалась добыча рыбы «заездками» или «покатняками», которые позднее были признаны браконьерскими орудиями лова. Мелководные участки реки перегораживались «зелинами» — щитами, сплетенными из длинных прутьев зеленого ивняка. Они, как крылья, сходились в центре реки. Вся рыба, идущая вниз, через небольшой покат, попадала в большой ящик, сплетенный из таких прутьев или же сооруженный из металлических сеток, применяемых на веялках зернотоков. Сознаюсь, что, даже будучи детьми, мы уже тогда понимали, что рыбу ловить так нельзя, поэтому иногда совершали партизанские набеги на куркулевские заездки и разрушали их.

Обычно же жители ловили рыбу переметами, неводами или «мордушками», искусно сплетенными из ивовых прутьев или проволоки. Мы же, мальчишки, предпочитали рыбалку обычными удочками на червя и целыми днями не вылезали с реки. Чаще всего нашей добычей были чебаки и пескари, самых крупных из которых называли «багрышевскими». Реже попадались окуни и лини, но самой памятной моей детской поимкой был здоровенный и скользкий налим, которого я с трудом вытащил на берег при помощи своего товарища.

В некоторые дни мы собирались ватагой под предводительством старших ребят и отправлялись на ловлю хариусов. Это была наиболее увлекательная и запоминающаяся рыбалка. К ней готовились самые длинные и гибкие таловые удилица с длинной леской и особыми крючками с «мушками» из ярких перьев петухов, обмотанных цветными нитками. На плечи вешали холщовые сумки для улова и отправлялись вниз по реке. Самыми уловистыми местами считались перекаты с хорошей шиверой и тенистые прижимы у скал с быстрым течением. Рыбалка на хариуса у нас обычно продолжалась в течение всего дня и нередко мы уходили до десятка километров вниз по реке. Рыбалка на хариуса для меня так и осталась по сей

день самой любимой, и за особенную утонченность я считаю ее наиболее поэтическим занятием рыбаков.

Иногда уходили гурьбой с ночевкой на Чарыш, где на глубоких протоках бреднями ловили окуней и щук, варили уху и ночевали в шалашах. В один из таких походов мы возвращались домой по полевой дороге, огибающей Воструху — самую высокую гору в нашей местности. Часть ребят, в том числе и я, приняли решение идти напрямик через гору. Такой путь всем казался самым коротким. Остальные же отправились кружной дорогой. Штурм горы и спуск с нее продолжался весь день. Домой добрались только под вечер, обессиленные и голодные. Каково же было наше удивление, когда мы узнали, что остальные ребята вернулись еще в полдень. Эта история позволила с детства усвоить одну важнейшую истину: не всякая прямая является самой короткой.

Но особенно памятной для меня осталась поездка с отцом на Чарыш. Мне тогда еще не исполнилось и десяти лет. Как помню, отца забирали на полугодичную переподготовку в армию. В предпоследний день до своего отъезда, он запряг коня и усадил меня в телегу. Не спеша мы обогнули Воструху и в полдень спустились к Чарышу. Остановились на берегу, и отец предложил искупаться. Я с завистью смотрел как он «в размахку» легко и быстро переплыл реку на противоположный берег и вернулся обратно.

— Теперь, твоя очередь, — неожиданно сказал он.

— Боязно, — замялся я.

— А ты не бойся, большой уже. Я буду стоять на повороте и следить. А ты заходи и смело плыви. Если что, помогу.

Такое предложение было для меня полной неожиданностью. Честно говоря, я хотя и умел уже плавать на небольшие дистанции, однако переплыть бурный и быстрый Чарыш для меня было просто страшно. Отказаться и показать «труса» перед отцом я тоже решительно не хотел. Дождавшись, когда он ушел вниз до излучины, я забрел по поясу на самую стремнину.

— Плыви, — крикнул издалека отец.

Я бросился в холодный поток и, задыхаясь от волнения, поплыл, вкладывая в каждый взмах всю силу и чувствуя тугую чарышскую волну.

— Молодец, — услышал я крик, когда стал выбираться на другой берег.

Я готов был орать от радости, что смог одолеть эту реку. Обрато я уже не плыл, а летел на крыльях по волнам Чарыша.

Отцу я благодарен и за другое. Он был большим почитателем лошадей, слыл хорошим наездником и с малых лет часто возил меня в седле. Я рано привык к лошадям и хорошо держался в седле, крепко вцепившись в металлическую луку. Это мне спасло жизнь. Однажды, оставив меня на коне, отец забежал в дом, чтобы взять какие-то вещи. Выскочившая из ограды собака напугала жеребца и его, что называется, «понесло». Он помчался галопом по деревне и лишь спустя некоторое время его с трудом остановили в переулке, перекрыв путь арканами. Меня же, перепуганного насмерть, с трудом оторвали от седла и еле разжали руки, насмерть вцепившиеся в луку...

Из всех же мест моего детства самое знаковое — Страшн я дорожка. Она запечатлелась в памяти особенно четко и навсегда. Как символ какой-то.

Произносилось это слово — «страшн я» как-то по-особому, на местный лад, с ударением на последнюю букву «а», придавая этим названию таинственность и некоторую зловещность. И вот почему.

Деревня наша была разделена рекой на две части. Левобережная сторона, где я жил, была расположена в низкой ее половине, временами затапливаемой весенним половодьем. Правобережье, называемое «зар чкой», находилось на высоких увалах. Там была центральная часть деревни с клубом, школой, магазинами, конторой и молоканкой. Поэтому в школу приходилось ходить пешком за три километра, перебираясь через реку по хилому мостику, который время от времени разрушало паводком. Чаще школьников перевозили в кузове грузовой машины или тракторной телеги, поэтому каждый раз нам приходилось поджидать попутного транспорта. Когда было тепло, а на речке падал уровень воды, ходили мы через нее вброд, раздевшись и взявшись за руки по несколько человек. Место для брода все знали с малых лет — знаменитая

«шивера» — перекат из крупных камней. Далее мы шли через рощу с вековыми тополями и ивами, высокими, как корабельный лес. Перебравшись через мелководную проточку «Перемой», поднимались на косогор и оказывались у ворот школы — большого дома, срубленного мастерами из лиственничного леса, с деревянными узорами на ставнях и крыльце.

Этот маршрут в школу и обратно с неизбежными переправами на речке был привычным для нас. Так из поколения в поколение ходили в школу все деревенские ребяташки, включая наших родителей.

Самое сложное и страшное время для школьников и их родителей наступало весной, после ледохода и половодья на Белой. В это время река показывала весь свой неукротимый горный нрав, сметая все на пути, в том числе и все временные мостики.

В школу нам приходилось ходить кружным путем за пять-шесть километров. Этот путь был для нас, ребяташек, настоящим испытанием. Рано утром со всех концов деревни мы шли вниз по реке к «лавам» — подвесному мосту необычной конструкции. На возвышенном участке левого берега из системы мощных бревен были сооружены «быки», похожие на гигантскую артиллерийскую батарею, которые, для надежности, крепились растянутыми в разные стороны толстыми тросами. Между «быками» и противоположным берегом на расстоянии пятисот метров над рекой был построен навесной мост, державшийся также на тросах, намертво крепившихся с другой стороны в скалах отвесного утеса. Ходить приходилось по шатающемуся настилу из досок, крепко цепляясь за боковые тросы, отполированные руками до белизны. Переходить через реку по такому раскачивающемуся, прогибающемуся, скрипящему сооружению занятие не для слабонервных, тем более для учеников младших классов школы. Однако все быстро привыкали и молча, сжимая зубы, с замиранием сердца, каждый раз ступали на эти «лавы». Я не помню, чтобы среди наших мальчишек и девчонок были истерики по этому поводу. Все принималось как должное и неизбежное. Показать страх перед своими сверстниками и друзьями считалось величайшим позором. И мы ходили гурьбой по этим «лавам» одни, без

сопровождения взрослых, подавляя в себе врожденное чувство страха. Я никогда не вспоминал эти «лавы» с ужасом, я даже благодарен тому, что с детства познал их, ибо дальнейшая жизнь у каждого из нас зачастую бывает похожей на этот мост, который нужно каждый день преодолевать.

С этими «лавами» была связана история, особенно памятная в нашей семье. Отец в начале шестидесятых годов работал экспедитором — доставлял из райцентра в совхоз и обратно деньги и служебную документацию. Однажды весной, вернувшись домой, не задерживаясь, он отправился в контору, чтобы отчитаться и сдать привезенную большую сумму денег в бухгалтерию. На реке шумело половодье. Начался дождь с порывистым ветром и «лавы» раскачивало как качели. Народ, собравшийся у моста, переживал непогоду. Отец, не желая терять времени, все же пошел по ним на другой берег, хотя его и уговаривали не делать этого. По злому стечению обстоятельств на полпути ремень тяжелой экспедиторской сумки, висевшей у него через плечо, оборвался и, она, на глазах у множества людей, упала в бурный речной поток. Отец потом никогда не рассказывал, что пережил в те роковые минуты и в последующие дни. От тюрьмы его спас счастливый случай. Когда паводок спал, были тщательно обследованы берега реки на всем ее протяжении до Чарыша и эта злополучная сумка, к величайшему удивлению, была обнаружена. Все деньги и документы, хотя и размокшие, оказались на месте, а отец был оправдан.

Сразу же после «лав» испытания наши продолжались. Дальше начиналась Страшн я дорожка. Отвесный скальный склон горы в середине опоясывала узкая тропинка, пробитая взрывами динамита в гранитной породе. Дорожка эта была шириной всего лишь два-три метра и тянулась около километра. Особенно опасными были первые пятьсот метров, преодолевая которые, мы осторожно шли, прижимаясь к скальной стенке, особенно там, где появлялся легкий уклон и ноги скользили на гранитной крошке. Подходить к внешнему краю дорожки всегда боялись. Просто страшно становилось от этой близости пропасти, внизу которой шумела река.

Каждый день мы дважды пересекали навесной мост и Страшн ю дорожку. До тех пор, пока на реке не падал уровень

воды и не налаживалось движение транспорта через Верхний брод.

Не знаю почему, но именно Страшн я дорожка настолько сильно и ярко запечатлелась в моей памяти, что на протяжении последующих десяти-пятнадцати лет она часто снилась мне. Сны были примерно одинаковыми и страшными. Иду по этой дорожке и в ее самом узком месте, на скользком повороте, срываюсь и начинаю медленно падать вниз, цепляясь за уступы камней. Пока был школьником, просыпался от собственного крика. Бабушка, узнав причину моих криков, успокоила:

— Это хороший сон, падаешь — значит растешь!

Насколько сейчас помню, продолжала мне сниться Страшн я дорожка и после двадцати лет. И опять же с замедленными падениями с обрыва. Правда, в последующие годы, она перестала сниться, хотя вспоминается часто.

Солнышкин дом

Стёпка — восьмилетний сын егеря, был неисправимым фантазером. За две недели, пока я жил в егерском доме на берегу реки, такого количества вопросов и необылиц в своей жизни я еще не слышал. Своим детским пытливым умом он ставил окружающим вопросы и сам же пытался найти на них ответы, порой настолько оригинальные, до чего не смог бы додуматься взрослый человек. Его тяга к познанию окружающего мира поражала меня.

Этим утром я умывался у крыльца. Вернулся Стёпка — с кнутом на плече и в кепке набекрень. Мать отправляла его отогнать на выгон корову с телятами.

— А ты знаешь, где солнышко ночует? — загадочно спросил он меня.

Я задумался, напрягая память и пытаюсь мысленно составить вразумительный ответ.

— Вижу, не знаешь, — жмурясь и морща обгорелый нос, довольно сказал он. — Хочешь, покажу?

— Покажи.

— Ладно, но только завтра утром.

В этот день мы плавали со Стёпкой на лодке по реке и остановились на одном из больших островов. Пока я занимался подсчетом живущих на нем птиц, прибежавший Стёпка сообщил, что нашел много гнезд «трещёток». Пошли посмотреть. Оказалось, в густом черемошнике находилась большая и шумная колония дроздов-рябинников, у которых из гнезд уже вылетали птенцы. Стёпка украдкой подобрал одного из них и спрятал в руке за спиной.

— Хочешь три щенёнка? — спросил он загадочно меня.

— Ну, зачем же мне три щенёнка? — отмахнулся я.

— А вот и не угадал, — показал он мне короткохвостого птенца дрозда, — я же сказал: «трещенёнка» — мы так пацанов в школе разыгрываем и на догадливость проверяем.

В полдень в одном из глухих затонов мы порыбачили и наловили на уху больше десятка окуней. После этого поплыли и остановились на большой песчаной косе. Пока я купался, Стёпка принес с десятка речных голышей, разложил их на песке по величине и цвету.

— Зачем столько набрал? — поинтересовался я.

— Да я вот уже давно хотел проверить, как быстро растут мелкие камни.

— Разве они растут? — сильно удивился я.

— Ну, конечно же, — пораженный моей наивностью сказал Стёпка. — В природе все растет и камни тоже.

— А из чего же они растут?

— Какой ты недогадливый, смотри же, — он взял полную горсть песка и показал мне, — вот из него и растут. Как растения из семян.

Я стоял в недоумении и смотрел на разноцветные камни.

— У нас в огороде есть большой камень, — продолжал мальчишка, — а я в прошлом году установил около него метку. Все лето ходил и проверял.

— И какой же результат?

— Знаешь, растет, но очень и очень медленно. Наверное, уже старый совсем. Теперь хочу проверить на маленьких камнях, они, наверное, будут расти быстрее.

Вернулись домой вечером. Вытащили лодку на берег и со-

брали вещи. Солнце уже садилось за горизонт. Стёпка, наблюдавший за закатом, задержал меня и поинтересовался.

— Слушай, я что-то не пойму. Почему солнце садится вот за этой горой, а восходит из-за другой?

— Стёпка, ты же знаешь, земля круглая и вращается вокруг солнца в определенном направлении вокруг своей оси, — принялся я объяснять ему известные мне истины.

Стёпка молча выслушал, явно не соглашаясь с некоторыми положениями.

— Тогда мне скажи, раз она круглая как шар, тогда как получается, что люди с нижней ее стороны вниз головой ходят?

— Да ну тебя, Стёпка, — не найдя нужного ответа сказал я и, взяв вещи с веслами, отправился к егерскому дому, размышляя в пути о том, как же все-таки на южном полюсе ходят люди. Отвечая на каверзные Стёпкины вопросы, я окончательно понял, что многое из школьного и институтского курса географии основательно подзабыл и дал себе слово, что как вернусь домой из командировки, то обязательно возьмусь за книги и уточню многие вещи, ставшие за эти дни для меня труднообъяснимыми.

После ужина мы ушли в сад и устроились спать под марлевым пологом. В доме было по-летнему душно и все последние дни я предпочитал проводить ночи на свежем воздухе. Стёпка тоже перетасил свою постель и устроился рядом. Договорились встать рано, до восхода солнца и пойти к Змеиной горе, где он обещал мне открыть свою тайну с солнцем. Я прекрасно понимал, что это очередная выдумка Стёпки, но все равно хотелось увидеть это своими глазами.

Мальчишка, как всегда, принялся за расспросы, но вскоре утомился и притих. Я уже задремал, когда он опять заговорил.

— Слушай, сколько вообще-то в мире солнцев?

— Одно, конечно.

— Мне, кажется, больше, пять-шесть, наверное.

— С чего ты взял? — возмутился я.

— Ты только подумай, что у нас только одно солнце. Значит, оно должно светить для всех одинаково. А у нас, что получается. В одном месте жарко, в другом сильно холодно. Так не бы-

вает. Везде свое солнце. Я думаю, в Африке свое африканское солнце, в Арктике — арктическое.

— Не выдумывай Степка, солнце одно. В школе скоро узнаешь. Давай спать.

— Вот всегда вы так взрослые. Вместо того, чтобы поговорить, сразу: «В школе узнаешь», — он засопел и отвернулся.

Мне в ту ночь снились фантастические сны про африканское солнце. Разбудил, а точнее перепугал нас чуть свет петух, вскочивший рядом на забор и принявшийся орать на всю округу.

Поднявшись, мы собрались и отправились встречать восход солнца. Миновав огороды и рощу, вышли на луг, с которого открывался хороший обзор на восток.

— Ну вот, пришли, — пояснил мне Стёпка, — теперь смотри хорошенько на вершину Змеиной горы.

Мы присели и стали ждать. Вскоре горизонт порозовел, четко обозначились контуры горы с большим домом на ее вершине. Еще несколько минут и этот дом, словно сказочный храм озарился, из окон брызнул яркий свет и из-за него поднялся солнечный шар. Стёпка оказался прав. Создавалась полная иллюзия, что оно действительно вышло не из-за горы, а именно из этого дома.

— Верись! — восхищенно спросил меня Стёпка.

— Теперь верю, чудесное зрелище, в жизни подобного не видел, — не менее восторженно ответил я, боясь неосторожным словом нарушить детское таинство.

Мы еще немного посидели, и я предложил мальчишке подняться на эту гору. Я уже знал, что в военные и послевоенные годы там находился вольфрамовый рудник и мне самому хотелось взглянуть на него.

— Правда, — обрадовался Степка, — а то я ни разу там еще не был. Папка и мамка не отпускают одного.

По тропинке мы не спеша поднялись на вершину Змеиной горы. Домом оказалась большая деревянная постройка барачного типа, которую, судя по сохранившемуся оборудованию, использовали как дробильный цех горной породы. Крыша уже позеленела от времени, потолок во многих местах обва-

лился. Мы вошли внутрь и оттуда с шумом вылетели голуби. Прошлись по заброшенному помещению, в котором гулко отдавались наши шаги и голоса. Стёпка на все вокруг смотрел большими восторженными глазами.

— Значит, вот где оно ночует!

На противоположном склоне оказались рудничные разработки, горы отработанной породы и брошенная добывающая техника тех времен.

Осмотрев рудник, мы вернулись обратно к «солнышкиному дому» и присели отдохнуть на ступеньках крыльца.

— Ну что, ты теперь-то поверил? — настойчиво спросил меня Стёпка.

— Конечно же.

Мальчишка задумался, рассматривая с высоты окружающие горы.

— Стёпка, а ты какие книжки любишь читать?

— Разные. Про природу люблю, про животных и про разные страны. Когда вырасту, все книги в библиотеке перечитаю.

— А кем мечтаешь стать?

— Не знаю пока. Может быть, егерем как папка. Может быть, буду птиц изучать как ты. Больше, конечно, путешественником охота быть!

— Знаешь, Степка, я думаю, ты им обязательно станешь.

— Правда!? — удивленно переспросил он меня.

— Я в этом и не сомневаюсь. Только такие, как ты, и становятся путешественниками.

Степка повернулся ко мне и, жмурясь от яркого солнца, счастливо улыбался, а сам в этот момент стал похож на маленькое солнышко.

**СЛЕД
НА ТРОПЕ**

(огерки)

Воспитание по-медвежьи

Во второй половине дня на Южно-Алтайский хребет напозли тяжелые дождевые тучи, зашумел кедрач, подул порывистый ветер и как-то хлестко, зло, напористой лавиной налетел ливень.

Охотники-промысловики, вышедшие на проверку капканов, расставленных в колонии сурков, с трудом успели добежать до стана. Весь остаток дня и всю ночь бушевала непогода. Палатка дрожала под напором ветра и, казалось, вот-вот разорвется на части.

Федор Иванович по-стариковски проснулся чуть свет и, не выбираясь из спальника, выглянул наружу. В распадке было прохладно и сыро. Словно дым от огромного пожара, низкой лениво плыл туман. Охотник уже было решил закурить, как вдруг рядом с палаткой почувствовал чье-то присутствие. Выглянул — и обомлел. В метрах пятнадцати-двадцати стояла медведица, а рядом с ней в муравейнике у пня копошились два медвежонка.

Федор Иванович мгновенно оценил опасную ситуацию. Он осторожно расшнуровал до конца вход в палатку и тихонько толкнул в бок посапывающего в спальнике своего молодого напарника.

— Тимка, слышь, проснись.

— Чё надо? — пробурчал он.

— Тише ты, — старик даже прикрыл Тимохе ладонью рот и прошипел: — Медведуха у палатки стоит, ружьишко подай.

С Тимохи сон как рукой сняло, и он мигом достал из своего угла двустволку с патронташем.

Федор Иванович приготовив на крайний случай ружье, выглянул из палатки. Медведица уже, видимо, почувствовала недоброе и, подняв голову, водила носом, втягивая воздух. Медвежата тоже прекратили возню, поглядывая то на мать, то по сторонам. Маленькие увальни были от утренней росы мокрыми «по самые уши».

— Ишь ты, как нюхтит, почуяла нас, — прошептал старик и взвел курки. Он знал, что при своем неважном зрении медведи обладают исключительным обонянием. Видать затажной ливень замыл все запахи людей, а теперь унюхала их.

Оглядевшись, медведица, не спеша, раздвигая заросли высокой чемерицы, направилась в сторону ближайшего кедрача. У Федора Ивановича даже на душе отлегло: «Пронесло!». Но не тут-то было. Он заметил, что второй медвежонок вдруг привстал на задние лапы и посмотрел в сторону палатки. Что-то уж очень заинтересовало его в незнакомом сооружении. Немного приотстав, он развернулся и заторопился назад. Медведица, остановившись, глуховато и сердито рыкнула. Медвежонок вернулся и послушно поплелся следом. Но неумное чувство детского любопытства, видать, пересилило страх перед матерью и, пройдя немного, украдкой оглядываясь, он опять не выдержал и скачками бросился к палатке. Следом побежал и другой. Тут терпение могучей мамыши иссякло. Она вмиг настигла ближайшего к ней беглеца, и тот, получив затрещину, с хныканьем укатился в траву. Виновнику происшествия перепало еще больше. Он упал на спину, замахал лапами, но, получив один, затем второй увесистые шлепки лапой, плаксиво заныл. Медведица постояла еще немного, недобро посматривая то на палатку, то на своих расшалившихся проказников, и направилась в лес. Следом за ней, опустив головы, понуро поплелись медвежата.

Ошибка росмахи

В горах Алтая близилось открытие промыслового сезона, и районный охотовед с двумя егерями торопился закончить объезд охотничьих угодий. Требовалось провести учет численности сурка, наметить участки, наиболее перспективные для промысла, и нанести их на карту — для контроля заготконторой и охотинспекцией.

И вот уже две недели в горах. В одном из урочищ, поразивших обилием сурков, заночевали. Чуть начало светать, вышли на учет. Егерям предстояло пройти по соседним отщелкам и просчитать норы. Охотовед же, поднявшись на гребень, укрылся за камнем и приготовился к наблюдениям. Рассматривая луговой склон ущелья в бинокль, он тщательно зартировал в полевом дневнике бутаны сурчин, и теперь условными значками фиксировал появившихся около них взрослых

зверьков и сурчат. Эти данные требовались для определения средней величины выводков и последующего расчета их примерной численности.

Несмотря на ранний час, одиночные сурки уже кормились. В ущелье было тихо. Лишь изредка в осыпях пересвистывались пищухи, да где-то в стороне утесов мелодично переключались клушицы.

По мере прогревания воздуха число кормящихся сурков увеличилось. Они выбирались из нор, отлеживались около убежищ и затем отправлялись по набитым в траве тропинкам кормиться на альпийском лугу.

Из ближайшей норы показалась сурчиха. Она долго осматривалась, и затем из норы один за другим появились сурчата. Охотовед невольно залюбовался ими. До чего же симпатичные зверюшки! Маленькие, толстенькие, они, как солдатики, выстроились в рядок, прижали лапки к грудкам и замерли столбиками...

В этот момент в сурчиной колонии начался переполох. Охотовед увидел стремительно несущуюся вниз по склону росомаха. Казалось, она старалась отрезать кормящихся сурков от нор и схватить оплошавшего. Так и вышло. Один здоровенный сурок не успел добежать до норы, и росомаха на бегу схватила его за спину, но не удержала. Раздался истошный визг, сурок перевернулся несколько раз, но, к счастью, тотчас нырнул в подвернувшуюся нору.

А россомаха, не задерживаясь, вновь бросилась вниз. Охотовед, не отрывая бинокль от глаз, следил за этим зрелищем. Редко кому везет увидеть охоту этого таинственного зверя.

Сурчиха со своим многочисленным семейством замешкалась на сурчине и едва успела скрыться в норе, как рядом, взметнув на бугре пыль, промчалась россомаха и, набирая скорость, понеслась по склону навстречу охотоведу.

Как назло, он не захватил с собою ружье, а кругом ни палки, ни камня. Охотовед испуганно вскочил, и в этот миг в метре от него всеми четырьмя лапами «затормозила» россомаха.

— Кышь, косматая, — не своим голосом заорал растерявшийся охотовед. Он сорвал с шеи бинокль и, что было силы, замахнулся. И огрел бы зверя, но ту, словно ветром, смело. Прошли мгновения, и ее лохматый хвост мелькнул и скрылся за соседним увалом.

— Ух! Вот же перепугала, проклятая, — выдохнул охотовед и присел на камень. Он снял шапку и тут, случайно глянув на нее, понял причину «нападения». Оказывается, россомаха приняла его голову в сурчиной шапке за сурка, лежавшего на камне...

О козле Яшке и козлином упрямстве

Ранним утром из усадьбы заповедника мы вышли в маршрут на водораздел ближайшего хребта. Миновали проснувшуюся деревню и по тропе вдоль ручья стали подниматься в ущелье.

Напротив, на крутом каменистом склоне, паслись деревенские овцы и козы. Когда проходили мимо, от них отделился черный козленок и затрусил в нашу сторону. Увидев его, сопровождавшая нас охотничья собака, залаяла и бросилась ему навстречу. При виде свирепой собаки козленок не только не испугался, но и выставив вперед остренькие рога, храбро перешел в наступление. Ну, просто нахалёнок!

Услышав наши окрики, собака нехотя оставила маленького смельчака, и он сразу же подбежал к нам. Мой спутник Сергей Гущин, местный житель, рассмеялся и пояснил:

— Это же мой козленок, Яшкой звать!

Козленок оказался воспитанником Сергея. Он выкормил его молоком из бутылки с соской и теперь тот, увидев родного кормильца, ни в какую не хотел с ним расставаться. После безуспешных попыток вернуть в стадо, Сергей взял его подмышку и подошел ко мне. Возвращаться домой уже не было времени и желания, поэтому, посоветовавшись, решили взять с собой этого упрямца.

Козленок был совсем юный, не более двух месяцев от роду. Он по-своему, до смешного, симпатичен и напоминает маленького чертенка. В его красноватых глазах светится ум и упрямство. Видимо, эта черта свойственна козлам с рождения. Над лобиком выдается вихрастый чуб, а на подбородке, несмотря на молодость, торчит клинышком приличная «аксакальская» борода. Шерсть смолисто-черная, слегка курчавая. Ушки не торчат, а висят. Короткий пушистый хвостик стоит торчком. Копытца узенькие, высокие, отчего при ходьбе он манерой напоминает девушку, в первый раз надевшую туфли на высоких каблучках. Возле нас держится невозмутимо, с достоинством.

И вот мы идем по горной тропе. Яшка трусит то впереди, то сбоку, то позади. Идем быстро, козленок иногда не поспевает за нами и поэтому время от времени пускается на хитрость:

забегает вперед на тропу, замедляет шаг и не пропускает никого вперед, добиваясь таким образом, чтобы темп нашей ходьбы соответствовал его возможностям. Так в сопровождении Яшки мы поднялись на хребет. Козленок вымотался, выбился из сил и уже дальше «ехал» на плечах у Сергея.

На обратном пути отдохнувший Яшка вновь сопровождал нас пешком, но быстро уставал, забегал вперед, путался в ногах, но все же вынуждал замедлять нас ход. Его упрямство не сломила ни дальняя дорога — без малого двадцать километров — ни усталость, ни чувство голода. К траве он еще не привык, а его любимого молока у нас с собой, конечно же, не было. Но Яшка ни на минуту не потерял собственного достоинства, убедив нас в прочности существования уже ставшего истиной козлиного упрямства.

Электронная газета № 24. 2011 г.

Чумка, Найдик и другие

Чумка появилась у меня совершенно случайно. Однажды морозным февральским днем, возвращаясь в усадьбу заповедника, я проходил мимо деревенского конного двора и заметил на изгороди черный комочек. Это был котенок. Крошечный несмышлениш в возрасте чуть более месяца. Он был покрыт инеем, дрожал и испуганно таращил на меня желтые глазенки. Истощен был настолько, что, держа в ладони, я почти не чувствовал его веса. Позднее узнал, что этого котенка видели здесь уже более недели.

Принес его домой, отогрел у печки и принялся кормить. Как он был голоден! Понюхав кусочек пищи, он приходил в неистовство, издавал громкое мяуканье и жадно глотал пищу. Тоже самое происходило со вторым, третьим и остальными кусочками...

В течение месяца я усиленно откармливал его, стараясь заглушить чувство неутолимого голода. Котенок, оказавшийся кошечкой, быстро привык ко мне, стал игривым, доставляя много веселья своими шалостями. За этот «чумной» характер прозвали её Чумкой.

Вскоре мы с ней стали неразлучными друзьями. Вечерами, когда я усаживался за письменный стол, она забиралась мне на плечи и, пристроившись пушистым «воротником», засыпала. Под ее успокаивающее мурлыканье я постепенно привык читать и писать статьи. Любимой ее причудой было встречать меня у дверей, когда я, после долгого отсутствия, входил в дом. Чумка обычно спрыгивала мне на плечо с полки прихожей и далее следовала нежная процедура встречи с мурчанием и трением щека о щеку. Однажды зимой пришел в гости старый друг Спиридон Филиппович. Вошел шумно, веселый, заснеженный, как Дед Мороз.

— Здравствуйте, с Новым годом, — громко, на весь дом, сказал он, снял шапку и поклонился.

В этот момент сверху ему на голову спрыгнула Чумка. Гость мотнул головой, но кошка, удерживаясь, крепко вцепилась, в нее когтями. Старик заорал и присел. Пришлось выручать его, извиняться за поведение игривого котенка.

— Ох и напужала, ведьма, — сокрушался бывалый охотник, — медведя так не боялся.

После этого случая Филиппыч, приходя в гости, всегда предусмотрительно громко стучался, а войдя, не снимая головного убора, опасливо осматривался по сторонам, лишь после этого здоровался и обязательно, на всякий интересовался:

— Где эта, твоя, Чума ходячая?

Произошло и другое интересное событие. Теплым весенним днем, игравшая в ограде Чумка, появилась вся перепачканная в грязи и золе. Я как раз собирался в баню и прихватил с собой котенка, чтобы его отмыть. Набрал в тазик теплой воды, но первая же попытка помывки была неудачной. Чумка верещала, царапалась, удирала под полок, еще сильнее перепачкавшись. Однако, спустя десяток минут, поняв преимущество водных процедур, она лежала в тазике, вытянув на его край лапы. От удовольствия она даже втягивала и вытягивала когти. После бани, укутав в полотенце, я принес ее домой. Каково же было мое удивление, когда в следующую субботу, собираясь в баню, я увидел, что Чумка увязалась следом за мной. На этот раз она, уже без всяких уговоров, сама забралась в таз, а когда я налил в него воды, вытянулась, испытывая необычайное бла-

женство. Вопреки всем кошачьим привычкам, она пристрастилась к еженедельному купанию. Завел для нее даже отдельный тазик и полотенце. Так продолжалось, наверное, полгода. Слухи о том, что я хожу в баню с кошкой, обросли в деревне разными небылицами и пришлось постепенно отучать кошку от этой привычки.

Прошел год. Чумка превратилась в изящную красавицу. Мои знакомые, впервые увидев, приходили в восторг. Некоторые даже называли ее миниатюрной копией пантеры Багиры из знаменитого фильма «Маугли». Казалось, в ней ничего не было лишнего. Смолисто-черная, с блеском, шерсть. На грудке белая «бабочка», а на лапках белые «туфельки». Единственным недостатком, пожалуй, была легкая проседь на боках, но и этому находилось оправдание: «тяжелое детство». Несмотря на веселый характер, у Чумки действительно многое осталось от нелегкого детства. Она страшно пугалась резкого и шумного появления людей, панически боялась собак и яркого солнечного света. Чтобы приучить «к улице», я поначалу выносил ее в ограду по вечерам, затем она привыкла и уже сама просилась днем на свежий воздух.

В усадьбе у нас жило несколько западносибирских лаек и при их виде Чумка стремглав неслась в дом или на чердак. Страх ее перед собаками усилился, когда лайки, выследив ее, загнали в угол и сильно покусали.

Вскоре у Чумки появился друг — соседский Найдик, добродушный толстый кот, лежебока, обжора и страстный охотник до мышей. В отличие от других кошек, Найдик считал все соседние квартиры своими. Генетически заложенное у кошек чувство своей и чужой территории у него напрочь отсутствовало, так же, как и многие другие кошачьи условности. Он бесцеремонно входил следом за мной в квартиру, мчался на кухню, поглощал все съестное из Чумкиных чашек и, облизавшись, подняв хвост «трубой», довольный отправлялся к Чумке. К ней он питал необыкновенно теплые чувства.

Если же я не впускал кота в дом, то свое недовольство он выражал раскатистым «мяу», значение которого объяснить невозможно. Сколько я знал кошек, но подобного кошачьего «рева» никогда слышать не приходилось. При этом он совер-

шенно невинно смотрел своими кроличьими глазами и раскрывал большущий, почти «до ушей», рот. Отказаться ему после таких настойчивых «просьб» было невозможно.

Также он вел себя и дома. Выспавшись, шел на кухню и, обнаружив пустой свою большую чашку, издавал настолько истошное и просто невыносимое на слух «мяу-у-у», что хозяйева бросали все дела и торопились побыстрее его накормить.

Судьба Найдика, как и Чумки, тоже тяжелая была, разве что, более романтичная. Как нам удалось выяснить, родился он на далекой пасеке и вырос в большом кошачьем семействе. Как-то заезжий из райцентра шофер уговорил пасечника подарить ему понравившегося котяру, который был величиной с хорошего зайца. На обратном пути, при первой же возможности, кот сиганул из окна машины и убежал. Так он оказался в лесу за десятки километров от родных мест. Однажды в августе, уже на закате солнца, мы сидели у своих палаток и услышали доносившийся из соседнего пихтача голос неизвестного нам зверя. Даже пожилой егерь, много лет отработавший охотником-промысловиком сказал, что первый раз слышит подобное. Потом, правда, предположил, что, может быть, это рысь.

Юрий и Лена, зоологи по профессии, сразу же отправились выяснять возникшую загадку. Каково же было наше удивление, когда вернувшись, они принесли в руках большого кота белой окраски с замысловатыми рыжими пятнами по всему телу. Найдик, как они сразу же называли его, преспокойно бродил по лесу, охотился за мышами и, время от времени, издавал свое «мяуканье». Самое удивительное, что не чувствовалось в его голосе жалобных ноток на судьбу. Своих спасителей он встретил как родных. Приласканный, накормленный, он, тем не менее, вскоре принялся ловить мышей, чем особенно заинтересовал Юрия как зоолога.

Так, после долгих мытарств, Найдик приобрел заботливых хозяев, дом и, казалось бы, сытное существование квартирного кота. Но на этом его приключения не закончились. Дело в том, что свою судьбу он связал с научными сотрудниками заповедника, большими любителями путешествовать. Поэтому, время от времени, Найдик приходилось отправляться в мно-

годневные маршруты в горы или вокруг озера. Ходить подолгу кот не любил и «отмахав» с километр, дальше «ехал», примостившись на рюкзаке или на шее одного из хозяев. Зато на стационаре он проявлял все свое мастерство и талант охотника. Ловил мышей, полевок и другую живность, какая только попадется ему под лапу, облегчая тем самым хозяину проводить исследования по фауне и экологии мышевидных грызунов и пополнять научную коллекцию. Юрию только требовалось терпеливо следовать за ним и вовремя забирать очередного пойманного грызуна. Случилось коту сделать и важное научное открытие. Впервые для территории заповедника он поймал новый вид полевки, которого прежде никто из зоологов в заповеднике не находил. Так, что свой «кусочек хлеба» Найдик отработывал на совесть и до «мозолей» на лапах.

В начале июня в заповедник приехали ихтиологи и вместе с ними мы отправились на полевые работы в южную часть озера Маркаколь. Уезжали на тяжело груженом тихоходном рыбацком катере. Взяли с собой и Найдика. Озеро штормило, катер швыряло на волнах и, когда добрались до места, все были мокрые «до нитки». Особенно тяжело пришлось коту. Первые минуты поездки он ошалело вырывался из рук, пытался выброситься из катера, затем в страхе забился среди вещей и больше не показывался. После приезда он целые сутки отлеживался, забыв про любимые охотничьи занятия.

Устроившись в коттедже бывшей турбазы, каждый из нас занялся своим делом. На соседнем лугу обитало два коростеля, оглашавших окрестности резкими скрипучими криками. Один из них скрывался в зарослях жимолости, другой в сотне метров среди шиповника. Определив места, где они постоянно держатся, я пытался найти у них гнезда, чтобы сделать их описания. Однажды поздним вечером, отправляясь проводить наблюдения, я прихватил с собой Найдика, решив использовать его охотничьи таланты, чтобы следить за перемещениями коростеля в густом травостое. Укрылись в кустарнике и стали ждать. Коростель, издавая скрип, медленно продвигался в нашу сторону. Найдик преобразился, напрягся, на слух определяя направление движения скрытной птицы. Мне оставалось только поглядывать на кота, чтобы знать, где находится

птица. Однако охотничий азарт, охвативший Найдика, пересилил терпение исследователя. Когда коростель оказался совсем близко, кот вырвался из рук, пружинисто прыгнул на голос, чуть не поймав скрипуна. В последний миг он вырвался у него из лап и улетел в темноту. Прошла минута, другая и он опять заскрипел. Найдик вновь бросился следом за ним, с изумительной точностью определил место, где он скрылся и прыгнул. Коростель опять выпорхнул у него из лап и, перелетев несколько метров, сел в кусты. Кот прыгнул следом и вдруг с воплем выскочил оттуда. Испуганно озираясь, он, словно ошпаренный, тряс лапами, а затем бросился бежать к коттеджу. Решив, что его укусила гадюка, я отыскал его под кроватью и осмотрел, но следов змеиного укуса не нашел. Однако Найдик был по-прежнему сильно напуган. Ранним утром я сходил к этому кусту и нашел там утку-крякву, насиживающую в гнезде яйца. Теперь причина его испуга была ясна. Утка, видать, напугала его гораздо сильнее змеи.

Зимой ко мне в квартиру на время подселили небольшого рыжего кота, хозяин которого уехал в командировку. Называл он его амбициозно Наполеоном, однако, за воровитый и трусливый характер, мы прозвали котенка Наплюёшкой. Чумка его приняла, однако Найдик воспылал страшной ревностью и ненавистью. Для Наплюёшки в жизни наступили кошмарные дни.

Изо дня в день в квартире происходила одна и та же сцена. Пришедший в «гости» Найдик, уже не шел по привычке на кухню, а первым делом мчался в дальнюю комнату, где под кроватью прятался соперник. Раздавался истошный визг. Наплюёшка опрометью несся в кухню и «нырял» в спасительное отверстие, ведущее в подпол. Найдик, из-за своих солидных размеров, обычно в это отверстие пролезть не мог. Однако в порывах мести, вмиг «похудев», он легко проскальзывал в этот ход и в подполье подолгу слышались возня и кошачьи вопли. Отыгравшись очередной раз на сопернике, весь перепачканный землей и паутиной, ревнивый кот выбирался наружу, некоторое время караулил врага у входа и, убедившись в окончательной победе, начинал приводить себя в порядок. При появлении Чумки он сразу успокаивался, принимался нежно мурлыкать, тереться о нее, не забывая попутно заглянуть в кошачьи чашки и проглотить все съестное.

Однажды Найдик появился в комнате совершенно неожиданно. Он налетел на спящего кота и устроил ему очередную взбучку. Наплюёшка чудом вырвался из его когтей, бросился в кухню к спасительному подполу, но не успел. Найдик настиг его у печки и принялся душить. Дом наполнился истошными воплями и визгами. Скорее всего, для Наплюёшки это были последние минуты жизни, но произошло самое неожиданное. Чумка вступилась за него. Она бросилась в оружий клубок и, вскочив на широкую спину Найдика, вцепилась в нее когтями. В разные стороны полетели клочки белой шерсти...

Мне стоило больших трудов растащить сцепившихся насмерть кошек. Наплюёшка на целые сутки «ушел в подполье», Найдик пробкой вылетел на улицу, а Чумку пришлось приласкать. Она поступила в этой ситуации правильно — вступилась за слабого!

Чумка вскоре стала мамой, а Найдик — папой. Зимой у них появилось второе потомство, среди которых был черный котенок — копия маленькой Чумки.

Повзрослевшая Чумка сильно изменилась. Самое поразительное, что она перестала бояться собак. У соседей появилась сварливая собачонка, которая стала устанавливать свои порядки во дворе. Однажды я стал свидетелем, как появившаяся на крыльце Чумка, увидев, что в мою сторону с лаем бросилась эта собачка, вдруг превратилась в свирепую Багиру и в ярости налетела на нее. Четвероногая соседка опророметью бросилась к своему крыльцу и скрылась в прихожей. После этого началось ее «перевоспитание». При очередном нарушении нейтралитета и «злонамеренном» облаивании, я открывал дверь в свою квартиру и, громко хлопнув ладоши, звал: «Чумка, ко мне!». На крыльце вылетала возбужденная черная кошка с поднятым вверх хвостом. После этого я делал решительный шаг в сторону своей обидчицы и после команды: «Вперед, Чумка», та бросалась на собаку. Псина сломя голову мчалась домой. После нескольких подобных «уроков» она утомилась и во дворе у нас установился покой.

После успешных стычек с соседкой Чумка обрела уверенность и стала проявлять отчаянную смелость. В этом я убеждался несколько раз, когда по моей команде она бросалась и

изгоняла из ограды чужих собак. Во всех случаях они ретировались при виде нападающей на них отчаянной кошки. Однако я понимал, что столь невероятное поведение Чумки заключается в другом. Каждый раз она совершала это, пытаясь меня защищать.

Слухи о том, что у меня живет кошка, готовая по команде броситься на любую собаку, вскоре распространились по всей деревне. Конечно, как всегда, не обошлось без преувеличений. Эти разговоры вскоре дошли до хозяина западносибирских лаек. Это были настоящие зверовые лайки, которых использовали на медвежьих охотах. Есен — так звали владельца этих собак — пришел ко мне, чтобы убедиться в правдивости этих разговоров. Я подтвердил и рассказал все как есть.

— Не может быть, — не поверил он, — чтобы мои собаки, идущие на любого зверя, испугались какой-то кошки.

В итоге — поспорили. Пригласили свидетелей. На большую поляну перед моим домом Есен привел трех лаек.

— Начинаем, — крикнул он.

Я распахнул дверь и позвал Чумку. Она как всегда, готовая к схватке, выскочила на крыльцо, ища взглядом врага.

— Чумка, вперед! — не скомандовал, а крикнул я и решительно направился из ограды в сторону лаек. Чумка метнулась следом, опередила меня и, вылетев на поляну перед лайками,

изогнулась черной дугой, шипящая, злющая, готовая всех разорвать. Две лайки, бросившиеся было к ней, нерешительно остановились. Кошка, действовавшая в таких случаях на опережение и испуг, метнулась к одной из них, затем к другой. Все это сопровождалось истошным кошачьим визгом, прыжками и молниеносными движениями когтистых лап. В такой момент она была во всем великолепии Багиры. Лайки, несколько раз увернувшись от ее бросков, отскочили в сторону. Они явно были в каком-то недоумении, так как кошка вела себя вопреки всем правилам — не защищалась, а сама нападала на них. Они так и не бросились на нее. С большим трудом мне удалось взять Чумку в руки и унести ее домой. Она была настолько возбужденной, что, казалось, от нее исходит электрический ток.

— Поверить не могу, — сказал после этого Есен, — ведь своими глазами видел, как эти лайки за минуту разрывают любого кота.

После этого случая я долгое время чувствовал виноватым себя перед Чумкой. Ради какого-то спора, я чуть не погубил ее, выставив, к тому же, в неравных условиях — одну против трех опытнейших лаек. Только какое-то чудо и отчаянная смелость спасли ее от верной гибели. Больше я не экспериментировал с ней. С верными друзьями так не поступают.

Время шло. Найдик, несмотря на свое сытное существование, время от времени исчезал из дому и пропадал на целые сутки. Однажды по следам на снегу мы проследили, что уходил он в соседний с усадьбой ельник и заболоченный березняк. Профессия пасечного кота давала знать. Поймать и съесть мышонка ему было равносильно, что для сладкоежки купить и полакомиться вкусным пирожным. Подозревали мы, что охотится и на крупную дичь — белок и зайцев. Однако это так и осталось неразгаданной тайной Найдика.

Прошло несколько лет. Однажды летом Чумка неожиданно заболела и через три дня ее не стало. В доме без нее стало пусто и уныло.

Найдик тоже этим летом изменился. Он стал медлителен и безразличен ко всему происходящему. Превратился в толстого кота с отвислым животиком, который целыми днями спал,

проснувшись, шел на кухню к своей любимой чашке. Иногда он выходил на улицу, взбирался по лестнице на крышу и дремал на солнце. Видимо, к нему, после богатой приключениями жизни, пришло неизбежное время кошачьей старости. Вскоре не стало и его.

Прошло уже несколько десятилетий и, вспоминая маркакольский дом в березовой роще на берегу шумной речки Урунхайки, я каждый раз обязательно припоминаю двух своих маленьких друзей — Чумку и Найдика, сидящих рядышком на прогретом солнышком крыльце.

Электронная газета «Ремез» № 87. 2019 г.

Сердечное лекарство

В наш палаточный городок на берегу горной реки Ульбы прибыло пополнение студентов-практикантов. Помогая разгружать вещи, мы обратили внимание на здорового лохматого кота, которого захватила с собой «отдохнуть» на природу преподаватель геологии. Звали кота Андрюхой и был он преклонных для котов лет. С типичным характером избалованных вниманием городских котов, Андрюха быстро вошел в шумный студенческий коллектив. Целыми днями он пролеживал на прогретом солнцем широком пне, спал или лениво наблюдал за происходящим вокруг. К столовой он относился с безразличием — пищу ему приносили. Все было буднично, к старому Андрюхе все привыкли, и уже никто не обращал на него внимания. До поры — до времени. Если бы не этот случай.

Как-то возвратившись из маршрута, я забрался в палатку и, к своему большому удивлению, обнаружил Андрюху воровато роющего в кармане моего рюкзака. Зная, что там ничего нет съестного, я выдворил кота из палатки. Вернувшись через полчаса, я вновь застал Андрюху около рюкзака. Каким-то непонятным образом ему удалось выудить из общественной аптечки пузырек с валерьянкой. Кот лежал на спальнике, зажав его в лапах и мурлыча лизал пробку. На этот раз он не захотел по добру убраться из палатки. Вцепившись намертво в спальник, он дрожал и ошалело тянулся к пузырьку. Оказав-

шись за пределами палатки, он вырвался из моих рук и вновь прошмыгнул обратно. При попытке выдворить Андриюху еще раз, он расцарапал мне в кровь руку. Поведение кота становилось просто несносным. Пришлось обращаться к его хозяйке. Выслушав жалобу на старого Андриюху, она рассказала о его пристрастии, как в прочем и многих котов, к сердечному лекарству.

Выбора не было. Кот, как я понял из разговора, теперь не отступится, пока не добьется своего. Вернувшись в палатку, я отобрал у него валерьянку и вместе с ним отправился к кухне. Весть о том, что Андриюха после долгого воздержания «сорвался», мигом облетела весь лагерь. Со всех сторон стали сбегаться студенты.

В консервную банку налили воды, добавили несколько капелек валерьянки. Кот не отрываясь вылакал содержимое, тщательно вылизал банку и, повиливая своим косматым хвостом, «косо» посмотрел на нас. Пошатываясь, он подошел к стволу ивы и, цепляясь когтями за кору, стал взбираться вверх. На высоте более метра Андриюху вдруг покинули силы, он шлепнулся на землю и, тут же, на месте своего публичного падения, свернулся в калачик и уснул. Пришлось нам перенести кота на его любимый пенек.

С этого дня у Андриюхи наступили дни постоянного похмелья. Отоспавшись, взлохмаченный кот плелся к консервной банке и не успокаивался до тех пор, пока не получал порцию хмельной валерьяны. Иногда «полечившего» старое сердце и быстро захмелевшего кота охватывало «песенное» настроение и он, подняв свой хвост парусом, с громким мурлыканием и мяуканьем шатался по лагерю, пытаясь найти любимый пенек. Когда его приносили на место, он тотчас успокаивался и засыпал долгим сном.

Поющий зверек

Вечерело. Над степью сгущались сизые сумерки. Прогретый за день воздух был напоен ароматом полыни и чабреца. Стихла жавороночья звонкоголосица, и над сопками установилась тишина. Из лощинки на соседней сопке, заросшей шиповником и жимолостью, донеслось давно уже знакомое «теньканье»: «тёк-тёк-тёк». Я достаю полевой дневник и коротко записываю: «21. 45. На Барсучьем увале пела пеночка-теньковка». Это была одна из многочисленных записей в моих дневниках в школьные годы. Много времени я тогда потратил на поиски гнезда таинственной птички, осматривая колочие заросли кустарников. Вопреки всем стараниям, я даже не увидел ее. В стареньком, единственном у меня в те годы определителе птиц А.Н. Промптова сообщалось, что именно так поет теньковка. Одно только меня смущало. Говорилось там, что это птица лесная, а вот почему в летнее время она живет в наших степных местах, оставалось для меня загадкой. И я, при любой возможности, продолжал ее искать, пока не произошел один случай,

Однажды в сенокосную пору заночевали на пасеке в верховьях речки Березовки, затерянной в степной балке, заросшей осиной, березой и черемухой. Устроились на ночь за омшаником, в копне подсыхающего сена. Уже засыпая, услышал рядом, в крушиновом кусте, знакомое «тёк-тёк-тёк». Голосок был резкий, отрывистый, словно кто-то старательно выстукивал по жести. Подобравшись поближе к кусту, долго всматривался в ветви, стараясь разглядеть среди них маленькую птичку. И дождался. Вновь раздался совсем знакомый бойкий голосок. И тут, на земляном бугорке, у трухлявого пенька, освещенного луной, увидел небольшого зверька, похожего на крошечного зайчонка. Я в недоумении смотрел, все еще пытаюсь разглядеть вместо него теньковку, и не верил свои глазам. Но «пел» действительно, он! Лунный свет серебрил шерстку и ушки. Зверек, приподнявшись, замер на месте, и зазвучало его несмолкаемое «тёк-тёк-тёк». Всю августовскую ночь «пели» в степных балках загадочные зверьки, названия которых я не знал.

Дождавшись, когда утром с пасеки разъехались косари, я укрылся в той же копёшке сена. Норка поющего зверька, вырытая у основания крушинового куста, была как на ладони. Ждал долго, пока солнце не прогрело ложок. Наконец из норки выбрался незнакомец. Был он и вправду похож на смешного, симпатичного зайчонка, только с круглыми, как у Чебурашки из мультфильма, ушками, по краю которых проходила светлая каемка. Шерстка его была темно-серой, со светлой рябью, а хвоста совсем не было видно.

Зверек, осмотревшись, почистился, полежал на солнышке и скрылся в густом травостое, в котором были заметны его тропки. Вскоре он приволок длинную травинку и уложил ее в кучку сохнувшей травы, на которую я поначалу и не обратил внимание. Спустя некоторое время «зайчик» притащил еще веточку таволжки, затем стебель бобовника. Заготовка корма продолжалась. Зверек даже подбежал к копне, где я укрывался и утащил из нее стебелек клевера.

Спустя несколько лет я узнал, что загадочным зверьком была степная пищуха - обычный обитатель степных и полупустынных ландшафтов Южного Урала, Западного, Центрального и Восточного Казахстана. Относится она к семейству пищух, являясь его самым мелким представителем весом чуть более 100 граммов, за что и получила свое второе название — малая. За то, что живет в норах в народе ее называют земляным зайчиком, за своеобразные крики — «чикушкой», а за склонность делать запасы сена, ставить стожки — «сеноставкой». Живут отдельными семьями, вырывая в земле норы глубиной до полуметра. На зиму они заготавливают траву и веточки, которыми питаются, когда земля покрыта снегом.

Я люблю слушать вечерние и ночные голоса этих зверьков, которые, наряду с несмолкаемым трещанием козодоев, цикад и кузнечиков, придают степи необыкновенное очарование. При этом, всегда вспоминаю свою давнюю историю с этим зверьком, которого долго принимал за птицу. Особенно тогда, когда в наши края приезжают зарубежные любители птиц. Услышав звонкую «песенку» пищухи, они останавливаются, вслушиваются и в недоумении начинают листать определители и перебирать в памяти мыслимые и немыслимые названия

птиц. Приходится подсказывать ее латинское имя: «*Ochotona pusilla*». Когда выясняется, что перед ними не птица, а поющий зверек, удивления и восторгов не бывает границ. Уверен, что, вернувшись домой и, вспоминая казахстанскую степь, они непременно с улыбкой припоминают и этот забавный случай с поющим зверьком.

Журнал «Зелёный мир». Выпуск 10, 2017-2018 г.

Пернатый Плюшкин

Известный гоголевский персонаж Плюшкин уже давно стал именем нарицательным, которое присваивают людям жадным, несущим домой все, что попадет под руку. Оказывается, прообраз Плюшкина есть и среди птиц. Это хорошо всем известный черный коршун, которого тоже одолевает мания собирательства. Именно собирательства, а не коллекционирования, так как эту птицу иначе, как «барахольщиком» и не назовешь.

Вспоминается случай, происшедший в низовьях алтайской реки Убы. В пойменной роще мы обнаружили массивное гнездо коршуна, устроенное на высоком тополе. С большим трудом забравшись в него, я к своему удивлению, обнаружил множество обрывков газет, разноцветных тряпок и почти полный комплект нижнего мужского и женского белья, который хищник видать утащил на одном из уединенных речных пляжей. А вот на Черном Иртыше гнездо коршуна на раскидистой иве было заполнено множеством тряпок, кусков кошмы, обрывков веревки и ремешков. Но самое поразительное, что среди всего этого старья я обнаружил изодранную страничку из школьного учебника со знаменитыми пушкинскими стихами и цветным рисунком, на котором изображен коршун, пикирующий на лебедя. В другом же гнезде содержались обрывки сетей и прочих рыбацких снастей, включая добротные капроновые шнуры. На Маркаколе в гнезде коршуна, кроме всякого тряпья, содержалась невероятно пропитанная мазутом рукавица, дурно пахнущий кусок бараньей шкуры, почти одревеневшая рыбина и засохшая тушка птицы, в которой я,

к своему удивлению, узнал клушицу, которую мне ни разу не доводилось видеть на самом побережье озера.

Правда, не у всех коршунов в равной мере развивается подобная склонность к собирательству, но нередко бывают среди них поистине увлеченные натуры. Чего только не бывает в их гнездах, просто диву даешься! Находили в них чулки, старые женские кофты, передники, куски шерстяных одеял, войлок, вату, бинты, окурки, разодранные школьные учебники и тетради. Одно гнездо было настоящим музеем старья: рванный носок, кусок рваной портянки, измятая пачка папирос «Беломор», станиолевая обертка из-под сладкого творожного сырка, комки сухого конского навоза, клочья грязной ваты и прочего мусора. В других видели мягкие шерстяные перчатки, новенький капроновый чулок и даже букетик гвоздик! А вот в Окском заповеднике из бумажного мусора коршуны почему-то предпочитали собирать пустые папиросные пачки. Известен случай, когда один украинский орнитолог во время экскурсии потерял золотые часы. Обнаружив дорогую пропажу, он расстроенный пошел обратно домой и случайно увидел

на дереве гнездо коршуна. Забираться в него не было никакого желания, но ученый все же пересилил себя, вскарабкался на дерево и в гнезде, к своему величайшему удивлению, нашел утерянные часы, уже подобранные коршуном!

Примечательно, что если другие птицы-коллекционеры стараются принести в свои гнезда какие-нибудь яркие сувениры, то коршуны, напротив, тащат все, что попадет под лапу и чем старше и не нужнее, тем лучше. Такое уж у них увлечение!

Журнал «Зелёный мир». Выпуск 1, 2015 г.

Стенная обитель

Уставшие после нелегкого дневного перехода, уже под вечер, мы резко меняем направление от реки в открытую степь в надежде хоть там найти спасение от опостылевших кровопийц-комаров, да заодно подыскать продуваемое ветром место для ночевки. Вскоре за небольшой сопкой показалась покинутая чабанская зимовка, похожая издали на теремок.

«Теремок», к удивлению, встретил нас оживленным щебетом, хоть уши зажимай. Со стен мазанки веером сорвалось множество ласточек-береговушек и, чуть не касаясь наших голов, стало кружиться вок — руг. Подойдя вплотную, мы увидели, что саманные стены пустующей зимовки, лишенной окон и дверей, как снаружи, так и изнутри, словно изрешеченные пулями крупнокалиберного пулемета, пестрели неглубокими отверстиями. Из многих торчали травинки и пушинки. В их глубине лежали яйца, а в некоторых попискивали птенцы.

Как могли эти слабенькие птички, обычно роющие свои гнезда в податливых слоях почвы речных берегов, вырыть норки в крепком, как бетон, слое самана? Ударишь по нему ножом — отскакивает, как от камня! А ласточки нашли выход. Большинство норок было вырыто в промежутках между саманными кирпичами, и стены казались изрисованными правильными квадратами. Норки были неглубокими, что свидетельствовало о том, с каким величайшим трудом они создавались. Видимо, нигде в степи не нашлось подходящего обрыва, и ласточкам, волей-неволей, пришлось заселить покинутое

чабанами зимовье, тем более, поблизости была заросшая камышами река с обилием комаров — любимейшего их корма.

— Вот и переночевали! Разве в этом общежитии отдохнешь, — с досадой махнув рукой, сказал мой старший товарищ и, захватив котелок, пошел набирать воду из колодца.

Осматривая гнезда, я обнаружил, что до нас обитель ласточек много раз посещала лиса. На пыли вдоль стен виднелись многочисленные отпечатки ее лап, валялась вытащенная перьевая выстилка гнезд, а все нижние жилища береговушек были полностью разорены.

Мой спутник, стоявший у колодца, громко позвал меня. Над ним пчелиным роем вились ласточки.

— Они и здесь все изрыли и заселили, — указал мне вглубь товарищ.

Оказывается, земляные стенки колодца до метровой глубины были сплошь изрыты норами ласточек.

Чтобы не беспокоить птичье общежитие, мы эту ночь провели в открытой степи.

Журнал «Зелёный мир». Выпуск 3, 2016 г.

Ледоломка

В конце марта наступили стойкие оттепели. Снежные шапки на крышах деревенских домов подтаяли и съехали набок. Зачернели и задымились паром проталины и навозные кучи. После зимнего затворья стали пробовать осипшие голоса петухи.

У дома Ефима, иртышского бакенщика, под крутым речным берегом закурчавились серебристыми барашками вербы. Сам Ефим с раннего утра смолит лодку. Он тщательно конопатит щели на днище и обливает их горячей смолой.

— К навигации готовлюсь, — поздоровавшись, сказал он, — лед нынче рано тронется.

Увидев на моем лице удивление в отношении высказанного им прогноза, Ефим ухмыльнулся.

— А ты, что еще не заметил? — и он кивнул в сторону. На обтаявшей кромке обрыва, схватывая невидимых глазу насе-

комых, суетливо бегала трясогузка, которую у нас на Алтае называют «синочкой».

— Ледоломка известила. Вчерась прилетела, а раз появилась, через деньков пять-шесть жди ледохода.

Ефим сдвинул набок шапку и широко улыбнулся. «Да ты не сомневайся, прогноз точный. Я уже давно это дело примечаю, а мне еще отец подсказал, когда я пацаненком был. Денька через четыре приходи, убедишься».

Ночью, на четвертый день, на Иртыше действительно начался ледоход. Когда я утром пришел на речной берег, Ефим сидел на опрокинутой лодке и курил.

— В третьем часу тронулся Иртыш. Смотри, с какой силойцей прет. И так до самого океана!

Мы долго сидели на берегу, наблюдая за неукротимой природной стихией.

— Ну и как примета насчет ледоломки? — поинтересовался Ефим.

— Абсолютно точная, — согласно кивнул я.

На реке стоял еле уловимый гул и бесконечной вереницей плыли льдины. Одна из них, угловатая, с зеленоватым изломом, с глухим скрежетом наползла на галечниковый берег и замерла. От реки тянуло прохладой и приятной сыростью, особым речным ароматом, каким он бывает в пору ледохода.

— Псюль-псюль, — раздался звонкий птичий голосок. На краешек льдины присела трясогузка. Покачивая длинным хвостиком, она осмотрелась и перепорхнула на соседнюю льдину, которую кружил и захлестывал волнами бурный поток. Перебегая с места на место, пичужка выискивала что-то в растительном мусоре. У соседней излучины, в водовороте, льдину захлестнули волны и птичка, пролетев над водой, уселась рядом и, качнув хвостиком, словно в знак приветствия, очередной раз издала свое простенькое «псюль». Вскоре она еще раз прокатилась на льдине до водоворота и вновь сидела рядом с нами, поджидая очередной речной «транспорт».

Ефим молчал и улыбался. Высоко в небе звучали мелодичные голоса летящих галок, на обтаявшем выгоне пели жаворонки, а среди речного шума слышался простенький голосок ледоломки, первой известившей о начале ледохода.

Бобка

В это апрельское утро мы толпились на иртышском крутояре. Такое случалось всегда в пору ледохода, когда нас, деревенских мальчишек, как магнитом тянула к себе завораживающая стихия реки. На этот раз вскрылась только середина Иртыша, а широкая прибрежная полоса льда вздулась и поднялась под напором воды. Время от времени с глухим звоном по ней пробегали судорожные трещины, лед местами с тяжелым вздохом проседал и из излома со скрежетом и гулом, сильным течением выворачивало громадный кусок льдины и выталкивало его на разводье. Вблизи берега еще сохранилась широкая прорубь, из которой местные жители зимой брали воду и поили скот. Теперь в ней бурлила и пенилась, выплескиваясь наружу, мутная зеленоватая вода. Прямо с обрыва мальчишки швыряли в нее камни и комья земли.

Посмотреть на ледоход подошла соседская бабушка Дуся с внучкой Аленкой. Вместе с ними прибежала добродушная рыжая собака по кличке Бобка.

Аленка, подражая мальчишкам, тоже подобрала земляной комок и, смешно, по-девчоночьи, бросила его вниз. Он не долетел до проруби и рассыпался по сырому льду, оставив на нем черный след. Бобка, сбежав вниз по тропинке, бросился к нему. Обнюхав место, куда шлепнулся комок, он посмотрел в нашу сторону, повизывая хвостом и, осторожно шагая по колкому игольчатому льду, направился к проруби. Когда он приблизился к ней, ее края развалились, а собака оказалась в воде. Шлепая лапами, она закружилась на месте, затем попыталась выбраться наверх, но хрупкие рассыпчатые края льда рушились под тяжестью ее веса, и она, сорвавшись, окуналась в воду.

Аленку, пытавшуюся броситься на помощь к Бобке, с трудом удержала бабушка. Девчушка плакала и звала собаку. Дружно кричали и звали ее мальчишки. Один из парней постарше попытался ползком добраться поближе к проруби и подсунуть под лапы собаки жердь, но не смог. Подмытый водой и изрезанный трещинами лед в каждую минуту мог обвалиться. Бобка, видимо, слышал голоса поддержки и старался из всех сил. Однако вскоре он выбился из сил, бурлящая вода все глубже

и глубже затягивала его. Обреченный, скребя лапами лед, он вдруг срывающимся голосом завыл. И тотчас, громко, закричала Аленка.

— Бобка, Бобушка, миленький, вылезь!

Ее крик словно подтолкнул собаку, и она, собрав остаток сил, сделала последний отчаянный рывок, зацепилась когтями за лед и выползла из проруби. Все облегченно вздохнули. Бобка, отлежавшись на краю проруби, медленно дополз до берега и, лишь почувствовав твердую землю, дрожа поднялся на ноги и выбрался вверх на берег. Мокрый, совсем обессиленный, он радостно вильнул хвостом, увидев бегущую к нему Аленку...

С того апрельского утра прошло уже много лет, а я до сих пор уверен, что именно пронзительный крик маленькой девочки спас тогда жизнь собаке.

Маленькое приключение

(Тринадцатое апреля)

Иногда, чтобы уточнить кое-какие сведения для статьи, достаю из шкафа и подолгу просматриваю полевые дневники. За годы работы в заповеднике скопилось их у меня более пяти десятков. В каждом из них частичка прожитой жизни на Маркаколе. Все они разные, но одинаково потёртые, промоченные дождями и потом, пропахшие дымом костров, со следами раздавленных комаров, заложенными между страницами растениями или птичьими пёрышками. Каждый раз невольно задерживаю внимание на записной книжке с размокшей и пожелтевшей от воды обложкой. На дате 13 апреля 1980 года закладка. Открываю и сразу в деталях вспоминаю тот невезучий день.

Это было обычное весеннее утро, когда я отправился на орнитологическую экскурсию берегом озера к устью Тихушки, намереваясь провести учёт птиц в берёзовом лесу. В это время на Маркаколе ещё по-зимнему кругом лежит снег, а в оттепельные дни на склонах гор только появляются чёрные проталинки.

На широких охотничьих лыжах иду вдоль кромки берега, обходя образовавшиеся «пропарины» — первые полыньи, между которыми виднеются цепочки следов американской норки. Снежный наст уплотнился, но «чарым» ещё не прочный, часто проседает и мешает быстрой ходьбе. Однако для зайцев-беляков наступило раздолье — кругом невообразимая путаница их следов. Ослепительно ярко светит солнце, приходится сразу же одевать припасённые заранее очки с тёмными стёклами.

Миновав тальники, захожу и углубляюсь в кочковатый березняк, огибая буреломники и поваленные деревья. Хорошо идти одному. Прислушиваюсь к звукам, наблюдаю за встретившимися птицами, разгадываю летопись следов зверьков. Время от времени останавливаюсь, делаю записи в дневнике и не спеша иду дальше. Через несколько километров выхожу к устью небольшой, но очень глубокой речушки. В просвет между деревьями замечаю знакомого односельчанина, идущего на лыжах по озеру на подлёдную рыбалку. Он тоже увидел меня, и мы перебросились издали парой фраз. Решил выйти к нему из леса. Перешёл занесённое снегом русло ручья и направился дальше вдоль речки. Она тоже ещё покрыта сверху панцирем твёрдого снега, но местами попадаются глубокие провалы, в которых темнеет вода. Желая сократить путь, решаю быстрым рывком пересечь её на лыжах. Ощупываю палкой наст. Он оказался плотным и вполне надёжным. С силой отталкиваюсь от берега, въезжаю на середину речки и чувствую, как снег подо мною вдруг просел, и я обрушиваюсь вниз в глубокую яму, очутившись в ледяной воде. Оказывается, наст был всего лишь толстой ледяной коркой, нависающей над водой в виде моста. В некотором отношении мне повезло. Если бы русло было широкое, то я бы на своих лыжах, придавленных массой снега, как с тяжелым грузом, привязанным к ногам, сразу бы ушёл на глубину, либо упав на спину или завалившись набок, мог сразу же захлебнуться. К счастью, русло было немногим шире двух метров. Левая лыжа задним концом уперлась в дно противоположного берега, а правая передним концом уткнулась в основание другого берега. Удивительным образом, сохранив равновесие при падении, я оказался в состоянии рас-

пятого над руслом речки, ухватившись правой рукой за конец торчащей из воды левой лыжи как за спасительную соломинку. Ружьё и бинокль, чтобы не утопить, выбросил вверх, на заснеженный берег. Чувствую, малейшее неловкое движение и я завалюсь набок. Этого в моем положении достаточно, чтобы утонуть. Русло, хотя и не широкое, но глубокое, с высокими берегами. Сугробы, лежащие на них, увеличили их почти на метровую высоту. Пробую свободной рукой нащупать земляные стенки берега, но она безрезультатно погружается в сырую снежную массу. Удерживая равновесие, пытаюсь кричать, звать на помощь знакомого рыбака. В ответ — молчание. Прислушался — далеко на озере доносится громкий скрип лыж по «чарыму» и, наконец, понимаю, что он меня не слышит. Пытаюсь осторожно дотянуться до ружья. Далековато! После каждой попытки все глубже и глубже погружаюсь в воду. Хорошо ещё, что прочные охотничьи лыжи выдерживают мой вес. Наконец, рывком, двумя пальцами, дотягиваюсь до ружейного ремня и подтягиваю его к себе. Стреляю. Выстрел гулко рвет тишину. Кричу, зову на помощь. В ответ — опять молчание. Достая из внутреннего кармана куртки пулевой патрон. Одной рукой осторожно перезаряжаю ружье. Вновь выстрел разрывает безмолвие. Опять до хрипоты призываю на помощь. Ответа нет. Понимаю, что на помощь со стороны надеяться бесполезно и спастись нужно самому.

Продолжая балансировать на воде и, стараясь сохранять равновесие, ружьём начинаю прощупывать берег. Наконец оно уперлось в твердую стенку. Отламываю прикладом куски снега и расчищаю небольшую площадку земли. От частых движений погрузился в воду по самую грудь. Ноги от напряжения и холода потеряли устойчивость и чувствительность, к тому же их охватила нервная дрожь. Наконец, упершись прикладом в твёрдый берег, пробую вытащить левую ногу из валенка, но это с первых попыток не получается, так как шерстяной носок и сами валенки разбухли от воды. После долгих усилий удалось освободить ногу и нащупать ею твердую опору берега. Дальше пытаюсь другой рукой дотянуться до правой ноги. Не получается. Максимально изогнувшись и погрузившись в воду с головой, указательным пальцем сдвигаю с запятника

крепление лыж. Наступил решительный момент освобождения из ловушки. Делаю сильный толчок и рывком выбираюсь на берег. Отдышавшись, разминаю руками окоченевшие ноги. Затем, используя приклад и ружейный ремень, вытягиваю из воды левую лыжину с валенком. Освободив от креплений, выливаю из него воду. Снимаю носки, верхнюю одежду, отжимаю от влаги, торопливо натягиваю на себя, надеваю на ноги валенки. Ещё несколько минут пытаюсь вытащить из речки вторую лыжу, придавленную массивными кусками мокрого снега. Надеваю лыжи, быстрым шагом, переходя в бег, направляюсь к озеру. Вижу рыбака, сидящего с кармаком у выдолбленной во льду лунки. Увидев меня, мокрого с ног до головы и дрожащего от холода, он с удивлением выслушал мой короткий рассказ о том, как я тонул и не мог дожждаться помощи с его стороны. Мужик развёл руками — криков, мол, не слышал, потому, что долбил пешнёй лунки. А вот выстрелы слышал, но решил, что охочусь на косачей. Оставив бесполезные объяснения, побежал на лыжах в сторону деревни. От быстрого бега вскоре согрелся, а недавняя опасность с каждой минутой уменьшалась до размеров маленького приключения, которыми так богата наша жизнь.

Электронная газета «Ремез» № 42. 2014 г.

Чай по-казахски

Люблю чай по-казахски. Крепкий, запашистый, со сливками или топленым молоком. За хорошим дружеским достарханом.

А началось у меня это пристрастие в годы работы на Маркаколе. В первую же зиму, когда установилась санная дорога, я собрался в поездку вокруг озера. Морозным декабрьским утром, на лошадке, запряженной в сани, мы выехали из заваленной сугробами Урунхайки на заснеженное озеро и по накатанной дороге тронулись в путь. Впереди предстояло несколько дней интересной поездки и более сотни километров пути с ночевками в прибрежных деревеньках на егерских кордонах. Мой спутник и рулевой — местный житель Сергей Иванович Ларионов, лаборант заповедника, хорошо знающий

эти края. В первый день предстояло проехать сорок километров до Матабая.

— Сергей, ты плотно поел, — поинтересовался я, — а то ехать далеко.

— Чай пил, — спокойно ответил он.

— Да ты что? — возмутился я, прикидывая, что где-то в дороге придется останавливаться, кипятить чайник, чтобы он смог перекусить.

— Ничего, я привыкший.

Полдня в дороге прошли интересно и незаметно. В обед Сергей Иванович неожиданно завернул лошадь к совхозной ферме на речке Матабайке. Среди огромных лиственниц стоял небольшой домик, из трубы которого высоко в небо поднимался столб дыма. Рядом находились кошара и загоны с коровами и баранами. Здесь жила казахская семья из Успенки. Чабаны оказались давними знакомыми Сергея. Обрадованные встречей и оживленно разговаривая, они сразу же ушли в дом. Я остался во дворе, наблюдая в бинокль за птицами.

— Пойдем чай пить, — выглянув из сеней, вскоре позвал меня хозяин.

Раздевшись и умывшись в кухне, в предвкушении горячего чая, я прошел в большую комнату, застеленную кошмой. Посередине стоял круглый столик на низких ножках. Он был заполнен едой и разной снедью — лепешки, баурсаки, масло, сметана, курт, мед, изюм, варенье, конфеты, сахар. Когда мы уселись за столик, в пиалки разлили ароматный чай со сливками и внесли большое блюдо — табак с дымящейся бараниной.

— Вы же сказали, что чай будем пить, — удивленно спросил я.

— А это и есть все чай, — не поняв меня, ответил гостеприимный хозяин и обвел широким жестом весь стол.

Только тут до меня стало доходить, что понятия русский и казахский чай совершенно разные. Русский чай — это варенье, конфетки, печенье, а казахский — это большое философское понятие. В этом я убедился в другие дни нашей зимней поездки и убеждаюсь все последующие годы жизни.

**ИЗ ЗАПИСНОЙ
КНИЖКИ
НАТУРАЛИСТА**

«Крылатая» белка

Пробираясь через заболоченный березняк на побережье озера Маркаколь, я услышал крик птенцов дятла и вскоре вышел к дулистому стволу ивы со сломанной вершиной. Из одного отверстия выглядывал маленький дятел, а внутри слышался монотонный писк остальных птенцов. А чуть повыше — свежее отверстие другого дупла. Неужели в такой близости поселилась еще одна пара дятлов?

Меня это особенно заинтересовало, так как ничего подобного прежде не приходилось встречать. Возбравшись на шатающийся ствол, веточкой ощупал содержимое этого дупла. Внутри находилось что-то мягкое и, чувствуется живое. Ножом делаю небольшой разрез в стенке дупла, но образовавшуюся щелку тотчас заслонил пучок шерсти. Потянул — а это пушистый хвост! В дупле послышался шорох, и в отверстии я увидел большие, как смородины, черные глаза.

Из дупла выбралась небольшая белочка. Оставив внутри бельчат, она вскарабкалась на вершину ствола и, сжавшись в

комок, затаилась на сухой ветке. В это время громко запищали птенцы, один за другим появились взрослые дятлы, устроившие вокруг шумиху. Напуганная белка неожиданно прыгнула вниз и, широко раскрыв лапки, между которыми натянулась кожистая перепонка, легко и быстро перелетела с десятков метров и приземлилась на ближайшей березе.

Когда я осмотрел дупла, то оба они оказались совершенно свежими, выдолбленными этой весной. Это не оставляло сомнений, что белки «выселили» дятлов из подготовленного ими весной дупла, после чего птицы построили ниже второе.

Так произошла моя первая встреча с загадочным обитателем алтайских лесов — летягой. Это небольшой симпатичный зверек серебристо-серой окраски, похожий на всем известную обыкновенную белку, только с более коротким пушистым хвостом и небольшими ушами без кисточек. Самой удивительной особенностью летяги является наличие между передними и задними лапками кожистой перепонки. Натягивая и ослабляя ее, она способна поразительно ловко и виртуозно планировать даже в густом хвойном лесу, пролетая несколько десятков метров.

Бурундук на подсолнухе

Перед домом егерского кордона в Верхней Еловке находился большой огород, опоясанный ивовой изгородью. Дальше, через луговину по берегу Маркаколя тянулся густой ельник.

Теплым августовским утром, вернувшись с экскурсии, я сидел в доме за столом и делал записи наблюдений в полевом дневнике. Рядом за окном, наклонив тяжелые «головы», стояли перезрелые подсолнухи.

От работы меня отвлекло негромкое цоканье. Присмотрелся и увидел бурундука — симпатичного полосатенького зверька. Взобравшись на изгородь, он осмотрелся, стремглав промчался по жерди и исчез в зарослях картофеля.

— Что ему здесь нужно? — заинтересовался я, хорошо зная, что этот зверек живет в лесу и близости человеческого жилья обычно избегает.

Бурундук не заставил меня мучиться в догадках. В одно мгновение он появился у окна, взобрался на широкую шляпу подсолнуха, воровато озираясь, подобрался к ее краю и принялся грызть. Закружились, падая, засохшие желтые листочки. Вскоре щеки зверька располнели и выглядел он уже забавно. Свои защечные мешки он туго набил сочными семенами подсолнечника. Запасливый зверек готовился к зиме и растущие поблизости от леса подсолнухи были как нельзя кстати. Бурундук исчез и появился только спустя четверть часа. Забравшись на подсолнух, вновь принялся усердно извлекать семена из шляпы.

В это время вернулся домой пожилой егерь. Обратив внимание, что я, не отрываясь смотрю в окно, Александр Андреевич из кармана достал и одел очки, заглянул через мое плечо.

— А я второй год не могу понять, куда у нас семечки из подсолнухов исчезают.

Егерь громко постучал в стекло пальцем.

— Ух, я тебе покажу, варначина!

Перепуганный бурундучишка чуть не свалился с подсолнуха. Разоблаченный, он тотчас скрылся в картофельной ботве.

— Сколько живу, первый раз вижу, чтобы бурундуки семечки из подсолнухов таскали, — почесав затылок, удивленно сказал егерь.

Электронная газета «Ремез» № 26. 2011 г.

Шенц Барсика

Приехав на лодке на южный берег Маркаколя в небольшой поселок Матабай, мы, как всегда, остановились на отдых в гостеприимном егерском доме. После обеда, вышли из летней кухни на свежий воздух и присели на скамейку у бревенчатой стены дома. Егерь Николай Краснопеев, не спеша и обстоятельно рассказывал о последних событиях своей жизни. К нам подошел Барсик — большой овчарный пес. Разморенный от лежания на солнце, он хотел прилечь рядом с хозяином в тени.

Николай, глянув на него, вдруг рассмеялся.

— Барсик, ну как ты медведя испугался? — сказал он.

Пес, словно совершивший какой-то постыдный поступок, вдруг опустил голову, отвернулся и виновато отошел в сторону. Я был поражен такой обидчивой реакцией собаки.

— Что с ним? — спросил я.

— Стыдно ему.

И Николай рассказал мне эту историю. Оказывается, еще весной на одной из старых берез в соседнем ельнике он нашел чагу — черный нарост в виде гриба-трутовика, отвар которого местные жители используют для лечения печени. Неделю назад кому-то из родственников срочно понадобилась чага, и Николай отправился за ней в лес. Следом за ним побежал Барсик. Николай отыскал березу и принялся осторожно вырезать нарост небольшими кусочками, укладывая их в пакет. Увлеченный работой, он вдруг услышал рядом шум. Вышел из-за дерева и увидел, что на поляне, в нескольких метрах от него, в малиннике кормится большой медведь. Зверь его тоже увидел. Встреча для обоих была полной неожиданностью. Медведь медленно поднялся на задние лапы и глухо рыкнул на замершего от страха егеря. В это время на шум на середину поляны выскочил Барсик, остановился и, увидев перед собой огромного зверя, от неожиданности сел на задние лапы.

— Ты представляешь, — продолжает Николай, — он попытался залаять на него, но от страха потерял голос. Сидит в такой позе и только молча открывает и закрывает рот. А убежать не может — задние ноги отнялись.

Не видя никакой угрозы, медведь рыкнул, опустил на все четыре лапы и, не спеша, вразвалку, ушел в глубь леса. Опомившиеся егерь и его верный пес тоже поспешили домой.

— С того дня, как только напому про медведя, ему становится стыдно, — закончил свой рассказ Николай.

— Ладно, Барсик, с кем не бывает, — обратился я к псу. Он глянул на меня, опустил голову и ушел за дом. Видно было, что до сих пор переживал случившееся.

Электронная газета «Ремез» № 25. 2011 г.

Счастливая ошибка

Тихо и незаметно выйдя из глухого ельника на берег Маркаколя, я прилег среди кочек и стал наблюдать за брачными играми гоголей. Стояла изумительная тишина, а на озерной глади — зеркальная синева. Импозантные белощекие селезни, галантно раскачивая головами в поклонах, плавали и токовали перед утками. На песчаном берегу сидели две связи.

Увлеченный наблюдением за таинством брачных игр гоголей и записями в полевом дневнике, я вдруг услышал позади себя подозрительные шорохи. Осторожно повернул голову и боковым зрением метрах в двух от себя увидел стоящего медвежонка. Опустив голову, я замер в ужасе от одной мысли, что рядом с медвежонком должна быть и медведица. Я уже хорошо знал, что при детях она свирепа и может порвать любого встречного.

Правой рукой дотянулся до левого грудного кармана, где у меня всегда, на случай подобных непредвиденных встреч, лежало два пулевых патрона. Стараясь не сделать лишнего шороха, перезарядил лежащее рядом ружье, взвел курок, перевернулся на спину и облегченно вздохнул. Медвежонка с медведицей рядом не было. Огляделся из-за кочек вокруг — тоже нет. В этот момент связи, напуганные кем-то, с тревожными криками и, хлопая крыльями, побежали по воде. Я приподнялся и глянул вперед. В метрах пятнадцати на открытом участке берега во всей своей красе стояла росомаха. Я первый раз видел ее так близко и был восхищен видом этого таинственного зверя. И только тут понял, что несколько минут назад принял ее за медвежонка, на которого она действительно похожа, если смотреть с боку.

Росомаха постояла на берегу, осмотрелась и, не спеша, побежала вдоль берега, попутно осматривая кочки и валежины, где обычно устраивают свои гнезда утки.

Электронная газета «Ремез» № 14. 2009 г.

Скрипучь-невидимка

Теплый июньский вечер. Сажу на кочковатом лугу на побережье Маркаколя и наблюдаю за токующими азиатскими бекасами, которые, как миниатюрные истребители, один за другим, с нарастающим жужжанием, пикируют с большой высоты до самой земли и в стремительном пике взмывают вверх. До самого озера, как полыхающий пожар, раскинулись цветущие купальницы, среди которых слышатся мелодичные песни овсянок-дубровников.

Рядом раздался скрипучий крик коростеля. Приподнимаюсь, чтобы рассмотреть, откуда раздался звук, но он сразу же стих. Успел все же заметить — соседний изгиб тропы в густой осоке. Навел на это место бинокль и рассматриваю травостой. Замечаю, как шелохнулись травинки. Из осоковой зелени показался клюв и глаз. Смотрим и испытываем друг на друга на терпение. Наконец из травы высунулась и замерла лапка. Опять ожидание. Лапка опускается на землю. Показалась вся голова. Вижу каждое перышко на ней. Вновь минуты две неподвижности. Появилась и замерла другая лапка. Жду, когда она опустится. Наконец-то показался весь коростель, но какой он комичный от своей осторожности! Весь ссутулился, вжал голову в плечи, поднял лапку, воровато осмотрелся, опустил ее. Вновь огляделся, опять поднял лапку... Впечатление, что боится даже собственных шагов. Глядя на него, ловлю себя на мысли, что все его движения, как на шарнирах. Закрываю глаза, чтобы отдохнуть от напряжения. Когда открыл — коростель сделал только следующий шаг. В итоге, тропинку шириной в двадцать сантиметров «прошагал» минут за пятнадцать.

Электронная газета «Ремез» № 15. 2009 г.

В шапке-видимке

Выйдя на заснеженную опушку пихтача, с которой хорошо просматривалось студеное озеро Маркаколь, я присел на поваленную лиственницу и принялся заполнять полевой днев-

ник. В чуткой тишине леса слышался перезвон синичьих голосов, да заунывный крик черного дятла-желны.

Из глубины леса через полянку время от времени в группу молоденьких пихточек перелетали с писком синички: гайчки и москочки. Вскоре стал замечать в стае непонятное оживление. Синички были чем-то встревожены, и на их голоса отовсюду слетались другие птички и рассаживались на пихту рядом со мной. Через десяток минут они облепили все дерево. Особенно сильное волнение поднимали, когда я поворачивался в их сторону. В такие моменты переполох среди них усиливался, и некоторые из москочек, трепеща крылышками, зависали над моей головой. В чем причина столь сильного их волнения? Я уже знал, что подобным образом они обычно реагируют на появление хищников: соболей и горностаев. Но при чем тут человек? И, наконец, понял. Старенькую ондатровую шапку на моей голове они принимали за своего врага. Чтобы проверить родившееся предположение, снял шапку и спрятал ее под полу полушубка, а сам притих. И вправду, еще немного потревожившись, синицы стали успокаиваться, и вскоре, потеряв ко мне всякий интерес, разлетелись в разные стороны. Я вновь остался один в тихом лесу.

Электронная газета «Ремез» № 16. 2009 г.

Сорожки догонялки

Ноябрьской ночью в отрогах Алтая выпал снег, и с утра пораньше по свежей пороше я ушел на лыжах в горы. Предстояло посетить одно интересное урочище, в котором я давно не был.

Перевалив заснеженный увал, спустился в лощину, заросшую невысоким кустарником-таволожкой. Из-под одного из кустов неожиданно выскочил заяц-беляк и стремительно помчался в гору. Наблюдая за его бегом, я заметил, что все чаще и чаще теряю его из виду. Заяц словно сливался с белоснежным склоном.

— Как в шапке-невидимке, — подумал я тогда, но тут заметил, как с вершины сопки навстречу уже невидимому мне

зайцу спланировали три сороки. Через минуту они с громким стрекотанием следовали за длинноухим, который время от времени останавливался и пробовал отбиваться от них передними лапами, но этим он только подливал «масла в огонь». Сороки с еще большим ожесточением нападали на беляка. Вскоре я потерял их из виду, но, выбравшись на вершину сопки, увидел, что за зайцем по степи уже следует целая компания сорок. Утомленный преследованием надоедливых птиц, заяц, наконец, скрылся в куртине жимолости, а сороки, как стражи, расселись по вершинам кустов. В бинокль вижу, как оживленно стрекочут длиннохвостые, посматривая вниз. Через некоторое время, осмелев, они стали потихоньку спускаться к основанию куста. И вновь тишина огласилась их многоголосым стрекотанием.

Спускаюсь по склону и рассматриваю происходящее. Заяц, забившись под куст, отбивается от изрядно надоевших ему сорок, которые, окружив укрытие со всех сторон, пытаются клюнуть его по сильнее. Приняв вначале преследование зайца за невинную игру в «догонялки», начинаю понимать, что птицы уже помышляют не только поиграть, но и перекусить. Для уставшего беляка подобная игра может кончиться печально.

Опять иду на помощь зайцу. Но эта подмога, наверное, была для него некстати. Заметив мое приближение, он, устало прыгая по рыхлому снегу, стал удаляться в сторону ближайших кустарников, а сороки еще настойчивее принялись на него нападать.

Еще около часа над увалами слышалось сорочье стрекотание. Я продолжал следовать за сороками и уже который раз выручал косоногого из их засады. В конце концов, видать, надоел я сорокам. Одна за другой они постепенно разлетелись, а заяц, уже без прежнего «конвоя» пробежав по заснеженному склону, скрылся за увалом.

Я остановился отдохнуть и вспомнил, что с утра собирался сходить совершенно в другое место, но увлекшись, ушел совсем в противоположную сторону.

— Ладно, хоть зайца выручил, — успокоил я себя и отправился домой.

Электронная газета «Ремез» № 33. 2012 г.

Осада

На скалистом склоне горы, обращенном к Иртышу, в середине марта еще всюду лежал снег. В темной расщелине одной из небольших скал, выступающих из мощного снежного намета, я заметил спокойно отдыхающего филина. Он сидел неподвижно, как изваяние. Прошло несколько минут — и филин вдруг насторожился, открыл глаза и повернул голову. Тотчас раздалось шумное стрекотание. Оказалось, кроме меня, хищника выследили вездесущие сороки. Они сели на глыбу и, заглядывая в расщелину, стрекотали. Взгляд филина привел их в какое-то паническое оживление.

На поднятую сороками шумиху с окрестных скал слетелось множество галок. Они черным полчищем расселись вокруг скалы, покричали, на этом вся их храбрость прошла. Стоило филину пошевелиться, повернуть голову, защелкать клювом, как многочисленное «войско», тесня друг друга, отступало назад. Успокоившись, они вновь неуверенно приближались к укрытию грозного хозяина ночи. Вскоре одна за другой галки стали разлетаться и от сотенного сборища остались лишь две-три любопытных галки. Поугомонились и сороки, но осады не снимали.

Филину, видимо, уже порядком надоело столь шумное соседство, и он, сорвавшись со скалы, медленно махая крыльями, полетел вдоль заснеженного склона. Сороки пришли в неистовство. Всполошились и галки. Черной тучей помчались они в погоню. Было ясно, что пока длится день, ночному разбойнику они не дадут покоя.

Заклятый враг

Октябрьский день в алтайских предгорьях был серый, тихий, с мглистым и низким небом. Рощи в эту пору кажутся пустынными и чуткими к каждому звуку. Бреду тропой в пойме Иртыша, подминая ногами опавшие листья.

Впереди в молоденьком березняке уже давно слышу громкое стрекотание сорок — верный признак того, что там опять

что-то происходит. Направляюсь туда и вижу: на тополе собралось пять сорок. Они стрекочут без умолку, прыгают с ветки на ветку, поглядывая вниз. С разных сторон на подмогу им слетаются их сородичи.

А внизу, на земле, усыпанной желтой листвой, неподвижно сидит таежная сова — длиннохвостая неясуть, заклятый враг сорок. Сова симпатична: оперение серое, с черноватыми продольными полосками, а «личико», словно в маске, тоже серенькое, с выделяющимися на нем узкими темными глазами и приплюснутым желтым клювом.

Заметив мое появление, неясуть настороженно завертела головой и улетела в соседние заросли. А в лапах унесла... сороку, оставив на месте, где сидела, кучку сорочьих перьев.

Однако белобокие сразу слетелись к тому месту, где вновь села сова, и подняли такую шумиху, словно началась ожесточенная пулеметная перестрелка. Хищница же, игнорируя их, прикрыла глаза и будто задремала, а сама нет-нет да глянет на неугомонных птиц сквозь узкую щелочку глаз. А сороки прыгают по веткам, сбивая остатки последней листвы, отчаянно «рвут» глотки, а приблизиться боятся. Лишь самые отважные временами пролетают над совой. Неясуть при этом приходит в себя, сердито поворачивает голову, жмурится и вновь впадает в притворную дремоту. Сороки же трясутся от неистовства, ненависти и страха перед своим врагом.

Уже стемнело, когда на обратном пути я снова проходил мимо это места. На кустах, по-прежнему вздергивая длинными хвостами, караулило неясуть несколько сорок. Они уже докричались «до хрипоты». Наступала ночь — покровительница сов.

Ночные охотники

Августовская ночь опустилась незаметно, наполнив марккольскую тайгу темнотой и тишиной. По заросшей лесной дороге я вышел к роднику, вытекающему из густых тальников и заполнившему водой придорожную выбоину. Яркая луна через вершины лиственниц высвечивала уголок этой лужи. Проходя мимо, я присел отдохнуть и напиться воды и мельком

заметил скользнувшую над ней тень, которая чуть не коснулась моего лица. Я даже несколько раз попробовал схватить ночного призрака. Не сразу понял, с кем имею дело, но вскоре узнал летучую мышь. Она то бесшумно летала над самой водой, схватывая невидимых мне насекомых, то исчезала и вновь проносилась мимо меня.

Я уже собрался уходить, как вдруг заметил проплывший над дорогой силуэт ушастой совы. Ее тоже, видно, привлекла освещенная лужица. Я на миг потерял ее из виду. В этот момент вновь запорхала летучая мышь, и тотчас из тальников появилась сова. Ее крылатая тень проплыла в лунном зеркальце, раздался писк летучей мыши — и все стихло. Произошло это так быстро, что даже не удалось рассмотреть толком происшедшее. А вскоре в темном лесу оживленно запищали совята, выпрашивающие корм...

Самопожертвование

Пробравшись через заболоченный лес, я вышел в устье речушки, впадающей в озеро Маркаколь. Раздвинув густую стену камыша, в двух метрах от себя увидел выводок хохлатых чернеть. Шесть утят - маленьких, черных пушистых шариков, резво плавали около своей мамы, которая, увидев меня, со скрипучим криком, хлопая крыльями, побежала по воде. Пуховички помчались следом за ней, затем нырнули в прозрачную воду. Я хорошо видел, как они, оставляя за собой веер серебристых пузырьков, расплылись в разные стороны. В это время утка взлетела и, сделав круг, буквально упала в кочки в нескольких метрах от меня. Я направился к ней, надеясь увидеть обычную сцену, — как мамаша притворяется раненой, чтобы отвлечь опасность от птенцов. Но чернеть, вытянув голову, лежала неподвижно. Я протянул к ней руку и дотронулся до оперения. Она по-прежнему не двигалась. Подтолкнул её пальцем — никаких признаков жизни. Я присел около утки и, ничего не понимая, взял ее в руки, и тотчас почувствовал, как у нее сильно бьется сердце. Ярко-желтые глаза выражали страх. Утку словно покинули силы. Она не предприняла ни

одной попытки улететь. Подойдя к берегу, я опустил ее в воду. Она поплыла вниз по течению. Миг — и птица пришла в себя. Достигнув излучины, где уже плавали утята, она быстро побежала по воде, уводя их от места злополучной встречи.

Трудно объяснить ее поведение, но я остался убежденным, что утка жертвовала собой, чтобы отвлечь опасность от детей.

Злопамятная ворона

У одного из гнезд, устроенного в ельнике на окраине усадьбы Маркакольского заповедника, в течение весны и лета мне довелось наблюдать за жизнью этой птицы. Гнездо посещал через два-три дня, производя необходимые измерения и взвешивания, подробно описывал особенности развития растущих птенцов. Поначалу вороны терпимо относились к моим появлениям, лишь с криками кружась надо мной. Но с появлением птенцов мои посещения участились, и вороны каждый раз устраивали такую шумиху, что приходилось поневоле побыстрее заканчивать записи и удаляться.

Вскоре я окончательно надоел птицам, и одна из них стала меня преследовать. Жил я в метрах трехстах от этого гнезда, и стоило мне появиться на крыльце, как ворона с карканьем летела к моему дому и, истошно крича, провожала меня до места работы. Попытки отпугивания лишь усиливали шум, так как сразу же слетались соседние вороны, устраивая надо мной воздушную карусель. Я пробовал менять «энцефалитку» и «штормовку» на другую одежду, но птицу обмануть было невозможно. Преследования продолжались. Местные жители даже посмеивались, видя меня в сопровождении истошно орущей вороны, и мне каждый раз становилось не по себе при ее появлении. По этой причине я прекратил научные наблюдения и перестал посещать гнездо «нервной» вороны, но и это не помогло. Однажды я почти десять дней провел в горах, вернулся домой ночью, а утром, выйдя на крыльцо, увидел торпливо летящую из ельника ворону. Она уселась на соседний столб и «поприветствовала» хриплым криком. Оказалось, пока я отсутствовал ее неприязнь ко мне, перешла на всех людей, проходящих поблизости.

Лишь во второй половине лета воронья семья перекочевала на берег озера и оставила меня в покое.

Но на следующую весну, проходя по ельнику, мне вновь стало не по себе. Я вздрогнул, услышав занудливый крик прошлогодней вороны. Он до того въелся мне в память, что, казалось, я мог различить его среди сотни других. К счастью, в этом году ворона загнездилась в другом месте и уже не изводила меня своим преследованием. А я, соблюдая нейтралитет, старался не появляться на ее гнездовой территории.

Сусличья «солидарность»

В отрогах Нарымского хребта наш зоологический отряд занимался отловом мышевидных грызунов для выявления очага туляремии и энцефалита.

Обходя утром линию ловушек, расставленных на глинистом склоне среди чиёвников, мы обратили внимание на переполох, царивший здесь среди многочисленного поселения длиннохвостых сусликов. Вопреки всем правилам осторожности зверьки, выбравшись из нор и встав «столбиками», пронзительно кричали. И чем ближе мы подходили к концу линии, тем сильнее крики усиливались. Вскоре причина беспокойства стала ясна. В одну из ловушек попался молодой зверек. При нашем появлении он забился в кустик чия и стал издавать пронзительные вопли. Тут среди его сородичей началось невообразимое. Суслики кричали на все лады и тряслись от возбуждения. Пока мы вынимали пострадавшего, они устроили нам настоящий «митинг» протеста.

Сусличья «солидарность» победила. Пленника мы отпустили на волю.

Заколдованный круг

Небольшой саманный домик знакомого чабана Рахимбая затерялся среди каменистых сопок, между которыми лежат малоснежные степные долины, удобные для выпаса скота. Стоял ноябрь, и пока не выпали глубокие снега пастух каждый день, угонял отару овец подальше от дома.

Прожив несколько дней у Рахимбая, мы стали обращать внимание, что своих овец он чаще всего оставляет перед зимовкой. Каждое утро мы видели, что они, словно заколдованные, находились на одном и том же месте, где он их оставил вечером. Пригоняя к зимовке отару, Рахимбай со своим помощником и собаками разворачивает и прокручивает ее на одном месте. Сбившиеся в кучу овцы еще некоторое время отдыхают стоя, а затем одна за другой, ложатся. Рахимбай спокойно оставляет их здесь на ночь под присмотром злых сторожевых собак. Лишь в ветреные или метельные дни он загоняет их в загон и кошару.

Вечером, сидя за чаем, расспросили Рахимбая и узнали, что в подмеченном нами нет ничего, на его взгляд, удивительного. Привычка оставлять овец в заснеженной степи используется казахами испокон веков и основывается на хорошем знании их поведения. Оказывается, что, сделав с отарой несколько кругов на одном месте, особенно по чистому снегу, создается своего рода условный загон для них, за границы которого, в заслеженную степь, овцы боятся выйти.

Мой дом — моя крепость

Большой рыжий кот выбрался из заброшенного сада и не спеша стал переходить широкую дорогу, направляясь в сторону дома. Полное ленивой важности шествие кота вмиг нарушило появление лохматой дворняжки, выскочившей из-под соседней подворотни и с тьяканьем бросившейся за своим врагом. Кот, как ужаленный, промчался через улицу и заскочил в распахнутые ворота своего дома, но не кинулся панически спасаться под родным кровом, а напротив, изогнувшись

пушистой дугой и, подняв «трубой» рыжий хвост, приготовился защищаться, стоя на линии ворот и всем своим видом выражая древнюю истину — «мой дом — моя крепость». Он сердито зашипел и чуть не набросился на налетевшую на него собачонку, которая, почувствовав, что получит отпор, опасливо остановилась, поворчала и потеряв бойцовский пыл у границ чужой территории, поплелась к своей подворотне.

С помощью... перекасти-поля

По озеру Туранга-Куль в Зайсанской котловине гуляли тяжелые темные волны. С запада дул холодный октябрьский ветер. Охотник, устроив на песчаной косе в тростнике скрадок, ожидал вечернего перелета северных гусей и уток.

Вокруг расстилалась унылая глинистая пустыня с редкими кустиками чия и чингиля. По ней, словно футбольные мячи, подпрыгивая, мчались большие шары солянок — перекасти-поля. Они с разгона врезались в крутые волны, крутились в них и вскоре тонули. Метрах в двухстах в стороне по урезу воды вдоль илистой отмели сидело с десятков кряковых уток. Уткнув головы под крыло, они дремали.

Чтобы хоть как-то занять время ожидания, охотник внимательно смотрел на катящиеся шары, выслеживая тот, который помчится в направлении уток. Как они среагируют? И вот, наконец, издалека покатилося, помчалось, запрыгало большое перекасти-поле. Шальной ветер, поднимая пыль, в этот раз «футболил» его точно в утиный табунок. На полпути, когда растительный шар миновал небольшую куртинку чингиля, оттуда следом за ним серой тенью метнулась маленькая степная лисичка — корсак. Она стремглав неслась за перекасти-полем, словно прячась за него. Еще несколько мгновений, и все перемешалось. С испуганным кряканьем поднялась стая уток, а одна из них, схваченная корсаком, отчаянно забилась на отмели и вскоре затихла. Ветер тотчас подхватил и унес на воду несколько вырванных пуховых перьев. Лисичка поднялась, осмотрелась, почистила лапой мордочку и, ухватив утку за голову, потащила ее к темнеющим вдали зарослям кустарников.

Поразительная ориентация

В усадьбу Маркакольского заповедника из деревни принесли двух поросят-сосунков, совсем недавно отсаженных от матери.

Спустя неделю, хозяева случайно оставили открытой дверь и поросята бесследно исчезли из сарая. Осмотрели всё вокруг, но поиски оказались безрезультатными. Лишь в одном месте, на илистой луже, нашли отпечатки их маленьких следочков, которые, судя по направлению, вели в сторону деревни. На всякий случай сходили к прежним хозяевам. Поросята действительно оказались там.

Самое поразительное в этой истории, то, что, едва научившись бегать, поросята, принесенные на новое место в мешке, оказавшись на свободе, отправились к родному дому самым прямым путем, при этом, преодолев речку, рощу, болотце и по незнакомой улице они пришли точно туда, где родились, пройдя без малого километр расстояния!

Еще один случай рассказали мне в другом заповеднике. В военные годы в колхозах Алакольского района для нужд фронта мобилизовали все излишки лошадей. Табун перегнали из Уч-Арала на станцию Лепсы и поездом, в товарных вагонах, отправили в Алма-Ату. При перегрузке одна из лошадей вырвалась и убежала на свободу. Каково же было удивление хозяина, когда спустя месяц после отправки, его лошадь появилась дома. За это время она прошла не менее 600 км, переправившись через несколько рек и преодолев песчаные пустыни.

В литературе уже описано немало фактов необыкновенной ориентации домашних животных, но каждый новый случай только добавляет очередные загадки.

Жертвля собой

О верности многих птиц друг другу написано и сложено множество правдивых и легендарных историй. Мне до сих пор вспоминаются два случая поразительной преданности голубей.

Один мой знакомый в школьные годы увлекался содержанием и разведением голубей. Однажды ему повезло — достал великолепного самца турмана. К сожалению, он оказался единственным в поселке и, к тому же, долгое время не брал себе в пару ни одной голубки другой породы. В конце концов турман образовал семейную пару с самкой сизаря. Весной на чердаке они построили себе гнездо и самочка отложила в него два белых яйца. В это время и произошел случай, поразивший всех до глубины души. Вылетевшая с гнезда голубка присела на крышу и принялась чистить оперение. В этот момент появился ястреб-тетеревятник, вспугнул голубей и погнался за самочкой. Не миновать бы ей острых ястребиных когтей, но появившийся турман помчался наперерез и в последний миг очутился в лапах хищника. Ценой своей жизни он спас подругу. Произошло это событие на глазах у всей семьи и спустя

несколько лет, слушая эту трогательную историю, я видел, с каким восхищением родители и дети вспоминали и пересказывали во всех деталях этот поразительный случай самопожертвования турмана.

Другой случай произошел на автомобильной трассе, по которой стремительно неслась легковая машина. Впереди, как обычно, взлетела стайка сизых голубей. Одна голубка, словно не замечая приближающейся опасности, продолжала спокойно собирать корм. Гибель ее была неминуемой, если бы не второй голубь, который на глазах у водителя машины стремительно пронесся над дорогой и выбил голубку из-под колеса на обочину.

Неудавшийся грабёж

Сколько смекалки проявляют вороны в своих воровских делах! Воруют, где только представится возможность. Воруют в одиночку и компаниями. Группами, конечно, лучше. В таких случаях можно стащить что-нибудь наверняка и даже заняться настоящим грабежом.

Так случилось и в этот летний день. Парочка черных ворон опустилась на зеленую лужайку около дома рядом с семейством цыплят. Курица, кажется, даже не обратила на них внимания. Вороны же стали спокойно, с невинным видом, расхаживать рядом, склевывая что-то из травы. Они словно старались усыпить бдительность курицы. Иногда та поглядывала на них, но вороны «мастерски» делали вид, что заняты лишь разыскиванием корма. А сами бочком-бочком приближались к цыплятам.

Вот они уже на расстоянии двух шагов от них. И тут, как по команде, одна из них бросилась на курицу, вторая же — за цыпленком. Но хотя и считают куриц «тугодумными» птицами, на этот раз воронам не удался их коварный прием. Доли секунды курице хватило разобраться, в чем дело. Увернувшись от нападения вороны, она стремительно атаковала и нанесла ей ошеломительные удары, от которых та с пронзительным карканьем отскочила в сторону. От другой же вороны цыпля-

та с писком успели скрыться под кучей хвороста.

Разбой не удался, и вороны, как ни в чем не бывало, снова стали мирно расхаживать рядом, безвинно поглядывая на курицу. Авось, на этот раз она прозевает?!

Электронная газета № 111. 2021 г.

От двух смертей

Хмурый октябрьским днем, возвращаясь с неудачной охоты по алтайским предгорьям, на жнивье большого поля, наконец, удалось увидеть охотившуюся лисицу. Укрывшись в зарослях шиповника, стал следить за ней в бинокль.

Вылинявшая «огневка», с отливающим медью мехом, перебегая с места на место, обнюхивала колючую стерню у копны желтой соломы. Порывшись в кочках, она вдруг замерла около кустиков полыни. В тот же миг оттуда выскочил матерый заяц-беляк и размахистыми прыжками помчался к осиново-му перелеску. Лиса, бросившаяся за ним, вскоре отстала, и из зарослей травы временами мелькал только ее рыжий хвост.

Заяц, казалось, уже спасся, но на опушке леса вдруг появился его не менее заклятый враг — ястреб-тетеревятник, сразу же спикировал и вцепился в беляка. Заяц, как подбитый, вместе с хищником перевернулся и рванулся под куст шиповника. В бинокль я хорошо рассмотрел, что он, забившись в кусты, отчаянно отбивался и все же сумел вырваться из ястребиных когтей и скрыться в осиннике. А когда улетел тетеревятник, сюда подоспела отставшая лисица. Она тоже, очевидно, видела схватку и надеялась обогнать опередившего ее ястреба, но не успела. Рыжая обежала куст, обнюхала землю, где происходила борьба, подняла голову и, словно ничего особенного не случилось, побежала вдоль осинника.

Когда я подошел к кустам шиповника, вокруг, как белый пух, валялись клочки заячьей шерсти и несколько ястребиных перьев. Косому повезло — он ушел от двух смертей сразу.

Вопреки правилам

В середине декабря в южных предгорьях Тарбагатая несколько дней шли обложные снегопады и, когда установилась погода, братья Сергей и Игорь Шмыгалевы отправились на лыжах на охоту за зайцами. Прокладывая по очереди лыжню по глубокому снегу, в полдень добрались до березовой рощи в верховьях Темной речки. Вначале выпугнули двух косачей, затем на самом краю березняка подняли крупного беляка, который помчался в сторону ближайших сопок. В это время паривший кругами над степью беркут, спикировал в направлении бегущего зайца. Выскочивший на вершину сопки беляк, заметив наступающего его орла, неожиданно развернулся и, вопреки всем правилам, помчался вниз по склону навстречу хищнику. Беркут на большой скорости «накрыл» его, но промахнулся. Он с разлёту сел в снег, развернулся и, взмахивая крыльями, прыжками бросился вслед за зайцем. В это время беляк, пробежав с десятков метров до снежного надува у подножия сопки, остановился и принялся быстро зарываться в снег. Подоспевший к этому месту орёл сунул в снежную нору голову, затем попытался достать зайца лапой, но не успел. Побродив по снегу вокруг, он остановился в полуметре от норы и замер в позе выжидания. Однако, заметив приближение охотников, разбежался, взлетел и скрылся за сопками.

Подоспевшие охотники, убедившись, что выходных следов зайца нигде нет, принялись осматривать сугроб, где закопался беляк. Сергей, разрывая прикладом ружья снег, уже прошел около двух метров, когда ему навстречу в стремительном прыжке выскочил заяц и, ударив его лапами в грудь, отскочил в сторону и убежал. Охотник, получивший ошеломительный удар, потерял равновесие и едва не упал. Такой прыти от зайца никто не ожидал, ни беркут, ни охотники.

Электронная газета № 34. 2012 г.

Отблагодарила

Морозный декабрьский день. Мохнатая лошадка, запряженная в сани, неторопливо бежит по накатанной зимней дороге по заснеженному льду Маркаколя. Вдали показался Самойлов мыс и долгожданная избушка, где мы собрались погреться и вскипятить чай. Неожиданно замечаю впереди на обочине черное пятно. Останавливаемся. На снегу, свернувшись в комочек, лежит замерзающая землеройка — крошечный насекомоядный зверек с носиком-хоботком. Видимо, попав в глубокую колею дороги, она убежала далеко от берега и, теперь, обессиленная, замерзла. В эту поездку я впервые взял новенькие меховые рукавицы с кожаным верхом, оказавшиеся необычайно теплыми и удобными в зимних маршрутах. Подержав в руках зверюшку, в которой едва теплилась жизнь, я пожалел ее и заботливо уложил в одну из рукавиц, где она поместилась в боковом «пальце». Доехали до избушки и пока занимались чаепитием, рукавицу я оставил в теплом месте около печки. После обеда собрались ехать дальше. Взяв рукавицу, я решил достать землеройку, чтобы оставить ее в теплой избушке. Каково же было мое удивление, когда не обнаружил ее на прежнем месте. Отогрелась и сбежала. А на «пальце» рукавицы зияла большая дырища!

— Какая черная неблагодарность! — осталось развести мне руками.

Домовой

В пустынной равнине Жусандала в жаркий полдень мы остановились у артезианской скважины около пустующей чабанской зимовки. Умывшись и утолив жажду холодной водой, я отправился внутрь дома в надежде увидеть там птиц. Однако ни гнезд деревенских ласточек, ни трясогузок, ни голубей, обычно поселяющихся в таких помещениях, не оказалось. Я направился к выходу, но вдруг сзади раздались глухие звуки, напоминающие притопывание. Оглянулся, но никого не увидел. Обошел кухню, заглянул в соседнюю комнату. Пусто! В

недоумении пошел к дверям и вновь слышу уже настойчивое: «топ-топ-топ». «Да что это такое, — возмутился я, — домовой что ли завелся здесь?». Прошелся вновь по комнатам, осмотрел все закутки и остановился около полуразрушенной голландской печки. Заглянул на всякий случай внутрь и ахнул от удивления. Из сумрака на меня смотрели четыре желтых глаза! В глубине печки у дымохода в ямке среди утопанной золы сидело два пропыленных сычонка. Увидев меня, они сердито защелкали клювами и возмущенно затопали лапами...

Мое первое предположение оправдалось. В этом доме, да еще в печке, действительно жил домовой, но только сыч!

По дружью ливню дождя

Отшагав за день по горам более двадцати километров, усталый я спустился к озеру и по накатанной грунтовой дороге направился домой. Пришлось торопиться, так небо уже было давно затянуто тучами и скоро должен был начаться дождь. До деревни оставалось километра два, когда под порывами ветра зашумели макушки берез, а по дороге поднялись клубы пыли. Затем меня настигла сплошная лавина дождя. Я сбросил с себя рюкзак, накрылся брезентовой штормовкой и присел на обочине дороги. Проливной дождь был недолгим, но я успел промокнуть до нитки. Отжав мокрую рубашку и штормовку от обильной влаги, оделся и, поеживаясь от прохлады, тронулся в путь. По дороге от лужи к луже текли мутные ручьи. Каково же было мое удивление, когда, пройдя метров двести, я оказался на совершенно сухой дороге. Даже придорожные кусты и трава были пропылённые. Сюда дождь просто не дошел.

Я отправился дальше, размышляя о превратностях судьбы. Повстречался деревенский мужик, едущий навстречу на лошади. Поздоровались. Он с удивлением осмотрел меня, мокрого с ног до головы и покачал головой. Объяснять ему ничего стал — сам поймет и не менее удивится через сотню метров.

Муха-путешественница

Середина апреля. На Маркаколе яркое ослепительное солнце и весенняя теплынь, хотя еще кругом лежит снег. Присев в прибрежных кустах, наблюдаю за парой белых куропаток, которые, сидя на тальнике, кормятся, откусывая набухшие почки.

В тишине слышу знакомое жужжание и, с удивлением вижу, что мне на руку с биноклем садится крупная домашняя муха. Вялая, сонная, только что пробудившаяся после долгой зимней спячки. Вдали от жилья встреча с человеком, видимо, была для нее большой радостью. Целый час, пока я вел наблюдения, она летала рядом. Завершив свои дела, я собрался и отправил-

ся на лыжах в сторону деревни. Муха продолжала следовать за мной до самого дома...

На следующий день на конных санях мы отправились озером в сторону дальнего мыса. Зимняя дорога по заснеженному льду размокла, поэтому едем то по снежной «каше», то разбрызгивая воду в глубокой колее. Еще отъезжая от дома, с удивлением обнаружил, что за нами следует точно такая же, как вчера, комнатная муха. Она кружится то около бегущей лошадки, то присаживается где-нибудь на санях около нас. Впервые в жизни даже не возникло желания отмахнуться от нее. За полтора часа проехали одиннадцать километров, но она так и не отстала от нас. Когда остановились на отдых в избышке на берегу озера, муха залетела внутрь и устроилась на отдых на потолке близ жарко натопленной печки. Вечером, уезжая, мы уже с сожалением обнаружили, что обратно с нами она не полетела.

Электронная газета № 18. 2010 г.

Пауки хитрости

На берегу озера, у обочины тропы, заросшей высокой травой, стоит береза. Ее нижние красноватые ветви, уже давно засохшие, безжизненно, как старческие руки, свисают до самой земли. Паук густо оплел их паутиной и они, как паруса, раскачиваются, задерживая в своих тенетах мошек и комаров. Еще гуще паук оплел толстый березовый ствол. Присядет на него насекомое и сразу в ловушке. Свидетельство этому — серый слой иссохших насекомых, набившихся в паутину.

Чуть дальше березы над тропой склонилась раскидистая ива. Тугой серебряной сетью паук оплел на ней среднюю ветку, без малого три метра в длину. Настоящее паучье хозяйство!

Самого хозяина я застал за проверкой снастей. Почувствовав мое приближение, он не удрал в укромный уголок, а принялся трясти паутину, да так сильно, что она вся стала ходить ходуном. Зачем он это делает? От страха, наверное? Оказывается, в целях маскировки. Во время этой сильной тряски он становится совсем невидимым вместе с сетью

Навозники

Солнце уже клонилось за пустынные увалы, когда я возвращался к экспедиционному лагерю берегом речушки Орта-Теректы, стекающей с горных отрогов Южного Алтая. Неожиданно среди несмолкаемой стрекотни цикад послышалось нарастающее жужжание — и тотчас я получил хлесткий шлепок по щеке. К моим ногам упал черный жук. Им оказался крупный экземпляр навозника - гимноплевра, близкого сородича знаменитого священного скарабея. Жук смешно шевелил усиками и, видимо, еще не пришел в себя от непредвиденного тарана. А мимо, как шальные пули, проносились другие навозники.

Оказалось, что я вышел на недавнее стойбище скота, где было в разгаре настоящее пиршество. Впереди на тропинке, облепив коровью «лепешку», копошилось множество навозников. Жуки энергично прогрызали подсыхшую корочку «лепешки» и, оставляя за собой ходы, погружались в ее содержимое. Через некоторое время насытившиеся и измаранные до неузнаваемости, они выбирались наружу и, наполняя все кругом жужжанием, пытались взлететь. Однако отяжелевшим после пиршества и испачканным, сделать это им было нелегко, и только после многократных попыток они, наконец, поднимались и разлетались по стойбищу.

Вскоре оживление вокруг «лепешки» стихло. Жуки уже разлетелись, а я еще задержался, заинтересовавшись странным поведением крупного навозника, который пытался что-то вытащить, вернее выкатить из небольшого отверстия «лепешки». Это у него явно не получалось, и он стал усиленно расширять вход. Через несколько минут работы из отверстия показался круглый комочек, который упорно толкал сзади второй жук. По своим размерам он был почти на четверть меньше своего спутника. Выбравшись наружу, жуки стали торопливо очищать крылышки, грудку и головку.

Затянувшуюся процедуру их туалета неожиданно прервало появление третьего навозника, который, не обращая внимания на хозяев, взобрался на их шарик и принялся с жадностью его грызть. Однако не званный гость тотчас подвергся нападе-

нию одного из хозяев и был опрокинут на спину. После вторичной атаки он предпочел ретироваться.

Обеспокоенная нападением чужака, семейная чета тронулась в путь. И тут меня поразила удивительная работоспособность и согласованность жуков в передвижении шарика. Впереди него всегда находился крупный жук. Он двигался спинкой вперед, подкатывая шар лапками на себя. Более мелкий жук работал в положении головой вниз. Он отталкивался передними лапками от земли, а задними с усилием толкал шар вперед. Ему приходилось гораздо труднее. Через несколько минут пути его блестящий хитин покрылся пылью. На многочисленных ямках и трещинах, встречавшихся на их пути, он часто терял равновесие и опрокидывался на спинку, а шарик укатывался в сторону. Крупный навозник в таких случаях терпеливо поджидал, пока его спутник примет прежнюю позу, и они вновь трогались в путь.

Прошло около получаса, а жуки проползли всего лишь несколько метров, с титаническим упорством преодолев все встреченные препятствия. Наконец, они выкатили шарик на полянку с рыхлой почвой. В одном месте навозники остановились. Меньший жук головкой и лапками разрыл землю. Но, не удовлетворившись глубиной, выбрался, и они двинулись дальше. Остановка — и вновь он зарывается в почву и опять вскоре вылезает наружу. Почвенный слой по-прежнему неглубок. Через метр навозники попали в выбоину от коровьего копыта. Меньший жук тотчас начал зарываться в пыльную землю прямо под шарик. Прошла минута — и шар стал медленно погружаться. Крупный навозник в это время взобрался на шар и тяжестью своего тела способствовал его погружению. Одновременно сторожил свое изделие. Иногда, при моем приближении, он обегал вокруг выбоины, проверяя, не грозит ли опасность. Успокоившись, возвращался на место. Один раз он даже зарылся в землю, видимо, помогая меньшему в работе. Вскоре им стали мешать комочки почвы. Тотчас показалась запыленная головка меньшего жука. Он раздвинул создавшуюся преграду, а затем головой с усилием приподнял мешающий погружению большой земляной обломок. Крупный навозник в это время стал вращательными движениями вкатывать шар в образовавшееся пространство. Наконец он скрылся в земле,

придавленный сверху тяжелым обломком. Следом за шариком зарылся и меньший жук. Но крупный выбрался в последний раз из выбоины, обежал ее вокруг и погрузился снова. Теперь навозники вне опасности, и после утомительного пути самка примется за откладку яиц и изготовление подземной колыбельки, в которой будет жить их потомство.

Пока я наблюдал за этой сценой, из-за хребта наплыли тучи и стал накрапывать дождь. Пора возвращаться в лагерь, и я тороплюсь записать в дневник увиденное, но тут замечаю торопливо ползущих по тропинке еще двух навозников. Необычная процессия невольно вызывает улыбку. На спинке одного жука преспокойно едет другой. Вероятно, у этой пары брачная пора... Но тут ударили тяжелые капли дождя — и навозники тотчас погрузились в землю. Заинтересовавшись поведением жуков, я разрыл их нехитрое убежище. Оба жука неподвижно лежали передо мной — лапки прижаты к грудке и ни малейшего движения. Я их и в руки брал, и перекачивал из ладони в ладонь, и ронял на землю. Жуки были, словно мёртвые, вернее имитировали ложную смерть. Опускаю их на прежнее место. Прошла минута, вторая. Дождь усиливается, но они неподвижны. Наконец, начинаю замечать, как у одного из них шевельнулись усики, затем лапки. Подобные движения повторились и у другого. И вот они быстренько перевернулись со спины на брюшко — и тотчас зарылись в землю, не оставив после себя ни малейшего следа.

Содержание

ПРОЩАЙ, ЗИМОВЬЕ

(рассказы)

Прощай, зимовье.....	4
Чарым.....	9
Снежный человек.....	19
Шатун.....	27
На приваде.....	33
Соболька.....	41
Сашко и Дик.....	47
Пасечники.....	53
Гогольский кулдук.....	62
Туман.....	82
Хаврошка.....	91
Страшная дорожка.....	93
Солнышкин дом.....	100

СЛЕД НА ТРОПЕ

(очерки)

Воспитание по-медвежьи.....	106
Ошибка росомахи.....	107
О козле Яшке и козлином упрямстве.....	110
Чумка, Найдик и другие.....	111
Сердечное лекарство.....	120
Поющий зверек.....	122
Пернатый Плюшкин.....	124
Степная обитель.....	126
Ледоломка.....	127
Бобка.....	130
Маленькое приключение.....	131
Чай по-казахски.....	134

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ НАТУРАЛИСТА

«Крылатая» белка	137
Бурундук на подсолнухе	138
Испуг Барсика	140
Счастливая ошибка	142
Скрипун-невидимка.	143
В шапке-видимке.	143
Сорочьи догонялки.	144
Осада.	146
Заклятый враг.	146
Ночные охотники	147
Самопожертвование	148
Злопамятная ворона.	149
Сусличья «солидарность».	150
Заколдованный круг.	151
Мой дом - моя крепость.	151
С помощью... перекаати-поля	152
Поразительная ориентация	154
Жертвуя собой	155
Неудавшийся грабеж.	156
От двух смертей.	157
Вопреки правилам.	158
Отблагодарила	159
Домовой	159
По другую линию дождя	161
Муха-путешественница	161
Паучьи хитрости	162
Навозники.	163

Николай Николаевич Березовиков

ТАЁЖНАЯ ЗАПОВЕДЬ

Составитель: Н.Н. Березовиков

Редакторы: М.Т. Баймуканов, С.В. Стариков, Т.Н. Дуйсебаева

Иллюстрации и верстка Д.С. Складченко

Издательство:

Учреждение «Институт гидробиологии и экологии»

Электронное издание.

Издание некоммерческое, распространяется на бесплатной основе.

© Березовиков Е.Н.

ISBN 978-601-80473-1-2

9|786018|047312|